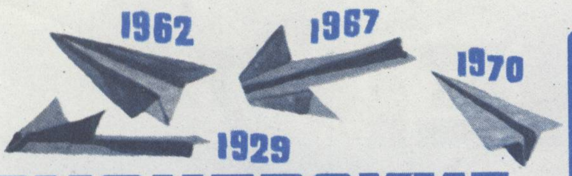
ПИОНЕР 7

ИЮЛЬ • 1972 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПИОНЕРСКИЕ СЛЕТЫ

Прислушайтесь! Слышите, как красиво и торжественно поют горны?! Слышите, как весело и парадно чеканят дробь барабаны?!

На берегу Черного моря, в солнечной, прекрасной, счастливой пионерской республике Артек, открывается V Всесоюзный слет пионеров. Слет в честь пятидесятилетия Союза Советских Социалистических Республик, в честь пятидесятилетия Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина.

Слет — это самый большой пионерский сбор, на котором говорят о главном: что сделано и что предстоит еще сделать, чтобы больше пользы принести стране и всем ребятам жить интересно и весело.

Слет — это праздник, шумный и радостный. Это фанфары и фейерверки, песни и шествия, костры и встречи с друзьями старыми и новыми, с друзьями из всех союзных республик и из других стран.

Слет — это рассказ о времени, рассказ о жизни страны. Все пятьдесят пионерских лет люди в красных пионерских галстуках шагали в одном строю с коммунистами и комсомольцами, были верной и преданной, самой юной гвардией своей страны.

Пионерский салют тебе, V Всесоюзный слет пионеров!

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ИЮЛЬ 7

Издательство «Правда»

Москва 1972 г.

В Ленинграде на IV Всесоюзном слете.

18 мая в Кремлевском Дворце Съездов на торжественном Всесоюзном сборе юные пионеры произнесли Клятву верности Родине и партии.

И ты вместе с ними произнес эту клятву.

В дни пионерского слета ребята из правофланговых отрядов, победители всесоюзного марша «Всегда готов!», посланцы пионерских дружин решат, как жить и работать дальше.

И ты вместе с ними подумай о том, как жизнью своей продолжить дело отцов и дедов — коммунистов, комсомольцев и пионеров всех лет и всех поколений, дело великого Ленина!

КЛЯТВА ПИОНЕРОВ

**Любимая Родина!
Родная партия!
За любовь и заботу,
за веру в нас,
младшее поколение Октября,
за высокую награду—орден Ленина
НАШЕ ПИОНЕРСКОЕ СПАСИБО!**

Здесь, в Москве, в сердце нашей многонациональной Родины, в этом зале, где работал исторический XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза, мы, юные пионеры, перед лицом коммунистов и комсомольцев, всего советского народа, все, как один, клянемся:

**Дорогой партии идти
ВСЕГДА ГОТОВЫ!
Страну Советскую любить
ВСЕГДА ГОТОВЫ!
Достойной сменой старшим быть
ВСЕГДА ГОТОВЫ!
Дружбу братскую крепить
ВСЕГДА ГОТОВЫ!
Как завещал нам Ленин жить
ВСЕГДА ГОТОВЫ!**

Пионерской честью и верностью красному знамени клянемся свято выполнять заветы Владимира Ильича Ленина, бороться за великое дело Коммунистической партии Советского Союза.

**КЛЯНЕМСЯ!
КЛЯНЕМСЯ!
КЛЯНЕМСЯ!**

МОСКВА,

АВГУСТ, ГОД 1929.

Девять дней вся Москва, как говорил в те дни Алексей Максимович Горький, была в плену у красных галстуков. Делегатов слета можно было увидеть повсюду: в семьях рабо-

Гостями I Всесоюзного слета пионеров были Н. К. Крупская и А. М. Горький.

чих, в кабинетах народных комиссаров, в красноармейских лагерях, на стадионах, в залах Кремля. Пионеры отчитывались перед Родиной. Пионеры давали слово расти достойной сменой старшим. Пионеры рассказали на слете о своих делах. На стадионе «Динамо» во время торжественного закрытия Первого Всесоюзного слета прозвучал голос Владимира Маяковского:

Вперед,
отряды сжатые,
по ленинской тропе!
У нас
один вожатый —
товарищ ВКП.

АРТЕК,

ИЮЛЬ, ГОД 1962.

Две тысячи восемьсот посланцев пионерских дружин собрались на Костровой площади Артека на торжественное открытие Второго Всесоюзного слета. Он был посвящен 40-летию пионерской организации. Рядом с делегатами слета из союзных республик стояли наши зарубежные гости. На весь мир прозвучало Обращение к детям земли о мире.

А когда над морем вспыхнули огни фейерверка, над Аю-Дагом прозвучали стихи:

Верность Ленину делом
докажем!
Партия в нас уверена.
Орден Ленина
На знамени нашем,
Полный вперед, пионерия!

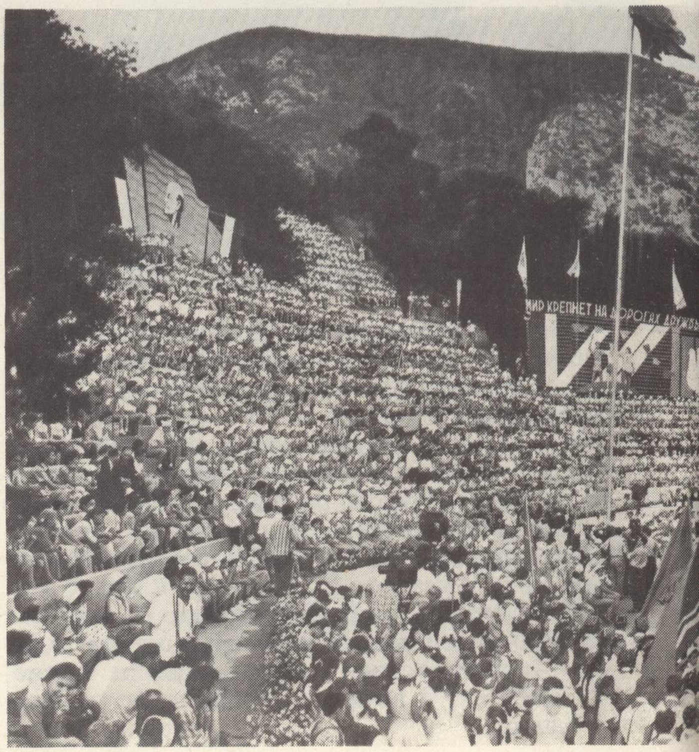
АРТЕК,

ИЮЛЬ, ГОД 1967.

Из Бреста и с Чукотки, из Владивостока и Мурманска спешили в Артек делегаты Третьего Всесоюзного.

На самой высокой лагерной мачте 15 июля в 18 часов 55 минут поднят флаг Третьего Всесоюзного слета, посвященного 50-летию

Артек. Костровая площадь. Здесь был поднят флаг II Всесоюзного слета.

Великого Октября. Флагу салютовали четыре тысячи триста двадцать делегатов. Почетным гостем слета был первый летчик-космонавт Юрий Алексеевич Гагарин. И он, глядя вместе с ребятами в чистое небо Артека, где вспыхнули ракеты, сказал: «Мечтайте, ребята! Дерзайте, ребята! Впереди у вас замечательная жизнь!»

ЛЕНИНГРАД,
ИЮЛЬ, ГОД 1970.

В Ленинграде был дан старт Всесоюзному Маршу «Всегда готов!», посвященному 50-летию пионерии.

На всю жизнь делегаты Четвертого Всесоюзного слета, посвященного 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, запомнят город на Неве. И встречи с ветеранами партии. И пионерскую линейку у легендарного Зимнего. И строгую тишину Пискаревского кладбища. И кабинет В. И. Ленина в Смольном... Юные пионеры дали слово комсомолу, что Обращение XVI съезда ВЛКСМ они выполнят. И слово свое сдержали!

На III Всесоюзном в день Мира на всех площадях Артека появились рисунки ребят разных стран.

АРТЕК,
ИЮЛЬ — АВГУСТ, ГОД 1972.

Победители Всесоюзного Марша «Будь готов!» — правофланговые отряды — получили право послать своих делегатов на слет в Артек.

Пионерская республика снова встречает делегатов Пятого Всесоюзного слета. И как всегда, вспыхнут на берегу Черного моря пионерские костры. И как всегда, по доброй пионерской традиции будет дан старт новым делам пионерии.

Салют тебе, Пятый Всесоюзный!

Сергей ИВАНОВ

Рисунки П. БАГИНА.

Пять тысяч матросских миль

Продолжение

Вчера и сегодня

Лето на Волге жаркое. Мы, палубная команда, матросы, ходим в одних плавках. Кожа задубела, почернела от ветра и солнца, волосы и глаза порыжели.

Теплоход наш, выйдя две недели назад из ворот последнего волго-донского шлюза, пошел вверх по «матушке-реке». Деньки мелькают быстро: ночные вахты, стоянки, волжские города.

Подходим к Горькому. Берег высокий, лесистый, с оврагами, которые извилисто уходят куда-то вглубь. Березы, осинки, березы. А вдоль этой зеленой стены летит, обгоняя нас, белая чайка.

В Горьковский порт нас не пускают: все битком забито. Каждый причал на учете. Мы ведь кто? Перегонщики, странники. Нам только подкупить провианта, да налить трюмы соляркой, да переночевать, коли уж пришли под вечер. Поэтому нас отсылают на стоянку километра на два вверх, к маленькой пристанишке правого берега. Горький стоит на левом, на высокой горе. Кремль его с приземистыми башнями и светло-коричневыми стенами сползает сверху к реке. А наш берег пониже, попроще. Чуть поодаль видна деревенька.

Я стою на баке со швартовым концом в руках. Но вахтенного по пристани не видно. Берег все ближе. Сейчас бы самое время отдать концы да закрепиться. Кричу что есть силы:

— Эй, на пристани! Принимайте швартовый!

И вдруг вижу: прямо на меня плывет неглубокий овраг меж двумя пологими холмами. Все кругом поросло густыми цветами, травой. И по оврагу, по цветам идут три судна. Ветерок бежит травой, зеленая сухая волна, пена ромашек ударяют в борт сказочным кораблям...

— Давай чалку-то! Заснул? — раздается с причала.

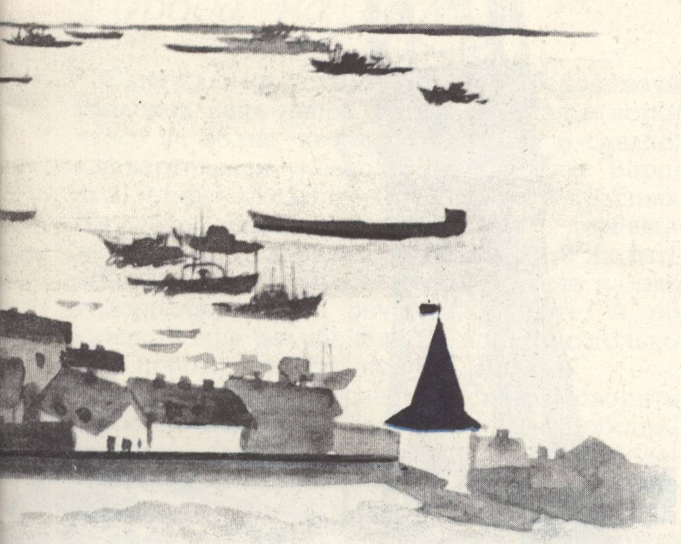
Я бросаю швартовый — по-волгарски чалку — нечесаному, заспанному парню, одетому в тельник и стираные, коротковатые джинсы. Видение, однако, не проходит: плывут по цветам три судна...

Минут через двадцать, когда швартовка закончена и наведен трап, мы уже мирно покуриваем с тем вахтенным, сидя на свободных кнехтах.

— Там чего? — удивляется он моему вопросу.— Кладбище. Кладбище кораблей. Эти еще прошлую навигацию ходили. А теперь кончено: автогеном порежут и на переплавку.

После шести, после рабочего дня, я отпрашиваюсь у старпома сходить к мертвым судам. Уже на берегу меня догоняет Виталя.

И вот мы идем, босые, по рассыпчатому, сухому песочку, обхлопывая лютеющих к вечеру комаров. Половина солнца лежит на низком правом берегу. А другая половина уже утонула за горизонтом.

Серебряно, далеко перекликаются над Волгой гудки.

Огибаем пологий холм, выходим к судам. Первое из них повернуто к нам боком. Краска еще хорошо сохранилась, ровной полосою тянется белая ватерлиния, на борту у носа большими буквами выведено: «Вольный». Подходим ближе. В якорном клюзе закреплена веревка. Она уходит по земле куда-то за судно.

— Что это такое?

— Не знаю...

Виталя сильно дергает веревку. Тотчас раздается: «Ме-э-э!» Из-за носа судна высовывается бородатая, рогатая башка: «Ме-э-э!» Фу ты черт!

— Пошла вон! — кричит Виталя.— Видал, Серега, какой якорь?

Нам и смешно и грустно. В глаза сами собою лезут буквы: «Вольный». Огибаем форштевень, проходим мимо злосчастной козы. Она сторонится нас, нескладно отбегает, тряся тяжелым выменем. Из травы к судну приставлен старенький трапик.

— Залезем?

— Давай.

Деревянная обшивка палубы разболталась, подгнила. В каютах темень, запустение, битые стекляшки, пахнет какой-то дрянью. Каютки тесные, койки одна над другой. Вспоминаются наши собственные апартаменты. Переглядываемся.

— Как на нем парни плавали?

Нетрудно определить, что судно это было буксиром, дальним родственником нашего толкача. Но очень дальним, очень!.. Весь корпус сработан беднее и топорней. Линии нечеткие, словно недодуманные до конца. А у нашего теплохода уже в самом облике ясно различим характер — хороший признак для всякой конструкции. Сразу понятно, что наш буксир крепкий, и настырный, и силы ему не занимать. И работяга он. На Волге, на Дону мы много таких встречали. Шесть-семь барж ему на хвост нацепляют — он и не охнет. А на Лене, ребята говорили, такие толкачи еще больше таскают!..

Этот «Вольный» по габаритам нашему почти не уступает, а слабее его раза в два. Мы это определяем по жиденькой лебедке на корме... Раз лебедка слабая и трос на ней тонкий, значит, и само судно рассчитано на небольшие усилия. Здесь на лебедке был трос толщиной в палец, а наш—почти в человеческую руку!

— Есть разница?! — победоносно спрашивает Виталя, будто я с ним спорю. И немного погодя кричит: — Ты гляди сюда!

Он стоит перед какой-то дверью в темноту. Я просовываю туда голову. Что за фантастика! Передо мною скопище толстых и тонких железных труб, плоскостей и цилиндров. Все это огромно, нескладно, некрасиво. Вот она как выглядит, паровая машина! Я невольно вспоминаю дизельные двигатели нашего судна. Они и компактней раза в три, в четыре и опрятней.

Мы проникаемся гордостью за свой теплоход. А старое судно продолжаем осматривать с нескрываемым пренебрежением. Да и что от него осталось — один железный остов да вот этот дощатый сарайчик, почему-то именуемый рубкой... Ан нет, осталось еще кое-что флотское: на баке рында висит — небольшой сигнальный колокол. Я ударяю в рынду и голосом нашего капитана кричу:

— Боцман! Вира якорь!

— Есть вира якорь! — Виталя сует руку в клюз, тянет за веревку, к которой привязана коза. Та начинает отчаянно вопить. Вдруг откуда-то сверху раздается:

— Отставить!

Из иллюминатора рулевой рубки на нас строго смотрит старик в тельнике и капитанской фуражке.

— А ну-ка подымитесь сюда!—Голос у него властный.

Мы переглядываемся.

— Пойдем?

— А чего ж, сходим...

По скрипучему деревянному трапу, который больше похож на старую дачную лестницу, поднимаемся в рубку. Помещение крохотное, ни приборов, ничего такого, что есть в рубке современного судна, нашего, например. Да, видно, и не было никогда! У задней переборки самодельная койка, застеленная старым и, наверное, жестким, как наждак, одеялом. Маленький столик. На нем полбуханки черного хлеба, стакан, банка молока. Уж не от той ли самой козы?..

Только перед лобовым иллюминатором штурвальное колесо, до блеска отполированное мозолистыми матросскими ладонями, да запах доброго табака — капитанского, да сам старик: по правой щеке, через скулу и шею, уходит под тельняшку белая молния шрама. И вместо правого глаза черная повязка...

Минута смущения. Старик молча разглядывает нас. Наконец Виталя, который страшно не любит такие положения, начинает разговор:

— Ну что, отец? Ваш пароход вообще-то давал узлов семь... в неделю?

Старик недружелюбно усмехается:

— Ты сам-то откуда?

— А вон оттуда мы,— небрежно кивает Виталя. Из рубки «Вольного» хорошо виден наш красавец — белоснежный, как чайка.

— Да, пароход,— одобрительно говорит старик.— Далеко топаете?

— Далеко—не далеко... до Якутска!

— На Лену?

— Туда.

— Вы, видать, флотские ребята.— Старик немного оттаивает.— Чего ж дурака валяете?

— Да не, вы не сердитесь.— Виталя улыбается.— Мы пошутили.

— Шутить нечего. Списано судно...

— Ну и правильно, куда ж его еще? В исторический музей? На переплавку — и крышка!.. Из него сковородок, знаете, сколько можно наделать!

— Флотских вы традиций не знаете! — сухо замечает старик.

— Почему же это? — удивляется Виталя.

— Потому что судно не уважаете! Волжская флотилия, слыхали такую? Так вот, это самое судно в той флотилии воевало!

— Когда оно воевало? — говорит Виталя недоверчиво.

— У Сталинграда!.. Орудий на нем не было. Это верно. А все же таскало нашим, что требовалось... Его топили два раза. Команда чуть не каждый рейс новая. Уж про вашего брата, матросов, молчу — трех капитанов убило!.. А ты говоришь!

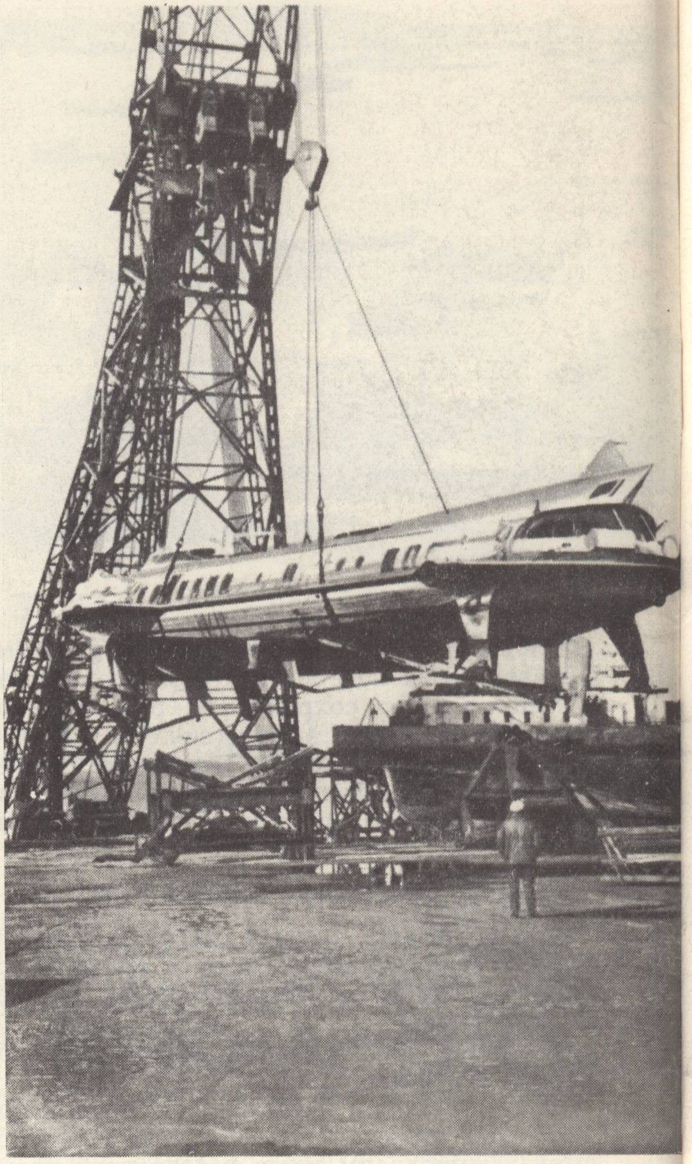
Мы стоим с Виталей и не знаем, что сказать, как поступить. Неловко вышло. Медленно, молча идем вон из рубки.

— Вы извините нас! — говорит Виталя.

— Ладно...

— Извините! — говорю я.

— Да ступайте, ступайте...

Сунул корабль в стальную авоську и потащил!..

Мы спускаемся по скрипучему трапу и слышим, как старик ворчит себе под нос, что вот, мол, они, молодые!.. Как на пенсию человека или судно спишут, так и забыто все, будто нé жили!..

Хотелось вернуться в рубку и сказать ему, что неверно это! Однако не вернулись мы. Потому что еще несколько минут назад вели себя так, будто и в самом деле мы такие. На душе было нехорошо!

Мы сошли на палубу, потом на почерневшую в сумерках траву. Прошли мимо козы, которая опять от нас шарахнулась. Стали подниматься на холм. Оглянулись на «Вольный». У раскрытого иллюминатора стоял сторож-старик и смотрел нам вслед.

— Прощайте, отец! — крикнул Виталя.

Старик снял свою капитанскую фуражку, по-военному взял ее на левую руку, а правой махнул нам в ответ:

— Счастливого плавания!

Города на воде

Однажды на исходе июльской белой ночи теплоход наш, неповоротливо пыхтя и ворочаясь на волне, которую сам себе и сделал, отшвартовался у беломорского пирса. Впрочем, «пирс» сказано здесь слишком красиво. На самом деле то были три старые деревянные баржи, лежащие прямо на дне. В их раскрытых люках видны были подводные камни, водоросли, мелкая речная живность. А по крепкой еще палубе топали моряки с только что прибывших судов.

Может, о Беломорске и не стоило говорить особенно подробно, если бы не одно обстоятельство: здесь кончается знаменитый Беломорско-Балтийский канал и ворота его последнего шлюза открываются прямо в море.

Об этом я думал, когда утром следующего дня шел по упругим деревянным кладкам с пристани в город. Слева и справа от узких этих мостков лежала живая, оттаявшая под солнышком вечная мерзлота. Я видел ее впервые и для полноты ощущений ступил с мостков прямо в беловатый водянистый мох и мелкие бледно-розовые цветы клюквы. Мерзлота с удовольствием чавкнула, я почувствовал: еще мгновение, и в ботинок мой ворвется вода. Я отдернул ногу, мерзлота вздохнула.

Со стороны города навстречу мне подул свежий ветерок. По особой его прохладности и чистоте я понял: это он, старый мой приятель! За несколько месяцев своего путешествия я часто встречал этот ветерок на улицах речных и озерных городов. Конечно, они все разные, но чем-то и родные друг другу. Хотя б свежим ветерком или вот мостками-кладками. На юге — по Дунаю, по Дону — на что уж мало лесу, а без кладочек этих не обходится ни одна приречная улица. К северу кладок все больше, все звонче и веселее по ним шаг.

А еще в городах на воде живут особые люди. Какие же особые? Флотские! Здесь и мода своя, и разговор, и манера держаться. Здесь в ходу бескозырки с ленточками до пояса, необыкновенные клеши в полметра шириной, громадные капитанские фуражки с особо изукрашенной, золотом расшитой мицей. А мица, знаете, что такое? Форменная эмблема. Сухопутные часто называют ее «крабом».

Жители городов у воды — люди действия. Конечно, и они любят поговорить, порассказать. Но, в общем, в серьезных вопросах словам они доверяют не очень. Я много раз попадал впросак из-за этого. Например, попрошу растолковать мне дорогу на почту, в ответ услышу:

— Иди так, так, потом сюда, тут будет Нагорная, потом поворот вот сюда, еще метров триста — и упрешься прямо в точку. Ясно?

Я долго не мог понять, в чем дело, неужели все они так одинаково шутят надо мной?! Наконец догадался обратить внимание на их руки.

Оказывается, они ими не просто жестикулируют, а будто рисуют в воздухе подробнейший план. Видно, уверены: словом оно непрочно получается, а уж коли рукой покажешь, то понятно!

И объявления здесь особенные, несухопутные. Я люблю объявления читать: маленькие бумажки, целой толпой белеющие на стенке табачного ларька, на столбе у трамвайной остановки, на пристани. Вот некоторые из них. Теперь уж не припомню, когда они залезли в память, в каком городе. «У боцмана Жадова пропала собака (Рекс). Просьба вернуть». И ни адреса, ничего. Вот какой он знаменитый, боцман Жадов! Хорошо бы и собака его нашлась... «Срочно куплю лодку-казанку. Адрес такой-то». «Продается мотор от «Победы». Можно поставить на катер. Адрес...»

В простых городах о чем объявления пишут? О шкафах, холодильниках и прочих скучных вещах. А здесь нате вам — лодка-казанка! Не ялик человеку понадобился, не челнок какой-нибудь, а именно лодка-казанка. Да еще срочно!..

Есть в озерных и речных городах особенные магазины. Называются: магазины плавсостава. Простым смертным здесь товар отпускают мало и неохотно. Того, мол, нет, этого нет, за тем заходите завтра, а лучше через недельку.

Но вот заходит свой, например, судовой артельщик. Его сразу узнаешь: весь обвешан торбами, вид озабоченный — хочется для команды все купить и с деньгами обернуться. Уж для него продавцы стараются! Товар лучший отберут, а чего нет, со склада

Города на воде... Бывают они и такими.

притащат, а чего совсем нет, глядишь, из-под прилавка достанут: «Бери, парнишка!» Магазин плавсостава удивительный! Это как бы целый универмаг, но умещается он каким-то чудом в одной небольшой комнатушке. Тут и колбасу можно купить, и конверты, и мыло, и форменные нашивки, и хлеб, и книжку, и необходимый судовой инструмент... Мы уж знаем: в нашем магазине для моряка все найдется.

Города на воде. Они бывают крохотными и огромными. В крохотных велосипедисты неторопливо обгоняют телеги, в которые запряжены лохматые кони. И все автомобили известны здесь наперечет. А в огромных городах рычат автобусы, трезвонят на площадях трамваи, ревут в аэропорту самолеты и разгоряченные поезда уносятся в разные концы земли. Но все равно, все равно, какими бы огромными или маленькими эти города ни были, что бы ни делалось в них, все главное происходит в порту! Так уж повелось испокон веку, когда не было ни вокзалов, ни аэродромов, когда еще даже велосипед не успели изобрести. Была только река. И приходили в город суда: сверху их весело несло течение, снизу притаскивали угрюмые бурлаки...

У всех портов характер одинаковый, у всех душа нараспашку. Что бы ни происходило в порту — весь город может это увидеть, вся река. Словно на великанской ярмарке, горами лежат разные товары! Уголь, доски, брикеты торфа, оконные рамы, автопокрышки сгружают прямо на пристань. Покрикивают буксирчики, ослепительно трещат огни сварки, краны будто бы в недоумении разводят стометровыми руками. Да еще тяжелый железный стук, пыхтение местного паровозика, грохот судовых машин, сотни, тысячи других звуков, разлетающихся над портом, словно туча испуганных ворон. Все это свежему человеку представляется неразберихой сплошной!..

Однако холмы угля и армии ящиков быстро исчезают с пристаней в ненасытных трюмах, в кузовах автомобилей, вагонах. А на их месте сейчас же вырастают другие холмы, армии. Что ни час отходят отяжелевшие под грузом суда. Занимая чуть не всю реку, тянутся километровые плоты. Их тащат, пыхтя, стуча, выбиваясь из сил, крохотные буксирчики. Словно муравьи соломину!

Гремящую картину речного порта невольно хочется сравнить с неторопливым калейдоскопом. Но только это не калейдоскоп вовсе. Здесь ничего нет случайного. А напротив: все выверено, и рассчитано, и разнесено в десятки графиков и планов. За четкостью работы огромного этого организма следит начальник порта, и сменные диспетчеры, и каждый рабочий, механик, инженер, грузчик...

Мне легко думается обо всем этом, пока упругие деревянные кладки ведут меня вдоль Беломорского порта.

У самого города встретил я молодого парня. Мы глянули друг на друга — на обмолоченные солнцем волосы, бронзовые лица, огрубевшие руки, уголки полосатого тельника, выглядывающие из-под рубашки, и поняли: свои. Я спросил:

— Как на почту попасть, братишка?

— Пойдешь туда, потом вот так, так, направо,— говорил он, по-северному охватывая каждое слово крепким обручем звука «о».

А я — стреляный воробей! — внимательно следил за движениями его рук, в которые до конца навигации несмываемо въелся мазут...

У ворот океана

Архангельск. Это один из крупнейших морских портов нашей страны. Еще его называют столицей русского севера.

В жизни Экспедиции спецморпроводок речных судов Архангельск занимает особое место. Суда, которые перегоняет наша Экспедиция, начинают свой путь в самых разных городах. Но откуда бы ни шло экспедиционное судно, в первых числах августа оно непременно должно быть в Архангельске. Здесь у всех как бы промежуточный финиш. Отсюда начинается наш путь по северным морям.

Ясное дело, к этому необходимо как следует подготовиться. Стоянка здесь продолжается дней десять.

Архангельский порт огромен. Едва ли не больше самого города. На много километров по Северной Двине все причалы, все железные руки кранов. Круглые сутки идет работа. То и дело кто-то отходит, возвращается. Дымят трубами «иностранцы» с самыми экзотическими портами приписки.

Среди океанских гигантов наши теплоходики выглядят ужас как легкомысленно. На реке это незаметно. А здесь, в компании морских судов, такие они, оказывается, скорлупки. Аж сердце заноет: да можно ли на них по океану-то плавать?.. Можно, можно! Это уже доказано не раз. И мы докажем снова!

В Архангельске, городе моряков, к нам отношение особое.

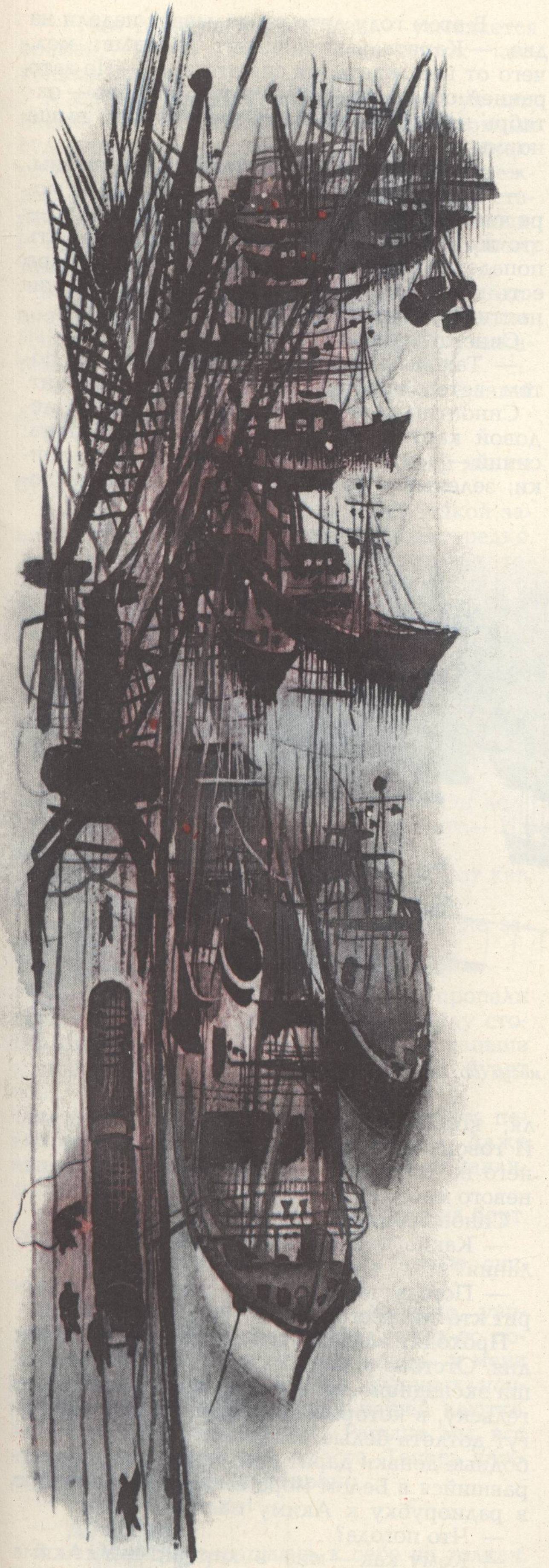
— Откуда вы, ребята?

— Из Экспедиции.

Уважительно:

— А-а!..

Десять дней архангельской стоянки мелькают в кропотливой и трудной работе. Приводим в порядок судно, поистрепавшееся за время длинного пути. Наконец, все возможное и многое из того, что казалось невозможным, сделано. Каждый механизм отлажен до того, что буквально понимает тебя с полуслова. Стальные кончики, измочаленные в шлюзах, приведены в божеский вид. Все инстру-

Архангельский порт огромен!..

менты смазаны и заняли те места, откуда им удобнее всего прыгнуть тебе в руки. И уж, конечно, сам толкач наш сияет такой невероятной чистотой, что просто глазам больно. Однако это не мешает нашему боцману еще раз подробно все осмотреть. Он начинает с самого верха. Идет, придирчиво шевеля усами. Мы с Васькой — моим дружком и соседом по каюте — сидим на корме, наблюдаем за непосредственным начальством. Настроение что надо: хорошо поработали, теперь будем хорошо отдыхать!

— Дракон! — кричит Васька.— Может, тебе микроскоп притащить?

— Чего?

— Микроскоп! Мы с Серым живо-два сбегаем. Он пылиночки вот такусенькие замечает!

— Болтай-болтай! — Боцман маскирует усищами непрошеную улыбку.

Все отлажено на нашем теплоходе. Можно докладывать капитану, что, мол, «к водоплаванию готовы». Примерно к тому же времени и на других судах все дела выстраиваются в образцовый порядок. И вот в один из последних архангельских дней капитаны Экспедиции собираются на совещание. Оно проходит на флагмане: до Архангельска суда шли по своему собственному графику и маршруту. По северным морям уже двинется общий экспедиционный караван.

Наш флагман — красавец теплоход, построенный для СССР в Финляндии. Здесь, в просторной кают-компании, отделанной светлым деревом, и собираются капитаны всей Экспедиции.

Это удивительное собрание — настоящий клуб знаменитых капитанов! Что ни человек, то своя история, экспедиционная легенда. Почти у каждого на темно-синей форменке знак «Капитан дальнего плавания» — высший знак флотского отличия. Вон сидит и наш кеп — предельно четкий, замкнутый, холодноватый, привыкший отдавать приказания.

Вдруг все капитаны разом встают, словно школьники при появлении учителя. В кают-компанию входит огромный человек лет шестидесяти пяти. Одет он необычно: в шерстяной тренировочный костюм, который плотно облегает его литое тело. Двигается немного грузно и в то же время свободно. Ну ни дать ни взять — заслуженный тренер СССР по тяжелой атлетике или по борьбе. Это Федор Васильевич Наянов, начальник всей нашей Экспедиции. Именно он в свое время был автором смелого проекта проводки речных судов северными морями. Доказывал, пробивал по инстанциям, а потом первым экспедиционным капитаном шел сквозь штормы, льды. Нынешний перегон для Федора Васильевича двадцать четвертый.

Излишне говорить, каким огромным уважением он пользуется у моряков. За глаза его с удовольствием называют «батя» или «самый большой капитан». А он и правда самый

большой здесь, самый широкоплечий и крепкий...

— Садитесь, садитесь.— Наянов проходит на свое место.— Все в сборе? Можно начинать?

Переход до Архангельска для нашего, например, толкача был нелегким. Наверное, и другим порядком досталось на орехи. В общем, есть что вспомнить. Однако на такие совещания «романтику» не приглашают. Капитаны докладывают кратко, четко, суховато: рейс выполнен в такие-то сроки, пройдено столько-то, сделано то-то.

Наконец слово берет «самый большой». Он умеет говорить. Хорошо понимает, сколько вынесли на своих плечах команды и сколько еще предстоит. Для каждого умеет найти доброе слово, потому что все потрудились и хорошо и в поте лица. Но хвалит Федор Васильевич немногих. И всякому известно:

— В этом году лето запаздывает недели на две...— Капитаны пожимают плечами: мол, чего от них ждать, от синоптиков! — Но зато ранней осени не последует. Сентябрь — октябрь неплохие, на один-два градуса выше нормы...

— А как лед? — спрашивают капитаны.

— Да вот карта. Сами смотрите: Белое море чисто. Баренцево... почти. Два-три балла — это же не лед. Ну, может, где четыре-пять попадется. Правда, в районе Югорского шара есть мешочек...— Капитаны смотрят на синоптика укоризненно.

Синоптик оправдывается:

— Так мы его всегда там встречаем! И потом ветер хороший. Ветром лед растащит.

Синоптик постукивает карандашом по ледовой карте. Она раскрашена в три цвета: синий — почти чистая вода, одиночные льдинки; зеленый — большие льдины, ледяные поля; коричневый — тяжелый, сплошной лед. И говори не говори, а сразу видать, что синего на той карте мало, а зеленого и коричневого много...

Тлеют и никак не могут дотлеть белые ночи...

его похвала стоит дорого! Среди лучших Наянов называет и наш толкач. Приятно!.. А что же наш кеп? Сидит с железным выражением лица, сжимает в кулаке холодную трубку: курить здесь не положено.

Вместе с выступлением Федора Васильевича Наянова кончилась «речная половина» нашего маршрута. Капитаны сразу оживляются: они ведь все моряки! На большой круглый стол между тем ложится ледовая карта Белого и Баренцева морей. Теперь слово берет главный синоптик Экспедиции, человек, который будет «снабжать» нас погодой по всему Северному морскому пути.

Так уж издавна повелось на флоте: в плохой погоде винить прогнозистов. Поэтому главный синоптик, высокий, уже немолодой человек в капитанской форме, старается прогноз свой формулировать помягче, обтекаемей:

Синоптик кончает:

— Какие, товарищи, будут вопросы, пожелания?

— Погоду там колдуйте хорошую! — говорит кто-то строго.

Проходят еще два-три спокойных, веселых дня. Отстояв вахту, беззаботно шатаются наши экспедиционники по прекрасному Архангельску, в котором все тлеют и никак не могут дотлеть белые полярные ночи... Эти свободные деньки дарит нам неожиданно разыгравшийся в Белом море шторм. Каждое утро в радиорубку к Акиму паломничество:

— Что погода?

— Кому как — мне в карман! — У Акима здесь невеста и полгорода друзей.

— Нам тоже не из кармана! — усмехается боцман.— Пусть поревет еще суток несколько...

А я теряю друга. С нашего толкача уходит Васька. В Архангельске на экспедиционных судах почти всегда происходит доукомплектование команд. Кто-то уходит сам, ненадежных списывают. В долгий путь по морю стараются брать только особо проверенных. И глядишь: там боцман нужен, там старпом, там матроса подыскивают...

Ваську переводят на другое, тоже экспедиционное судно Теперь он пойдет боцманом. Наши говорят об этом по-разному. То уважительно:

— Что ж, парень в гору пошел! Двигай дальше, до штурманского диплома.

То с шуточкой:

— Надо, кореш, усы растить. Какой же ты будешь дракон без усов?

А Васька сразу изменился, сразу такой занятой стал. К нам на толкач заходит редко. Лет ему не так уж и много, а на плечах теперь целое судовое хозяйство. Буксирчик его, правда, не так уж велик — с нашим не сравнишь. Но все же! Теперь он комсостав, третий человек в команде. Сначала капитан, потом старпом, а потом боцман — наш Васька!..

В последний архангельский вечер мы долго гуляем с ним по набережной вдоль порта. Я провожаю его на судно.

— Где теперь увидимся-то?

— Да теперь только на Вайгаче.— Он долго смотрит куда-то в сторону, молчит.— На два моря расстаемся... Не робеешь?

— Мне что. Это тебе робеть надо! Вот как не заладится твоя драконская служба...

— Небось заладится!.. Сам, смотри, не зарули куда-нибудь на Северный полюс!

— Не зарулю!

Да, с Архангельска я рулевой. Не пропали даром Васькины уроки. Теперь и я буду стоять ходовую вахту. В смене, что была раньше у моего учителя. Моим штурманом будет кеп...

Кажется, нам столько бы надо сказать перед расставанием. Но идем, молчим. Даже как-то неловко. Наконец Васька останавливается:

— Ну, ладно, Серый, двигай к себе на борт.

— Да пойдем провожу

— Нет, чует сердце: сегодня ночью снимемся.

И вот мы расстаемся! Нет, конечно, увидимся еще не раз и не два. Но уж как-то подругому. У него свое судно теперь, у меня свое... И не вести нам больше длинных ночных разговоров в небольшой нашей каютке. Многое станет по-другому. Раньше мы все время почти держались вместе. Теперь каждый повернул в свою сторону.

— Прощай, Васька!

— До встречи!..

Я медленно возвращаюсь к себе на толкач. Время есть — увольнение до двадцати двух. Скорей бы уж в море, что ли!.. Так всегда у всех моряков: на земле хочется в плавание, а в плавании думаешь: поскорей на твердую землю, в какой ни на есть порт.

У трапа меня встречает Коля, он вахтенный:

— Слыхал, шторм отменили?

— Что, серьезно стихло?

— Серьезней некуда: в ноль часов съемка!..

И вот уже идем по Двине, навстречу морю. Вся река, сколько хватает глаз, заполнена огнями наших экспедиционников — целая флотилия! В половине третьего ночи выходим в Белое. Вон за бортом в седых сумерках мигает сочным красным огнем приемный буй — одинокий солдат на границе реки и моря.

Светает. На просторе огромное стадо наших судов начинает растягиваться, выстраиваться в караван. Все толкачи, и наш в том числе, распускают буксирные тросы. Морские баржи, которые они тянут, вдруг останавливаются, идут куда-то вбок. Наконец, буксиры распущены на достаточную длину. Тросы опять натягиваются, набирают силу. И баржи вновь послушно ползут за толкачами.

А суда между тем уже выстроились в соответствии с ордером — предписанием флагмана. Две четкие колонны. «Расстояние,— говорится в ордере,— не менее одного и не более трех кабельтовых». Кабельтовых... В море прости-прощай километры, метры. Расстояние отныне измеряем в милях и кабельтовых, а скорость в узлах

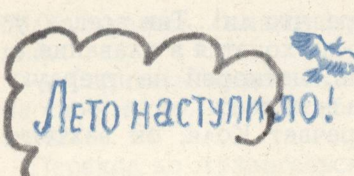
Из прогала в косматых снеговых тучах вышло у самого горизонта серебряное солнце. Сразу миллионы бликов запрыгали по волнам. Воздух на удивление прозрачен. Хорошо видны шеренги наших судов, растянувшиеся почти от горизонта до горизонта. И где-то совсем далеко дымит невидимый отсюда пароходик.

Последние чайки проносятся над нами и, отвернув, уходят в сторону берега. Сердце щемит.

Хорошо, тревожно...

ОКОНЧАНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Рисунки **А. ВОВИКОВОЙ**

С. ИВАНОВ

СТРАННЫЕ ПТИЦЫ

По небу ночному
проносятся птицы...
— Эй, как вас зовут?
— Зовут нас зарницы.
— Откуда летите?
— Летим издалека —
от края до края,
на запад с востока.
Мы самые быстрые птицы
на свете.
Мы грозного грома
и молнии
дети!..

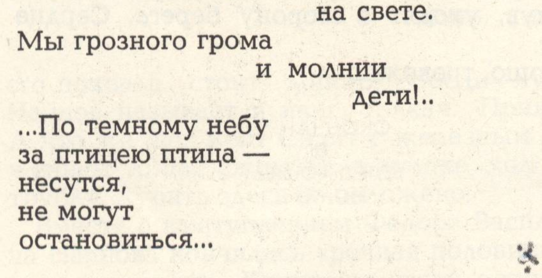
...По темному небу
за птицею птица —
несутся,
не могут
остановиться...

Е. ГЕРФ

ТЕНЬ И САМОЛЕТ

Через ели,
через пашни
тень переступила.
Через теле-
еле!
-башню
тень переступила.
Через город,
через вешний
тень переступила.
Самолет привез
черешню.
Лето наступило.

С. ИВАНОВ

РАНО УТРОМ

На холме стоит рогач,
на холме стоит трубач.
Он копытом землю
бьет,
и трубит он
и поет!..
И гудит
тяжелый стук.
И несется
трубный звук.
И вдали отозвалось —
лось...

Э. КОТЛЯР

БЫЛИНКА

Букашка на краю былинки.
Два крылышка торчат
из спинки.
Трепещут тихо и
прозрачно
над бедной мошкою
невзрачной
два крылышка —
две высоты!
— Мы улететь хотим,
а ты?

Г. КРУЖКОВ

ЧУЧЕЛО

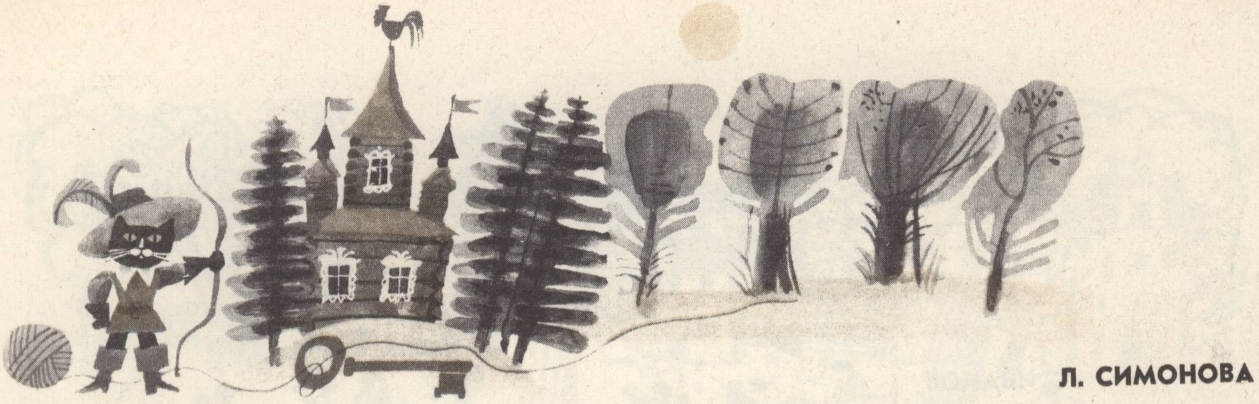
Я чучело, я чучело,
Несчастный я урод!
Мне жизнь моя
прискучила,
Наскучил огород.

Машу, кричу я птицам,
Сорокам и синицам:
«Меня пугаться бросьте,
Пожалуйте-ка в гости!
Прошу попробовать
горох —
Совсем неплох!
Или поклюйте огурцов
В конце концов!»

Но птицы, возле грядки
Заметив мой халат,
Несутся без оглядки,
Щебечут и пищат:

—Ой, там ужасный кто-то,
Похож на бегемота,
Отчаянный на вид —
Наверное, бандит!
В огромной шляпе драной,
На жерди деревянной,
Он машет рукавами,
И машет, и кричит!

Л. СИМОНОВА

Фотографии Б. РАСКИНА.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Про жизнь интересную, веселую, радостную

ОБ ЭТОМ ЛАГЕРЕ РАССКАЗЫВАЛИ РАЗНЫЕ ЛЮБОПЫТНЫЕ ИСТОРИИ.

РАССКАЗЫВАЛИ, мальчишка привез с собой голубей, научил всех, кто хотел, за ними ухаживать, и с тех пор голуби живут в лагере... Отправились как-то ребята в поход, а ложки с собой взять забыли. Расположились обедать — есть нечем. Суп кипит, каша поспевает... Что делать? Написали на скорую руку записку и отослали ее в лагерь с почтовым голубем. И дежурные на велосипедах привезли ложки в условленное место... Голуби не раз выручали ребят из затруднений.

РАССКАЗЫВАЛИ, приехала в лагерь делегация японских женщин и попала на фестиваль искусств. Фестиваль длится неделю, а то и больше: соревнуются танцоры, музыканты, чтецы, певцы... И так бывает весело, что никто не в силах усидеть спокойно: непременно захочется выступить. А гости сначала сидели такие торжественные, ни слова не проронили, и не поймешь, нравится им, не нравится... Потом смотрят ребята, что-то шепчут переводчику. Переводчик объяснил: спрашивают, можно ли им спеть японские народные песни. Еще бы! Это ж закон фестиваля, и все повскакивали со своих мест, закричали «ура!», зааплодировали...

РАССКАЗЫВАЛИ, один мальчишка хотел поразить всех длинными волосами до плеч, умением играть на гитаре и сказкой о своих «подвигах», очень похожей на сказку о Колобке. «Я в Бердянске был в лагере — скучно, сбежал, я и на Черном море был в лагере — скучно, сбежал, а от вас я и подавно сбегу...» Его не удерживали, но не сбежал. И появилась у него совсем другая присказка: «Ой, видели бы мама с папой, что их Слава шагает в поход,—верный шок... Ой, видели бы мама с папой, что их Слава на волейбольной площадке прыгает,— не миновать нервного потрясения... Ой, видели бы мама с папой, что их Слава елочки сажает,— инфаркт обеспечен...»

Показалось мне по рассказам, что жизнь в этом лагере вполне симпатичная, и захотелось познакомиться с ребятами

Называется лагерь «Зорька». Расположился он неподалеку от Москвы, вблизи деревушки Кривошеино, у речки Незнайки. Места лесные, красивые. Этим летом я обязательно там побываю, а в то время, когда я услышала про этот лагерь, была зима. И я попросила ребят приехать в редакцию.

Они собрались очень быстро, по цепочке. Почти каждый год они встречаются в лагере (родители работают в Министерстве нефтяной промышленности) — кто три раза был, кто семь, а кто и все десять. Пришли раскрасневшиеся от мороза, запыхавшиеся от пробежки на одиннадцатый этаж (всем в лифте не поместиться, а хотелось войти в редакцию всем сразу), долго и шумно рассаживались за нашим длинным редакционным столом...

Я показала им письма, в которых ребята, наши читатели, спрашивают: КАК СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ ВСЕМ В ЛАГЕРЕ ЖИЛОСЬ ХОРОШО? Чем ближе лето, тем больше таких писем. И мы стали обсуждать, как лучше ответить на этот вопрос.

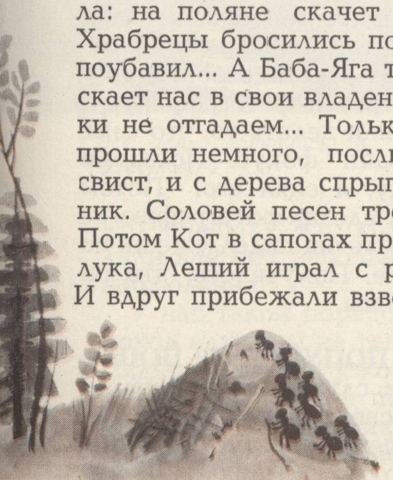

Вот он, сказочный Терем-теремок — владение октябрят.

АНЯ НИКУШИНА.

Мы стараемся СДЕЛАТЬ ТАК, ЧТОБЫ МЛАДШИЕ СРАЗУ ПОВЕРИЛИ В СТАРШИХ. Малыши любят смешные, забавные истории, сказки любят, мультфильмы, кукольные представления. У нас в лагере для октябрят построен затейливый Терем-теремок, с резными оконцами, с петушком на крыше. Нам хотелось, чтобы путь к нему был трудным, таинственным и чуть-чуть страшным, как в сказке. Мы вывели октябрят за лагерные ворота и повели их к Теремку окольной дорогой, через лесную чащу. Сначала они шли галдели, потом притихли. Несколько человек подняли палки с земли — на всякий случай. Кто-то сказал: «Мы не боимся!»

Дорогу нам указывала нитка: заранее, размотав клубок, мы растянули ее по всему пути. Два-три мальчишки помчались вдоль этой нитки вперед, и само собой получалось, что впереди нас идет разведка. Разведка донесла: на поляне скачет Баба-Яга с метлой. Храбрецы бросились посмотреть, кто-то шаг поубавил... А Баба-Яга тут как тут: не пропускает нас в свои владения, пока все ее загадки не отгадаем... Только двинулись дальше прошли немного, послышался разбойничий свист, и с дерева спрыгнул Соловей-разбойник. Соловей песен требует... Пели песни. Потом Кот в сапогах просил всех стрелять из лука, Леший играл с ребятами в жмурки... И вдруг прибежали взволнованные разведчики, сообщили, что нитка оборвалась. Искали концы, связывали. Потом ребята должны были найти ключ от Теремка... И когда наконец открыли этим ключом теремкову дверь и увидели, что ждет всех кукольный спектакль, такая была радость!..

После этого путешествия вся малышня подружилась. Еще бы! Столько пережили вместе! Все друг про дружку узнали: кто Бабы-Яги не побоялся, кто из лука стрелять умеет, кто много загадок и песен знает. И мы, старшие, стали для них не чужими. Как завидят издалека «Бабу-Ягу», «Соловья-разбойника» или «Кота в сапогах», бегут к ним со всех ног.

ЛЕНА БЕЛЯЕВА.

ЕСЛИ У ЧЕЛОВЕКА ЕСТЬ ЛЮБИМОЕ ЗАНЯТИЕ, ЕМУ НЕ СКУЧНО. Я люблю рисовать. Но если бы у меня спросили в начале смены, в какой кружок я хочу записаться, я постеснялась бы сказать: в изостудию. А вдруг плохо рисую? Но меня никто не спрашивал. Пришли ребята, которые уже несколько раз приезжали в этот лагерь, и позвали нас со всеми кружками знакомиться. Некоторые девочки да и мальчики не знали,

Ребята привезли в лагерь своих любимых зверюшек.

чем им лучше заняться, а когда увидели что-то для себя интересное: фотолабораторию, или живой уголок, или игрушки, сделанные из меха и ваты,— решили: остаюсь здесь...

Ребята, которые раньше занимались в изостудии, звали всех в гости к пастуху дяде Васе. Они с ним дружили и приходили рисовать коров, когда они пасутся. Я пошла со всеми. Пастух заметил, что мне его лошадь Цыган нравится, и рассказал, что она, когда родилась, была черная-черная, а потом побелела. Цыган помогает дяде Васе пасти стадо.

Я люблю лошадей. Они такие добрые, их кормить приятно. Губы у них мягкие. Хлеб с солью им нравится. Разговариваешь с лошадью, она на тебя внимательно смотрит и, кажется, все понимает.

Я нарисовала Цыгана. И еще пастухову собаку, она спала под кустом. Евгению Ивановичу, руководителю студии, мой рисунок понравился. Ребятам тоже. И мне их рисунки понравились. Я стала приходить на занятия.

НАЧАЛИ ВСПОМИНАТЬ, КАК В ПЕРВЫЕ ДНИ СТАРШИЕ РЕБЯТА ЗАБОТИЛИСЬ, ЧТОБЫ НИКТО НЕ ЗАТОСКОВАЛ, ПОМОГАЛИ ВСЕМ НАЙТИ ДЛЯ СЕБЯ ИНТЕРЕСНОЕ. ГОВОРИЛИ, ЧТО ОТ СТАРШИХ ВООБЩЕ МНОГОЕ ЗАВИСИТ В ЛАГЕРЕ. ЕСЛИ ОНИ МАЛЫШЕЙ В ОБИДУ НЕ ДАЮТ, ЕСЛИ ОНИ ДРУЖЕЛЮБНЫ, ПРИВЕТЛИВЫ, СПРАВЕДЛИВЫ, ВСЕ СТАРАЮТСЯ ИМ ПОДРАЖАТЬ И ВСЕМ ХОРОШО...

ЛЕНА АЛАХВЕРДОВА.

ДЛЯ ХОРОШЕЙ ЖИЗНИ НУЖНО ЕЩЕ ИНТЕРЕСНОЕ ДЕЛО ДЛЯ ВСЕХ ВМЕСТЕ. Где его найти? Мы отправляемся в разведку. К леснику: «Где елочки посадить?.. Муравейники берем под свою охрану!..» В сельский клуб: «Когда с концертом выступить?» В соседний лагерь: «Посоревнуемся? У нас футбол любят, баскетбол, городки...» А куда в поход мы пойдем в этом году? Нужен новый, никому не известный маршрут! И вот мы шагаем по полям, по лесам, чтобы вернуться и сказать всем: «Вот что мы увидели и услышали. И мы предлагаем...»

Помню, как-то мы вышли на рассвете. Дождь моросил. Путь незнакомый. Идем по карте к Соколовке, а Соколовки все нет. Наказание! Тут кто-то заметил, что второй раз мимо рябой коровы прошли. Значит, кружим на одном месте...

Потом дождь перестал, сели сушиться у костра. Воткнули палки в землю — повесили над огнем кеды. Чьи-то кеды свалились в огонь. Спасали их. Ели тушенку с хлебом. Нет ничего вкуснее тушенки! И приятнее похода!.. Особенно когда открываешь новый маршрут для всех!

И ВСЕ СОГЛАСИЛИСЬ: КОГДА ДЕЛАЕШЬ ЧТО-ТО ДЛЯ ДРУГИХ, САМОМУ ПРИЯТНО. ЗДОРОВО, ЕСЛИ РАСТУТ ЕЛОЧКИ, КОТОРЫЕ ТЫ ПОСАДИЛ, И ИГРАЕШЬ НА

Вожатый ведет ребят в поход.
— У нас в лагере очень хорошие вожатые!— сказали ребята.— Вот Валерий Павлович Новиков или Валентин Егорович Финодин, с ними всегда интересно!

СТАДИОНЕ, КОТОРЫЙ САМ ПОМОГАЛ СТРОИТЬ! В ОБЩЕМ ДЕЛЕ ЛУЧШЕ УЗНАЕШЬ ДРУГ ДРУГА И СКОРЕЕ ПОДРУЖИШЬСЯ...

АНЯ ПЕСТРЕЦОВА.

ХОРОШО, КОГДА ВСЕ ЖИВУТ ДРУЖНО. Я помню, когда-то давно поссорилась с девочками: не могли договориться, кому в этот день убирать палату. Расшумелись. И сразу жизнь в лагере показалась скучной и невыносимой. Потом услышала, как мы ругаемся, девочка из старшего отряда и говорит: «Чучелы, ссоритесь из-за пустяков. Мы убираем вместе: одна пыль смахнет, другая постели поправит, третья за цветами сбегает, в вазочку поставит. Ну-ка, попробуем все вместе». Когда помирились, стало легко и весело.

ПЕТЯ ГАВРИЛОВ.

ХОРОШО, КОГДА НЕ ПОДСМЕИВАЮТСЯ ЗЛО И ПОМОГАЮТ ДРУГ ДРУГУ. Я вот мальчишка, а мне понравилось шить кукол и пушистых медвежат, зайцев, птичек. Я боялся, меня засмеют. Но никто не смеялся. Меня даже председателем отряда выбрали. В отряде одни ребята любят ракеты строить, другие марки собирают, третьи фотографируют. Мы все друг друга учили делать то, что сами умеем. Я показал один фокус. Посадили мальчика на скамейку, я снял его. Потом снял облако. А потом сделал фотографию, на которой этот самый мальчик сидел уже не на скамейке, а на облаке. Получилось, что он летит. Все были довольны.

ЖЕНЯ КУБАСОВ.

ХОРОШО, КОГДА ПОПУСТУ НЕ ПОПРЕКАЮТ. Вот у нас был случай. Договорились с вожатым, и на рассвете на рыбалку. Незнайка — маленькая река, и рыба в ней небольшая: пескари, плотва... У меня леска раз-

ноцветная, чтобы рыба ее не заметила. И мне больше везет, чем моему другу. Он сидел-сидел, а в ведерке всего две плотвички. Полез на дерево: говорит, виднее будет, где глубоко, где мелко. А сук и надломился. Мой друг на отмель шлепнулся. Удочка дернулась. Рубашка за крючок зацепилась, разорвалась. Невеселый шел в лагерь. Думал—попрекать будут. Но его не попрекали. Всех за рыбу благодарили и его тоже.

ПАВЛИК ЧЕРНОВ.

ХОРОШО, КОГДА НИКТО НИКОМУ НИЧЕГО НЕ НАВЯЗЫВАЕТ. Человек хочет в биологический кружок, а его тащат в кукольный театр. А что, бывает и так. У нас куклы живут на втором этаже в Теремке. Отряд или даже несколько человек, если захотят показать спектакль, приходят, берут кукол, готовятся. Нет нужной куклы, делают сами. Готов спектакль, вешают объявление— приходи, кто хочет.

Один раз не было в лагере биологического кружка, а приехало много ребят, которые любят животных. Привезли с собой своих любимых зверюшек: кто морскую свинку,

Все, чему научились в лагере, старшие передают младшим.

кто черепаху, кто хомячка. Мы сами соорудили для них небольшой вольер и вели свои наблюдения.

У нас такой порядок: отказался человек в поход идти, мы не тащим. Я как-то не ходил. Сидят потом все у костра, вспоминают, в палате перед сном о походе разговоры. А ты вроде чужой. Неприятно!

Был случай: все елочки сажали, а один человек отказался — жарко, говорит. Мы не упрашивали. Пусть, думаем, загорает, совесть замучит, прибежит. В тот раз не пришел, а потом почувствовал, что ребята к нему хуже относиться стали, и цветы уже пропалывал вместе со всеми.

И ВСЕ СТАЛИ ГОВОРИТЬ: ЕСТЬ ТАКИЕ ДЕЛА, ОТ КОТОРЫХ НИКОМУ НЕЛЬЗЯ ОТКАЗЫВАТЬСЯ. ОТКАЖЕШЬСЯ — ПОДВЕДЕШЬ ОТРЯД. МОЖНО ЛИ УВАЖАТЬ СЕБЯ, ЕСЛИ ТВОИ ТОВАРИЩИ РАБОТАЮТ А ТЫ В ЭТО ВРЕМЯ СИДИШЬ СЛОЖА РУКИ?.. КАКАЯ УЖ ТУТ ДРУЖБА?! А ЕСЛИ ДРУЖБЫ НЕТ, ХОРОШЕЙ ЖИЗНИ НЕ ПОЛУЧИТСЯ...

ГАЛЯ УРУПОВА.

ПЛОХО, КОГДА РЕБЯТА НЕ «БОЛЕЮТ» ЗА СВОЙ ОТРЯД. Я откажусь участвовать в соревнованиях, и Петя откажется, и Лена — может быть у других хорошее настроение? И соревнования так не выиграешь!..

Мне нравятся люди, которые не ждут подсказки, а сами видят, как поступать. Помню, как-то был ужасно дождливый день. Хотели в этот день спортивные соревнования проводить, но куда там! Все слонялись с места на место, а одна девочка села за рояль и стала играть. И все сбежались послушать, а потом кто-то принес гитару, все пели, танцевали. Получился веселый праздник. Таких ребят, которые умеют придумывать разные интересные вещи и собирать всех вокруг себя, надо выбирать в совет отряда, с ними не пропадешь.

Приятно, когда вечером на дружинной линейке под звуки оркестра поднимаются на отрядную мачту вслед за флагом разноцветные вымпелы: красный — за помощь совхозу, синий — за победу в «Зарнице», желтый — за полный порядок в палатах... И ты видишь, что сегодня твой отряд отлично прожил день. И настроение у тебя прекрасное!..

И ТУТ НАМ ВСЕМ ТАК ЗАХОТЕЛОСЬ ПОСКОРЕЕ ПОЕХАТЬ В ЛАГЕРЬ, ЧТО МЫ НИ О ЧЕМ БОЛЬШЕ УЖЕ ГОВОРИТЬ НЕ МОГЛИ.

За окнами совсем стемнело. Пришло время прощаться...

Но если тебе понравились ребята из пионерского лагеря «Зорька» и ты захочешь еще поговорить с ними и о чем-то посоветоваться, напиши им. Их адрес: Московская область, Нарофоминский район, деревня Кривошеино, пионерский лагерь «Зорька».

В этом году «Зорьке» исполняется пятнадцать лет. С днем рождения, «Зорька»! И пусть всегда всем твоим ребятам живется хорошо — интересно, весело, радостно!

Лидия ОБУХОВА

Звездный СЫН Земли

ПОВЕСТЬ

Окончание

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Русский Икар

Хвала и честь одиноким путникам, идущим в темноте, наугад, к далекому блуждающему огоньку истины. Их открытия, которые они потом принесут людям, измученные и опустошенные, подобно Прометею, разгорятся яркими солнцами. Их не забудут. Имена их священны.

Но вот 12 апреля 1961 года нашей эры от Земли отрывается первый человек, герой и любимец века.

Он уходит далеко от них, но не остается одиноким.

Ощущение братства, взаимной ответственности, чувство плеча сопровождает его и несет более плавно и надежно, чем реактивная струя.

Стоя между небом и Землей, прежде чем войти в ракету, запеленаться в ремни, он только улыбнулся и поднял обе руки кверху.

— До скорой встречи!

«Теперь с внешним миром, с руководителями полета, с товарищами-космонавтами я мог поддерживать связь только по радио».

И пока длилась часовая готовность к старту, между ракетой и Землей шел диалог. Он был то озабоченно-деловым, когда с Юрием разговаривали Королев и Каманин, то дружески-шутливым, если подходил Попович. Все это напоминало прощальные полчаса на вокзале.

ГАГАРИН. Как слышите меня?

ЗЕМЛЯ. Слышу хорошо. Приступайте к проверке скафандра.

ГАГАРИН. Проверка телефонов и динамиков прошла нормально, перехожу на телефон.

ЗЕМЛЯ. Понял вас отлично. Данные ваши все принял, подтверждаю. Готовность к старту принял. У нас все идет нормально. Шесть минуток будет, так сказать, всяких дел... Юра, как дела?

ГАГАРИН. Как учили *(смех)*.

ЗЕМЛЯ. Займите исходное положение для регистрации физиологических функций.

ГАГАРИН. Как по данным медицины— сердце бьется?

ЗЕМЛЯ. Вас слышу отлично. Пульс у вас шестьдесят четыре, дыхание двадцать четыре.

ГАГАРИН. Понял. Значит, сердце бьется.

ЗЕМЛЯ. Объявлена десятиминутная го-

Знаменитое гагаринское спокойствие, его дружелюбная невозмутимость были знаком того, что он всегда был готов к подвигу.

товность. Как у вас гермошлем, закрыт? Доложите.

ГАГАРИН. Вас понял: объявлена десятиминутная готовность. Гермошлем закрыт. Все нормально, самочувствие хорошее, к старту готов.

ЗЕМЛЯ (голосом Королева, который сидит сейчас на командном пункте, напряженно сведя плечи). Минутная готовность, как вы слышите?

ГАГАРИН (чуть приподняв голову за прозрачным забралом гермошлема). Вас понял: минутная готовность. Занял исходное положение.

А когда раздалась последняя команда «Пуск» и ракета ринулась вверх, Гагарин лихо, бедово, с чисто русским пренебрежением к тяготам и опасности бросил свое знаменитое «Поехали!», подбадривая не себя, а тех, кто остается.

Ракета очень медленно, томительно медленно тронулась с места...

Стрелки показывали 9 часов 07 минут по московскому времени. Свист и все нарастающий гул — гигантская ракета задрожала всем своим корпусом и медленно, очень медленно оторвалась от стартового устройства.

В эти мгновения он уже не испытывал ни ошеломления, ни восторга. Все было точным и размеренным в его сознании. Только одно могло показаться странным: когда росли и росли перегрузки, с Земли голос Королева ему сообщил, что прошло семьдесят секунд после взлета. Он ответил бодро: «Самочувствие отличное. Все хорошо»,— а сам подумал: «Неужели только семьдесят? Секунды длинные, как минуты». Но тотчас утешился воспоминанием: «На центрифуге приходилось переносить и не такое».

Одна за другой стали отделяться ступени ракеты. Их топливо выгорело; они сделали свое дело — вынесли корабль на орбиту.

И вот тяжесть схлынула, а затем Гагарина словно подняло из кресла: он повис на ремнях в том направлении, которое еще за секунду перед тем считалось верхом. Между его громоздким скафандром и сиденьем кресла образовалась прослойка пустоты.

Невесомость — довольно активное состояние тела; мышцам хочется бороться с потерей опоры. Человек ощущает себя подобно оторвавшейся плети водяного растения, влекомого самой слабой волной. Тогда единственно, чего это растение жаждет,— это уцепиться покрепче корнями за грунт!

Раньше, на тренировках, Юрий находился в состоянии невесомости несколько секунд, пока самолет низвергался вниз. Сейчас это странное, похожее на затянувшийся сон ощущение, когда «и руки и ноги стали будто совсем не моими», должно продлиться более часа.

Юрий взял бортовой журнал и начал вести записи. Почерк его не изменился, четкость букв та же. Это порадовало его. Минуты теперь понеслись неимоверно быстро.

Он бы, пожалуй, поудивлялся этому, если б мог отдать внимание чему-то другому,

кроме космической работы. Но он впитал и это ощущение, оставив его про запас...

Однако одно мощное чувство все-таки пробивалось сквозь заградительные кордоны. Он ощущал токи солидарности, которые поднимались к нему от людей, оставшихся на Байконуре.

ЗЕМЛЯ. Как самочувствие?

ГАГАРИН. Самочувствие отличное. Машина работает нормально. В иллюминаторе наблюдаю Землю. Все нормально. Как поняли меня?

ЗЕМЛЯ. Вас поняли!

Как никогда прежде, он испытывал счастливое сознание своей причастности к их мыслям и надеждам.

ГАГАРИН. Продолжается полет в тени Земли. В правый иллюминатор сейчас наблюдаю звезду. Она проходит слева направо по иллюминатору. Ушла звездочка. Уходит, уходит...

Мир необычайно расширился; Гагарин чувствовал себя его первооткрывателем. И это не было преувеличением.

Да, Землю — бледно-сапфировый шар, окольцованный зарей,— эту Землю до Юрия не видел никто.

— Красота-то какая! — воскликнул он, видимо, совсем забыв, что его легкий голос, схваченный микрофоном, уже полетел из пределов внеземных обратно на Землю.

Как все переменилось! Привычное голубое небо, воспетое поэтами, сузилось до тоненького ободка вокруг выпуклого бока Земли.

Открылась бездна, звезд полна.
Звездам числа нет. Бездне—дна.

Эти ломоносовские стихи, знакомые со школы, он и не вспомнил теперь. А между тем именно они ожили и предстали перед ним воочию. Кругом была бездна; Гагарин скользил в ней. Его ракета, прорываясь сквозь атмосферу, светилась подобно новой звезде...

Ракета существовала, разумеется, помимо Юрия. Он даже не приложил к ней рук. Другие люди вели бесконечные расчеты, радовались и ужасались своим выкладкам. Другие, а не он воплощали цифры в материальное тело из сверхпрочных сплавов.

Он увидел ее в глубине ангара уже готовой и в то же время неодушевленной. Годной к движению, но бездействующей.

Не он ее и запускал... И все-таки она стала *его* ракетой! Так дом становится нашим домом, когда мы в нем поселились. Ракета тоже стала домом, где единственный хозяин расположился как будто бы на первый взгляд пассивно, как спеленатая кукла, а на самом деле жил напряженно, насыщенно, деловито-трезво и романтично-приподнято.

...Итак, Юрий мчится со скоростью, близкой к двадцати восьми тысячам километров в час. Под ним поблескивают темным металлом океаны, в размывах облаков видны континенты. Он чувствует себя хозяином земного шара...

«С душевным трепетом всматривался я в окружающий мир, стараясь все разглядеть, понять и осмыслить. В иллюминаторе отсвечивали алмазные россыпи ярких холодных звезд. До них было еще ой как далеко, может быть, десятки лет полета, и все же с орбиты к ним было значительно ближе, чем с Земли».

Подлетая к желтой Африке,— так удивительно, что она оказалась в самом деле желтой, как на школьной карте мира! — Гагарин спохватился, что он ведь уже почти опоясал Землю.

По московскому времени было 10 часов 15 минут. Через десять минут включилась тормозная двигательная установка.

Корабль сошел с орбиты, и плотные слои атмосферы встретили его упруго, как мор-

Алексей Иванович к телефону подошел, но говорить не смог: и голос перехватывало, и руки тряслись.

ские волны. Гагарину они показались стеной огня. Он невольно с беспокойством взглянул на термометр: нет, в кабине двадцать градусов тепла, как и прежде. Пока что все шло хорошо.

К нему возвращалась тяжесть. Юрий напряг мускулы, готовясь встретить перегрузки. У него было литое тело.

Юрий обладал натурой, которая требовала действия. По складу своего характера он всегда жил в действительности. Каждое его желание облекалось в поступок.

Неожиданное обрушивается на многих, как буря, и сбивает с ног. Но истинный герой обладает врожденной небоязнью новизны, способностью приближать к себе завтрашнее чудо всего лишь на расстояние вытянутой руки.

Поэтому знаменитое гагаринское спокойствие, его дружелюбная невозмутимость перед любой переменой судьбы были не следствием недостатка воображения или бесчувственностью, а лишь знаком того, что он внутренне всегда был готов к подвигу.

«Восток» приближался к Земле. Все системы сработали отлично; Юрий благополучно опускался. И тут его покинули деловитость и напряжение. На минуту он стал тем, кем и надлежало ему быть сейчас,— Самым Счастливым Человеком На Свете. Он вспоминает:

«От избытка счастья я громко запел:

Родина слышит,
Родина знает...»

Внизу уже хорошо различалась Волга и знакомый город за оградой нагих весенних холмов. Дважды знакомый: по учебе в техникуме, по занятиям в аэроклубе. Значит, он возвращается не только на Землю, не только на Родину, но в обжитые, любимые им места.

...Несколько обгоревший железный шар приземлился на вспаханном поле.

Встреча

Генерал Андрей Трофимович Стученко родом из кубанских казаков, еще подростком воевал в коннице Буденного. (Потом Семен Михайлович, поздравляя его, писал: «Испытываю глубокое удовлетворение, что суровая школа гражданской войны послужила выдвижению из рядов героев-конармейцев крупных военных деятелей, в том числе и вас».) В Отечественную войну тридцати четырех лет от роду он командовал 29-й гвардейской стрелковой дивизией, и его бойцы брали штурмом Гжатск. Он видел дымящиеся развалины крестьянских изб, когда хитрым маневром с северо-востока 90-й гвардейский стрелковый полк под командованием подполковника Марусняка своим правым флангом ворвался в деревню Клушино.

— Вокруг лежали тогда глубокие мартовские снега, я посадил гвардейцев на сани, так они и вкатили в Клушино,— рассказывал генерал.

У него сохранились снимки тех дней. Толпа солдат со вскинутыми вверх автоматами. Решительные, насупленные лица. И догорающее здание за спиной; окна, плюющиеся огнем, трубы, грозящими перстами направленные в небо. Молодой плотный генерал в круглой каракулевой кубанке держит за плечо крестьянку в полушалке, и отовсюду к нему устремляются глаза, глаза...

На полях альбома, где наклеены эти драгоценные фотографии, рукой Гагарина синими чернилами позже вписано: «От меня, от родственников, от жителей города одному из

Анна Тимофеевна отличалась присутствием духа, разумностью и самообладанием. Юрий удался в нее.

освободителей Гжатска большая благодарность. 5. 06. 61 г.».

— Конечно, и он был среди мальчишек, полубосых и в обтрепанной одежде; бегал вокруг солдат и с восторгом смотрел на танки, на разведчиков с автоматами... Но когда я его спросил: «Юра, а меня ты помнишь? Ведь я один был там генерал»,— покачал головой, однако, видя мое огорчение, поспешно добавил: «Вас в лицо не помню, но генерала помню. Так это были вы? Вот здорово! Значит, вы мой крестный!»

В это же самое утро Валентина Ивановна Гагарина в своей квартире на подмосковной станции занималась обычными домашними делами. В Москве холоднее, чем на Байконуре или в Саратове; окна были плотно закрыты, день обещал остаться облачным... Валентина Ивановна покормила малышку Галю, разбудила, умыла и усадила завтракать старшую.

Муж ее улетел уже неделю назад. Накануне ночью они долго разговаривали, представляли своих крошечных дочерей выросшими, даже замужними. Целая жизнь проигрывалась в воображении.

С тех пор каждый день и час она ждала известий. И все-таки утром опоздала включить телевизор. Сообщение о полете было уже передано: Гагарин в космосе!

Во весь телевизионный экран встала Красная площадь с набежавшими отовсюду толпами. Люди обнимались, пели, вскидывали над головой самодельные плакаты с торопливой надписью «Гагарину — ура!». А потом крупным планом показали портрет Юрия.

— Папка! — спокойно кивнула на него Леночка, грызя яблоко и болтая ногами.

Ее мать без сил опустилась на стул и обхватила ладонями разом побелевшие щеки.

Василий Федорович Бирюков, клушинский старожил, председатель сельского Совета, узнал о полете из «Последних известий».

Не успел собраться с мыслями, прикинуть, кто же это из Гагариных мог быть (он знал всех, начиная с деда Ивана Гагары: и сыновей, и внуков, и дядьев, и племянников), как в дверь вошел Алексей Иванович Гагарин. И тотчас раздался звонок из Гжатского райкома.

— Говорят, что космонавт родом из наших мест. Сейчас мы спешно устанавливаем: откуда именно? У вас по сельсоветским книгам такой не числится?

— Зачем мне в книги заглядывать? — отозвался Бирюков.— Я и так уже знаю, что он наш! И отец его сейчас тут. Передаю трубку.

Алексей Иванович, в тот день совершенно случайно заглянувший в сельсовет, к телефону подошел, но говорить не смог: и голос перехватывало, и руки тряслись.

А ведь утро 12 апреля для него началось так обыденно! Была среда. Он подрядился плотничать на строительстве в колхозе и вышел из дому спозаранку.

Снег под Гжатском хоть и не везде сошел, но речки надулись и разлились. Старичок перевозчик, сажая Гагарина в лодку, полюбопытствовал, в каком звании у него средний-то сынок. «А что?»—отозвался Алексей Иванович. «Да по радио сейчас передавали, какой-то майор Гагарин в космосе летает...» «Нет, мой пока старший лейтенант. До майора ему еще далеко. А за однофамильца порадуемся». Повеселевший Алексей Иванович продолжал путь. И лишь в сельсовете известие о сыне ошеломило его. Бирюков между тем кричал в телефон:

— Сейчас создадим условия! Отправим в Гжатск!

Выполнить это было не так-то просто: весенний разлив почти отрезал Клушино от Гжатска. Даже телеге не проехать.

— Тогда,— рассказывает Василий Федорович,— мы пригнали верховых лошадей, коекак подсадили в седло Алексея Ивановича; он хромой, на коне плохо держится. Да и разволновался очень. Сопровождать его отправили Якова Громова, поскакали они на Затворово: крюк несколько верст, а иначе не пробраться. Через несколько часов Яша, запыхавшись, вернулся: «Ну, говорит, все в порядке. Доставил. Дальше повезут на тракторе».

— Вот так,— торжественно добавил Василий Федорович,— отец космонавта и узнал про полет своего сына у нас, в Клушине, на родимой земле.

Между тем Анна Тимофеевна оставалась в Гжатске, на Ленинградской улице, все в том же домике, сруб которого перевезли после войны из деревни. Как обычно, она топила поутру печь.

Юрий потом писал, что во время полета думал о ней, беспокоился, сообщила ли жена что-нибудь о нем его матери.

Но едва ли Валентина Ивановна могла это сделать из Москвы: телефона в гагаринской избе не было. Да и что она стала бы сообщать, если сама целую неделю томилась неизвестностью да и, по свидетельству Каманина, окончательный выбор космонавта был определен лишь на космодроме. Юрий, видно, отвлекся в космосе от докучных житейских мелочей — и то сказать, из той дали многое на Земле могло представиться ему тогда и ближе между собой и проще! — или же впоследствии его переживания были записаны не вполне верно.

Совершенно точно лишь одно: у матери космонавта никаких предчувствий не возникло, и она ни о чем не догадывалась, пока дверь не распахнула невестка Мария, жена старшего сына Валентина.

— Да как же вы!.. Радио-то включите... Юрка наш в космосе! — И запричитала побабьи:— Что наделал, что наделал! Ведь двое деток у него!

Анна Тимофеевна всегда отличалась большим присутствием духа, разумностью и самообладанием. Юрий удался в нее.

Недалеко от них, тяжело переваливаясь, двигалась диковинная фигура.

Какая буря пронеслась в ее сердце, что она почувствовала и пережила при неожиданной вести, которую сообщил ей отнюдь не ликующе-торжественный голос Левитана под бравурные звуки марша, а перепуганная, мало понимающая в космических делах женщина, мы допытываться не станем

Но первое движение было — как всегда и у Юрия — действовать. Она поспешно сбросила домашнюю косынку, пригладила волосы и повязала дорожный платок.

— Я к Вале,— сказала она, трудно дыша.— Нельзя ее сейчас одну оставлять. У нее дети маленькие.

И, не подумав больше ни о ком на свете, твердым шагом двинулась она через весь город к железнодорожной станции.

И снова хочется обратиться к легенде, которая по-своему расцвечивает этот великий материнский порыв.

Утренние поезда через Гжатск уже прошли. Касса больше не продавала билетов. Но Анна Тимофеевна постучала в затворенное фанерное окошечко. Беспокойство жгло ее изнутри, как уголек, забытый на загнетке.

— Я должна уехать,— сказала она.— В Москву. Сей же час. Ждать никак нельзя.— И добавила:— Слышала, милая, по радио? Это мой сын в космосе летает, Гагарина я. А у него в Москве жена осталась да двое малюток...

Кассирша широко раскрыла глаза, не то испуганно, не то радостно ойкнула и опрометью кинулась разыскивать начальника станции. Даже окошка не прикрыла.

Пока Анна Тимофеевна с крестьянским терпением ждала, перрон ожил. Все служа-

щие хотели сделать невозможное, лишь бы выполнить просьбу матери космонавта.

Жезл дежурного властно остановил первый проходящий поезд. Земляки-гжатчане подсадили Анну Тимофеевну в тамбур.

А когда она приехала в Москву, Юрий уже невредимо опустился на саратовском поле. И от сердца у нее отлегло...

Юрий, слегка пошатываясь, как человек, только что переживший громовой разряд, ступил на сырую комковатую землю.

Было одиннадцать часов утра. Ветрено. Он стоял среди невысоких холмов и буераков у подножия песчаного обрыва, словно срезанного лопатой, вблизи зябких кустов лесополосы — бузинных, смородинных, голых стволов акаций и клена...

Над ним — огромной величины небо с рваными быстрыми облаками. «Небо на одного»,— как говорят летчики.

Тем же летом приезжая девочка из Ярославля посадила на гагаринском поле деревцо.

После стиснутости кабины — весь простор. После комка багрового пламени — голубизна и неподвижность. Земной рай состоял из тишины и света! Не было никаких лишних звуков. Только ветер переваливал с холма на холм, да кровь шумела в ушах.

В эти первые полчаса у него было странное лицо: без улыбки. Но высветленное. Будто каждый солнечный луч дарился ему заново. Словно он не до конца еще поверил, что стоит на твердой земле, вспаханной под зябь.

Светлые Юрины волосы спутались надо лбом. От великой усталости брови придавили веки. В зрачках еще не растаяла чернота космоса...

Выпустив пятнистого теленка потоптаться по вольной землице, Анна Акимовна Тахтарова, жена сторожа лесничества и бабушка шестилетней Риты, пошла вместе с внучкой в огород вскопать грядки, сколько успеет до обеда.

Она была повязана низко на лоб платком. Платок показался бы очень схожим с другим, который сейчас за тридевять земель от нее надевала Анна Тимофеевна Гагарина, если было б кому сравнивать! Но Анна Акимовна ничего не знала ни о матери космонавта, ни о самом космонавте, потому что за делами тоже не включила с утра радио. Зато когда внучка Рита дернула ее за рукав, тыча куда-то в поля замаранным кулачком, Анна Акимовна выпрямила напруженную спину — и обмерла.

Недалеко от них, почитай, шагов за сто, тяжело переваливаясь, двигалась диковинная фигура. Руки, ноги, туловище — все неуклюже обтянуто толстой тканью цвета подсолнечника. На плечах шар, похожий на водолазный.

Чужак замахал рукою. Тахтарова, не отпуская внучку, с опаской подходила к нему.

Юрий тоже еще издали приметил нерешительные фигурки. Спотыкаясь, они шли по взмокшей, недавно оттаявшей почве с пупырчатыми блюдечками позднего снега по ложбинам. Шаги их становились все медленнее... Через минуту перед Юрием стояли две перепуганные землячки: малорослая пожилая женщина с несколько расплывшимися татарскими чертами, высоким морщинистым лбом и прищуренными глазами и маленькая девочка, одетая по-зимнему и поэтому похожая на ватную куклу.

— Свой я! Советский! — закричал Гагарин против ветра, захлебываясь им.

Тахтарова разглядела молодое лицо и взмокшие волосы из-под шлема. Чтобы успокоить ее окончательно, он прибавил совсем по-газетному:

— Я летчик-космонавт. Вернулся из космоса...

У Анны Акимовны сын Иосиф служил в армии. Она понемногу оттаяла и заулыбалась. Гагарин вспоминает эту сцену так:

«— Неужели из космоса? — не совсем уверенно спросила женщина.

— Представьте себе, да,— сказал я».

Их первые слова были случайны и беспорядочны: уже через полчаса их нельзя было припомнить с достоверностью.

Председатель колхоза «Ленинский путь» Николай Михайлович Шпак, на чье поле и приземлился Гагарин, пересказывал эту встречу так.

— В поле, за селом Смеловкой, работала жена лесника. Ее внучка Рита заметила неподалеку человека, одетого в красный комбинезон. Анна Акимовна пока еще ничего не знала о полете. Космонавт подошел и представился: «Офицер Юрий Гагарин». Она позвала его в дом покушать. Он ответил, что сыт, и спросил, где можно позвонить по телефону. Анна Акимовна хотела его проводить в правление колхоза, но тут подоспели трактористы из соседнего колхоза имени Шевченко...

— Ну и что же, что сел на смеловское поле! — говорит Иван Кузьмич Руденко, учетчик тракторной бригады.— А встречали-то первыми его мы, шевченковцы. Пришла с поля ночная смена; был у нас приемник, вот и услыхали о запуске. Сгрудились все, ловим каждое слово, руки друг другу жмем, по плечам хлопаем. Кончилось сообщение тем, что он летит над Африкой. Ну, думаем, Африка далеко, успеем в поле сходить, поработать. А наш клин аккурат к смеловской пашне примыкает, метров двадцать в сторону — и приземлился бы он у нас... Сеем ячмень, боронуем. Трактор тарахтит... А его тракторный звук, видать, обрадовал, он уже хотел сам до нас идти. Ведь ему скорее надо к телефону. Сколько людей волнуются, ждут...

Поднялись мы в это время на холм, видим: лесничиха, а он рядом с ней. Нет, мы его тоже сразу не признали! «Давайте,— говорит,— знакомиться. Я космонавт Юрий Алексеевич Гагарин». Мы переглянулись недоверчиво: Гагарин над Африкой летит! «Да помогите же мне раздеться!» — потерял он терпение.

Видимо, человек устал, запарился... Ну, обняли мы его, расцеловали, хотели на трактор посадить, ан уже грузовик с шоссе прямо на пашню сворачивает... Гагарин было пошел с ними, потом вернулся, крикнул нам: «Становитесь, ребята, обратно на это самое место—сфотографируемся...»

Тем же летом приезжая девочка из Ярославля посадила на гагаринском поле деревцо и шпагатом привязала этикетку: «От пионерки Гончаровой Оли, в честь героизма первого космонавта». Под дождями надпись скоро слиняла, но столбик трактористы объезжали, оставляя огрех. Потом и дорогу к нему проторили. Это еще до того, как обелиск здесь поставили.

После той тревожной ночи в маленьком домике на Байконуре, когда Николай Петрович Каманин долго прислушивался в соседней комнате сначала к вечерним разговорам Юрия и Германа Титова, а потом — еще более напряженно — к тишине, наступившей за стеною; когда главный конструктор Королев среди ночи, не выдержав, заглянул в их спальню, постоял на пороге с книжкой в руках и на цыпочках отошел,— в то самое утро на стартовой площадке Николай Петрович последним пожал Юрию руку у лифта к ракете и сказал:

— До встречи в районе приземления через несколько часов.

«Ракета ринулась вверх. После сброса обтекателя, — записывает Каманин в своем дневнике, — Гагарин доложил: «Светло, вижу Землю, облака». Через тринадцать минут после старта мы уже знали: первый в мире полет человека по космической орбите начался».

Истекло всего двадцать минут с начала полета, а с Байконурского аэродрома уже поднялся самолет «АН-12». О благополучном приземлении услышали в пути.

«...Аэродром в Куйбышеве. Открылась дверь самолета, и Юрий стал спускаться. Он был в зимнем летном шлеме и в голубом теплом комбинезоне. За девять часов, которые прошли с момента посадки в космический корабль до этой встречи на Куйбышевском аэродроме, я так много пережил за него, что он стал для меня вторым сыном. Мы крепко обнялись и расцеловались. Со всех сторон щелкали кино- и фотоаппараты, толпа все росла, была опасность большой давки; Юрий, хотя и улыбался, выглядел очень уставшим (мне показалось, что это усталость от полета, а не от встречи, как уверяли многие).

По серому полю шла узкая, длинная лента ковра. Она начиналась у лестницы, по которой спускался космонавт.

Необходимо было прекратить объятия и восторги. Я попросил Юрия сесть в машину...»

Но еще раньше о порядке позаботился на правах хозяина генерал Стученко. Его сопровождали местные власти: первый секретарь обкома Мурысев и председатель облисполкома Токарев.

Вид спускавшегося человека на мгновение озадачил. Неосознанно для себя генерал ожидал встретить героя обликом посолиднее, пошире в плечах, поважнее лицом... А к нему сбегал по трапу в измятом голубом комбинезоне стройный юноша с немного растерянной улыбкой.

Генерал взял под козырек, поздравил с завершением полета и с присвоением нового воинского звания. Но официальные слова както сами собою потерялись; Гагарин и на генерала смотрел с тем же трогательным выражением блаженства и ошеломления. Мгновенно расчувствовавшийся генерал сгреб Юрия в охапку.

И только затем он перешел в объятия Каманина и Титова. Гагарин так вспоминает свой первый разговор с Германом:

«— Доволен? — спросил он меня.

— Очень,— ответил я,— ты будешь так же доволен в следующий раз...»

Потом их всех увезли на дачу, где Гагарин мог передохнуть. Дача была трехэтажная, на высоком обрыве, с видом на противоположный берег, где леса за Волгой уходили так далеко, что казались синим морем... Юрий погулял по окрестностям и даже сыграл в бильярд.

За обедом все жадно его расспрашивали. Он отвечал охотно, но сбивчиво; воспоминания не устоялись еще и теснили друг друга. Землю он называл, как помнится Андрею Тимофеевичу Стученко, по-чкаловски: «земным шариком»...

— А что, если послать самолет в Москву за твоей женой? Пусть она побудет здесь, и в Москву полетите вместе,— предложил генерал после обеда. Ему очень хотелось сделать что-нибудь особо приятное для Юрия.

Гагарин на мгновение задумался, потом покачал головой.

— Пожалуй, не стоит. Ведь Валентина сейчас кормит грудью ребенка. Устанет, разволнуется, может молоко пропасть.

Андрей Тимофеевич, подумав, согласился с ним:

— Это верно. Пусть попривыкнет к мысли, что все благополучно. Тогда и встреча у вас будет более легкой.

— А потом я дал команду, чтоб за сутки ему сшили майорскую форму,— сказал Стученко.

— Успели? — засомневалась я.

— Еще бы!

«Когда я помог Юрию Алексеевичу надеть парадный мундир,— вспоминает один из портных, которые шили вдохновенно, забыв о времени, сутки напролет не выходили из ателье,— он улыбнулся, взял лист бумаги и написал: «Благодарю за работу. Ю. Гагарин».

Он ценил всякий труд. Приземлившись, первым долгом спросил у трактористов: «А вы уже сеете?» На Смоленщине сев ведь начинался позднее...

Друзьям-космонавтам Гагарин повторял: «Ребята, герой бессмертный и славный—это наш советский народ... А мы лишь его сыны с Золотыми Звездами на мундирах».

В прохладное облачное утро 14 апреля за Гагариным прилетел из Москвы специальный самолет. Километрах в пятидесяти от столицы его нагнал почетный эскорт из семи истребителей: два справа, два слева и три сзади.

Боковые «Миги» шли так близко, что Юрий видел улыбающиеся лица летчиков и сам улыбался им в ответ. Попросил радиста послать приветствие: «Друзьям-истребителям горячий привет».

А потом он увидел сверху толпы людей, переполненные улицы Москвы, Внуковский аэродром, ахнул, заволновался. Самолет, пробежав по взлетной дорожке, остановился за сто метров перед трибуной. По серому полю шла узкая длинная лента ковра. Она начиналась у лестницы, по которой сейчас спускался космонавт: «Надо было идти, и идти одному. И я пошел».

Воздушные шары взлетали вверх, оркестр заиграл марш, напряженные, торжественные лица стали наплывать ближе. Гагарин шел бравым, размашистым шагом, хотя у него на одном ботинке развязался шнурок...

«Да, мне было страшно выступать перед тысячами людей, видеть их изумленные, восторженные лица. Я был готов к испытанию космосом, но не был подготовлен к испытанию человеческим морем глаз...»

С тех пор жизнь Юрия Гагарина развивалась как бы в двух планах.

Для себя он продолжал оставаться офицером, который готов был действовать согласно приказу в любое время суток. Он по-прежнему четко и дисциплинированно нес свои обязанности в Городке космонавтов, много учился сам и учил других. С миссией дружбы объездил много стран — это тоже была его работа... Последние годы Юрий Алексеевич старательно учился в военной академии и за две недели до гибели показывал с гордостью новенький диплом двоюродной сестре, той самой, что некогда отвозила его в Люберцы: «Смотри, Тоня, я теперь инженер!» Жена его в ту пору лежала в больнице; он один домовничал с подрастающими дочками.

Он взрослел, менялась его внешность, устраивался быт... Но для всего человечества он продолжал оставаться космическим первенцем планеты, тем, кто ослепил мир открытой юношеской улыбкой!

Я вовсе не убеждена, что легенда непременно улучшает героев. Наоборот, человек в ле-

генде выглядит часто беднее и одностороннее своего живого прототипа. Но зато легче запоминается, потому что предельно ясен! В легенде честность есть честность, если красота, так уж красота, а доблесть — отвага без оговорок.

Личность Юрия Гагарина потому так легко ложится в легенду, что она уже спервоначалу являла черты ясности и удивительной «всеобщности». Он был человеком из народа, который не столько поднялся над другими, сколько вместе с собою поднял на пьедестал всю свою эпоху, эпоху масс и коллективных усилий.

Он будто звук, усиленный горным эхом.

Совершить героическое — значит отважиться на то, что сегодня кажется немыслимым для большинства. И быть готовым поплатиться за это.

Для самого героя его подвиг — предел всех возможностей. Если он оставляет что-то «про запас», то самое отважное деяние тем самым становится работой: трудной, достойной всяческого возвеличивания и преклонения, но работой. Подвиг же всегда прорыв в Великую Неизвестность. При самых точных предварительных расчетах человек пускается в это предприятие как бы с завязанными глазами, полный внутреннего напряжения и готовности к любому исходу.

«Какой маленькой, но прекрасной кажется Земля из Космоса. И вспоминается родной дом и милые сердцу перелески с ромашками и васильками. Любите родную землю, берегите ее»,— так сказал Юрий Гагарин на своей первой встрече с пионерами после полета в Космос.

...Мы уже никогда не узнаем, чему научился, что вынес Гагарин из своих триумфальных кругосветных путешествий, но что он не утерял, не растратил себя,— мы знаем.

Кто-то сказал: «Моя тень обгоняет меня».

Тень фигуры Гагарина пронеслась по всем континентам. Но он не гнался за нею; он шел своим обычным человеческим шагом...

Гагарин желал и умел оставаться самим собой.

К своему тридцать четвертому году он подходил во всеоружии знаний, опыта, доброты, готовый к труду на полную отдачу. Мужество всегда имеет свою неизменную цену. Гагарин обладал двумя извечными добродетелями: он был смелым и великодушным и поэтому, став героем своего времени, останется таким и для будущих веков.

КОНЕЦ.

> **«Дадим стране 2 миллиона 275 тысяч автомобилей «Жигули» в девятой пятилетке!»**
>
> (Такой лозунг висит на Волжском автомобильном заводе.)

„ВАЗ" и вазовцы

Олег ТИХОМИРОВ

Рисунки Г. МЕТЧЕНКО

Один за двоих

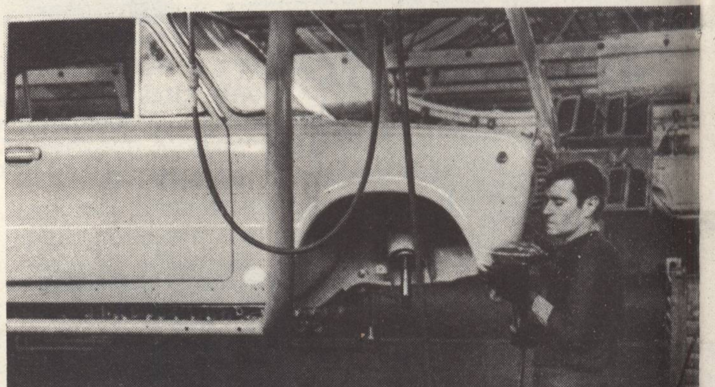
Город Тольятти как бы состоит из двух городов. У них и названия свои: Старый и Новый. Между ними дорога в пятнадцать километров. Едешь степью, смотришь в окно, и вдруг — уж не приснилось ли тебе? — стоят девяти-двенадцатиэтажные дома. Автобус которую остановку уже делает, а домам конца-края не видно.

Нет, это не сон. Ты приехал в Новый город. Он выстроен неподалеку от Волжского автоза-

Вот он, «автоград». На его улицах нет ни одного старого дома.

Сборщик берет в руки пневматический гайковерт. Раз, два — и бампер привинчен к автомобилю.

вода, и живут в нем те, кто работает на заводе. Даже по обрывкам случайных разговоров начинаешь это понимать.

В столовой молодой паренек другому:

— Вчера, понимаешь, сверло сломал, а мастер подходит и говорит...

Идут трое по улице:

— Митька забеспокоился, кричит: собирай всю бригаду, обмозгуем это дело...

Встреча у газетного киоска:

— Денискин, можешь меня поздравить. Четвертый разряд получил...

Город рос вместе с заводом. Потому что сразу решили: временному жилью — баракам — не бывать. На стройку по комсомольским путевкам приезжали со всех концов страны. И все равно людей не хватало. Приходилось снимать строителей с одного участка и посылать на другой — на прорыв. Но и тот участок, откуда

брали людей, тоже имел свой график, свои сроки. Как быть? Вот тогда и прозвучал клич:

— Один — за двоих!

То есть оставшиеся брались отработать норму тех, кто ушел.

Справились и с морозом и с весенней распутицей, выстроили город, выстроили завод...

Выплывают «Жигули»

Навстречу нам машины, машины. Большинство еще без номеров, еще покрытые защитным восковым слоем, без колпаков на колесах. Короче говоря, несутся навстречу машины совсем еще «тепленькие», только что из заводских ворот.

На кузове у каждой надпись — «Жигули», а на радиаторе эмблема завода — старинная волжская ладья под надутым расписным парусом.

И как некогда выплывали на речной простор челны Стеньки Разина, так многие из новеньких автомобилей тоже поплывут по Волге. Не сами, конечно; поплывут, а на огромных баржах и теплоходах. Как видите, не зря у «Жигулей» парус.

Но шутки шутками, а мы уже приехали к заводу.

Это самый крупный в стране завод легковых автомобилей.

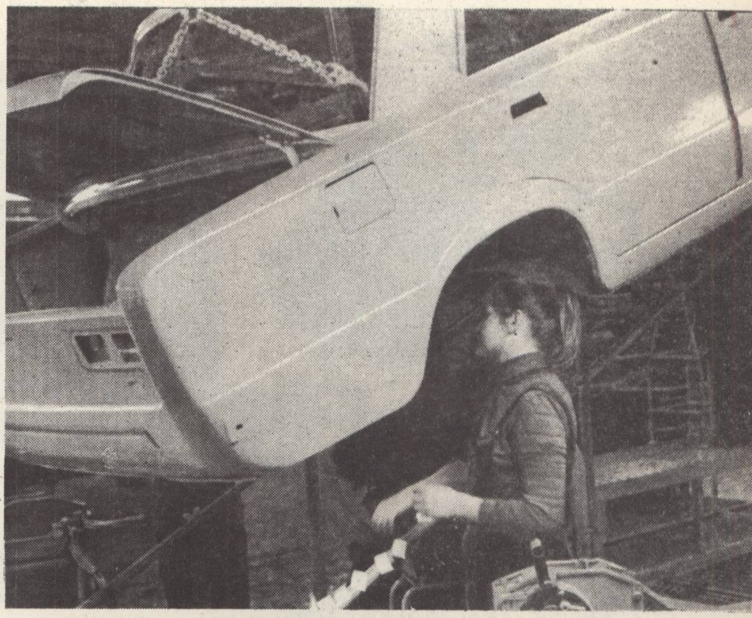
Трудно сказать, чем прежде всего он поражает. Величиной? Не знаю, нужно ли называть цифры: такая-то длина, такая-то ширина. Но согласитесь, когда из цеха в цех (а на «ВАЗе» под одной крышей очень много цехов) ездят на велосипедах — это удивительно. И знаете, насколько вытянулся главный конвейер? На два километра!

— Посторонись!

Да, здесь нужно быть осторожным. По многочисленным проходам (они не уступят по ширине иным улицам) движутся машины, подъемные установки, электрокары и... пылесосы.

На заводе очень чисто. И на первом этаже, где станки, и на верхних переходах, сверкающих кафелем, как в метро.

Совсем фантастическим кажется количество станков, всевозможных труб, конвейеров. В некоторых цехах почти не видно людей. А может, и верно здесь только машины? Сами штампуют, куют, сваривают, точат, сверлят. Сами складывают готовые детали или отправляют их дальше в другой цех.

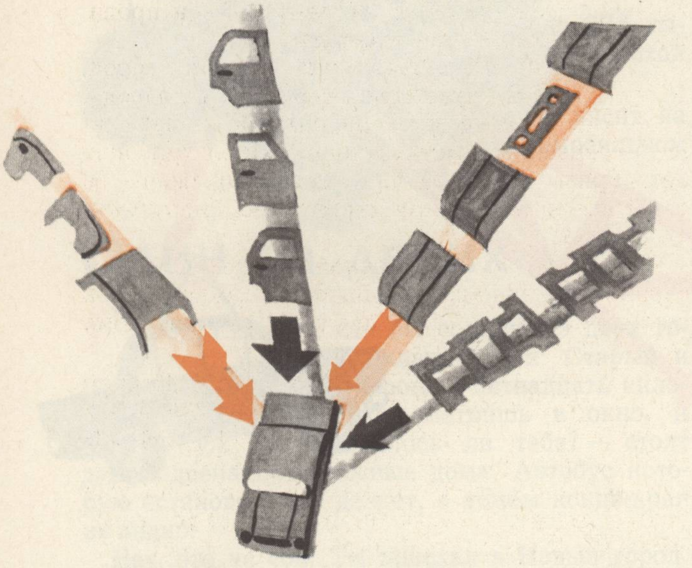
Здесь дно автомобиля покрывают шумостойкой мастикой.

Автоматика! На «ВАЗе» собрано самое лучшее современное оборудование.

Но давайте посмотрим, как рождается на заводе автомобиль.

В прессовом корпусе делают кузов. Из чего кузов состоит? Крыша, дно, дверцы, капот. Вот их и штампуют здесь из широких стальных листов. Затем нужно соединить все это — сделать «коробку». И тут на помощь приходят автоматы. Одни приваривают боковины ко дну. Другие заняты крышей. Третьи — крыльями. Работают автоматы быстро, точно.

В цехе окраски будущая малолитражка получает свой цвет. Красит ее тоже автомат. После этого кузов подхватывают огромные «клешни» и выносят на линию главного конвейера. Здесь

На линии главного конвейера пустая «коробка» начинает обрастать деталями. Прикрепляют щиток приборов, привинчивают сотни гаек и болтов, вставляют мотор... Наконец, прикрепляют колеса, автомобиль опускают на пол, и за руль садится испытатель.

пустая «коробка» начинает обрастать деталями. Сборщики протягивают электропроводку, прикрепляют щиток приборов, вставляют стекла, замки, фары... Привинчивают сотни гаек, болтов, шурупов.

И все это на ходу. Конвейер движется. Плывет по воздуху машина за машиной. Каждый сборщик (а их на линии конвейера почти полторы тысячи!) работает четко. Один одну деталь крепит, другой другую. Здесь никто не скажет: «Где моя отвертка?» или «Кто взял мои шурупы?» Все у всех под руками.

Наконец, в автомобиль вставляют «сердце» — мотор. Несколько движений сборщиков — зажужжали пневматические гайковерты, и сложнейший, громоздкий мотор «намертво» закреплен в своем кузове.

Последними привинчивают к новорожденному автомобилю колеса. Тут его и опускают на пол. «Клешни» разжимаются. За руль садится испытатель, и вот побежала, покатилась новенькая малолитражка «Жигули».

Молодой завод — молодые хозяева

Помните в одной песне слова: «В общем-то зеленый, молодой народ»? О вазовцах так сказать нельзя. Молодой они народ — это верно. Но вот зелеными их не назовешь. Язык не повернется. Зеленые — это значит неопытные, неумелые. А вазовцы? Вместо ста шестидесяти тысяч автомобилей в 1971 году они сделали сто семьдесят две тысячи!

Конечно, не с первого дня приходит умение. Не все были специалистами. Немало работает на заводе вчерашних школьников, многие приезжали, когда завод еще только строился. И ребята шли укладывать бетон, протягивали электросеть, работали монтажниками.

На степных дорогах еще сохранились указатели с надписью «ВАЗ» — ударная стройка» и нарисованным ярким комсомольским значком. Да, была ударная стройка, а теперь комсомольцы-вазовцы хотят, чтобы и завод их тоже был ударным. Автомобили, которые они делают, должны быть только хорошего качества — крепкие, надежные, красивые. И больше таких автомобилей. Больше! Вот что такое ударный завод.

Давай теперь познакомимся с некоторыми из вазовцев.

Люда Акишина покрывает дно автомобиля шумостойкой мастикой. Работает весело, с улыбкой, с шуткой. И между тем ее бригада первая получила диплом «Знак качества».

Это значит, что работает бригада отлично, без брака. Ну, как если бы ваше звено в школе стало получать одни пятерки. На заводе Люда с декабря семидесятого. Полтора года всего. Значит, она совсем еще «зеленая»?.. А «Знак качества»?

Вот слесарь-сборщик Владимир Петрунин. Работает на главном конвейере — вставляет в автомобиль замки зажигания, крепит порожки, покрывает пол резиновым ковром.

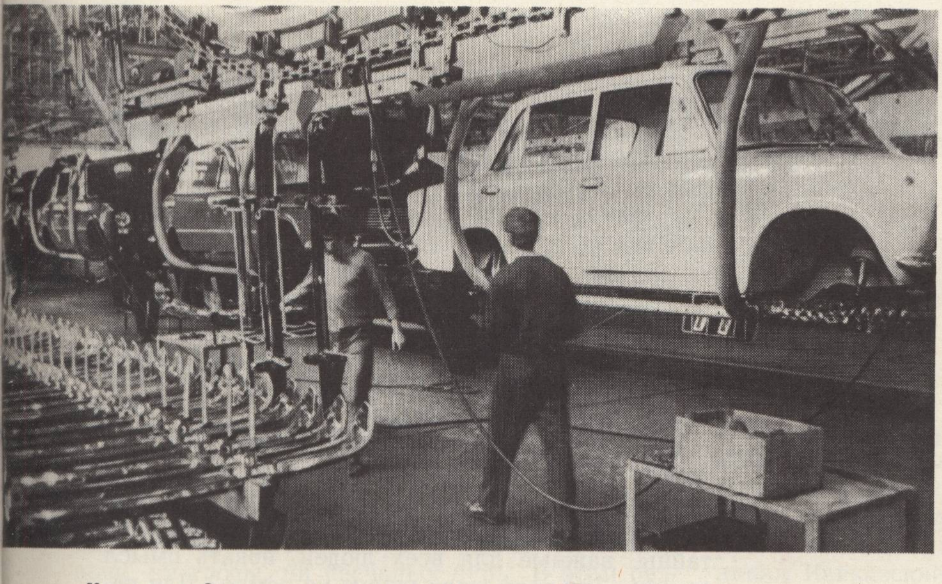
Ловко работает Володя, залюбуешься.

— Машина, она как живая, — говорит он, подсоединяя провода к замку зажигания. — Как ты с ней, так и она с тобой.

— Ну, вами-то она, кажется, будет довольна.

— У нас дружба старая: я еще в армии водителем был.

Дед другого Володи, Лауэра, работал в колхозной кузнице. И как знать, может, дедовы рассказы повлияли на Володю в то время, когда стал он задумываться, куда же пойти после школы Конечно, работу деревенского кузнеца не сравнишь с работой металлиста на заводе. Но как бы там ни было, в дипломе у внука значится: специальность — «Машины и технология обработки металла давлением». Звучит мудрено, но какое-то родство с дедовым ремеслом есть.

Кузова, подхваченные огромными «клешнями», плывут по конвейеру.

Три года назад, окончив Челябинский политехнический, Володя Лауэр приехал в Тольятти. Завод строился. Не во всех цехах еще была крыша над головой, а уже нужно было принимать оборудование. Володя поступил мастером в автоматно-токарный цех. Шесть комсомольцев было в цеху в то время.

— А теперь?

— Сто пятьдесят шесть.

Володя сейчас комсомольский секретарь всего механосборочного производства. Ни много ни мало «под началом» у него около двух тысяч комсомольцев.

На заводе говорить с ним невозможно. Сидим в комитете — все время звонят: о чем-то спрашивают, советуются, что-то просят, требуют. Пошли с ним по цехам — тоже не легче. То и дело подбегают: куда-то зовут, уводят. Володя извиняется: «Я на минуту» — и пропадает. Появится — все сначала.

Потом он показывал мне Новый город. И здесь Володя чувствовал себя, как на заводе.

— Вот этот дом, — говорил он, — был самым первым. Кругом степь, дорог хороших нет. Грязь порой такая — ногу выдернешь, а сапог останется. В доме теснота, но жили дружно и весело.

Мы идем по широченной улице. Слева и справа и далеко-далеко впереди зажигаются в окнах тысячи огней. Приветливо смотрят дома своими разноцветными глазами.

— А вот с тем девятиэтажным мы помучились, — показывает Володя в густеющую синеву. — Морозы завернули, да еще ветер, кажется, руки раскинь, тут же понесет тебя.

И снова мы идем и снова (в который уже раз!) останавливаемся возле какого-то дома. Извиняясь, Володя говорит:

— Послушай, зайдем сюда на минутку.

— Тоже строил? — догадываюсь я.

— Нет, — отвечает. — Тут наша «Искорка».

— «Искорка»?

Оказывается, такое имя комсомольцы дали своему подшефному детскому клубу. В «Искорке» все оказалось в порядке. И инструмент для технических кружков завезли, им уже вовсю орудуют школьники.

Когда мы вышли на улицу, небо совсем потемнело. Но улицы были залиты светом: горели ртутные лампы на фонарях, светилась реклама, по широким мостовым бежали, подмигивая огоньками, машины со старинной русской ладьей на блестящих радиаторах.

Юрий ЛУЦКЕВИЧ

Я с каждым деревом знаком

Скорей бы лес! Спешу. Спешу.
Петляет пыльная дорога.
Полуденный зеленый шум.
И птичьих голосов тревога.
Я с каждым деревом знаком,

Я с каждым говорю,
как с другом.
Ручей зеленым языком,
Любя, лизнул прохладно руку.

И тучи медленно плывут
За сосен острые вершины.
Два паучка, качаясь, ткут
Две шелковистых паутины.

И обновленным я уйду...
А станет мир до боли тесным —
Опять приду лечиться лесом,
Опять под сосны упаду.

Лесное горе

Срубили средних лет березу —
Не на дрова,
А просто так.
И, тень короткую отбросив,
Она лежала на кустах.

Повосковев, березы листья
На ветках горбились молчком.
И елка вглядывалась пристально,
Держа ладошки козырьком.

Стою под комариным звоном —
Губу до боли прикусил —
В кругу друзей своих зеленых.
Я с ними горе их делил.

Учитель

Учусь я у подсолнуха:
Он, голову подняв,
Найдет за тучей солнце
В любое время дня.

Глазами ХУДОЖНИКА

Ранним утром по улицам Саратова шагал важный человек с большим плоским ящиком, складным стулом и огромным холщовым зонтом. Открывались окошки, женщины выглядывали из-за горшков с геранью, кланялись важному человеку. В Саратове его уважали. Это был итальянский художник Баракки. Он шагал мимо окон с геранями и канарейками, а за ним спешили его ученики — мальчики с плоскими ящиками, в которых шуршали и ворочались тюбики с красками.

Баракки учил их рисовать Волгу, пейзажи, парк на набережной. Ученики были старательные, а самым способным был Павел Кузнецов. Все, что велел рисовать Баракки, у него всегда получалось хорошо: цветы в вазе, фрукты на столе. Баракки учил наблюдать жизнь. Павел Кузнецов наблюдал жизнь города Саратова. Улицы вели к Волге. Тротуары дощатые, дома низкорослые, ветер гонит по улицам бумажки, пыль. Вечером над Волгой гуляют люди, в парке играет военный оркестр.

Ничего этого Павел Кузнецов рисовать не любил. Были художники, которым нравилось рисовать все это, а он не любил. Думал он, что художник должен уметь открывать какие-то тайны, важные для всех людей, искать смысл жизни. Для чего люди живут на земле? Для чего родятся? Какою должна быть жизнь?

Он учился в Москве, стал известным. Снова вернулся в Саратов и — нашел, нашел свою заветную страну. Располагалась она совсем рядом. За Волгой начинались степи, в степях стояли юрты, в юртах жили киргизы. Павел Кузнецов стал рисовать степи, юрты, киргизов.

Мир его был голубым, воздух прозрачен, и тонкие деревья расправляли в небе сизые листья, как птицы расправляют перья, готовясь взлететь. На мирных голубых холмах паслись овцы цвета облаков; киргизки в синих платках и простых синих одеждах стригли овец. Лица их были нежны и спокойны, и спокойны голубые дали, и деревья, и овцы.

Один мой знакомый художник уехал летом в те же заволжские степи писать этюды. Этюды, которые он привез, были резкие и сухие. Рыжая, выжженная трава колола глаза, пыльные деревья томились от зноя, небо было ярким, как эмалированный таз. Это были хорошие этюды, но я вспомнила голубой мир Кузнецова и поди-

Павел Кузнецов. «Горный пейзаж».

вилась тому, какие разные бывают художники на свете и как различно видят они один и тот же мир. Мой знакомый художник понял этот кусок земли как пространство, отданное во власть солнцу и зною.

У Кузнецова нет ни зноя, ни палящего солнца. В его прозрачном мире не бывает ни черной ночи, ни грозы, ни песчаных бурь. В этом безмятежном мире человек живет на голубой земле, земля рождает траву, травой кормятся овцы, люди стригут овец, чтоб из их шерсти делать войлок, а из войлока — свои жилища.

Быт одного заволжского киргизского племени стал для художника тропой, по которой он вступил в свой голубой мир и в котором выстроил мудрую, добрую и правильную жизнь. Голубые картины Павла Кузнецова очень красивы, потому что честность и доброта — законы его страны Голубых Степей.

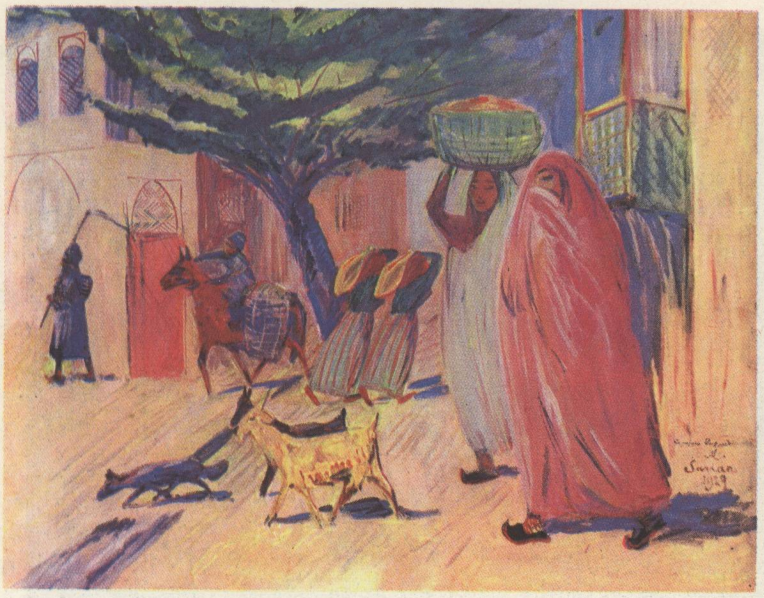
Кузнецов прожил долгую жизнь и нарисовал много картин. Он любил бродить по стране, вглядывался в лица людей: они учились, строили, растили детей. Он рисовал ереванских каменщиков, колхозницу с ребенком, художницу, читающую книгу. Республики были непохожи одна на другую, как люди, которых он рисовал: художник любил прохладные дворики Бухары и мощные горы Кавказа.

Вы видите картину Павла Кузнецова «Горный пейзаж» (Кавказ, 1927). Холмы и горы. Земля здесь — яркая глина, омытая дождем; зеленые, блестящие травы растут по холмам, широкая дорога крутой дугой с силой взмывает вверх, к предгорью. Могучие складки почвы нарисованы так, будто художник видел, как возникал Кавказский хребет. У подножия гор лепятся сакли, сильные волы тащат по дороге телегу, и люди в длинных бурках спешат по своим делам. Новая жизнь пришла в горы, говорит художник. Новая жизнь сворачивает горы.

А вдали, на самом горизонте, клубятся дальние снежные вершины. И там, где падает луч солнца, появляется голубой свет — свет, пришедший из страны, которую художник открыл когда-то в широтах Заволжья.

Был у Кузнецова в юности друг — Мартирос Сарьян. Они вместе учились живописи, писали одни и те же натюрморты, и рисованию их обучали одни и те же учителя. Но сравните картины Кавказа, которые они написали, и вам может показаться, что они родились и выросли на разных планетах.

Сарьян впервые попал на Кавказ, когда был уже художником. Сейчас нам странно представить это: кажется, только Армения могла вырастить Сарьяна, чтоб рассказать о себе. Он вступил на армянскую землю как на новую планету. Открытие потрясло его, и он захотел

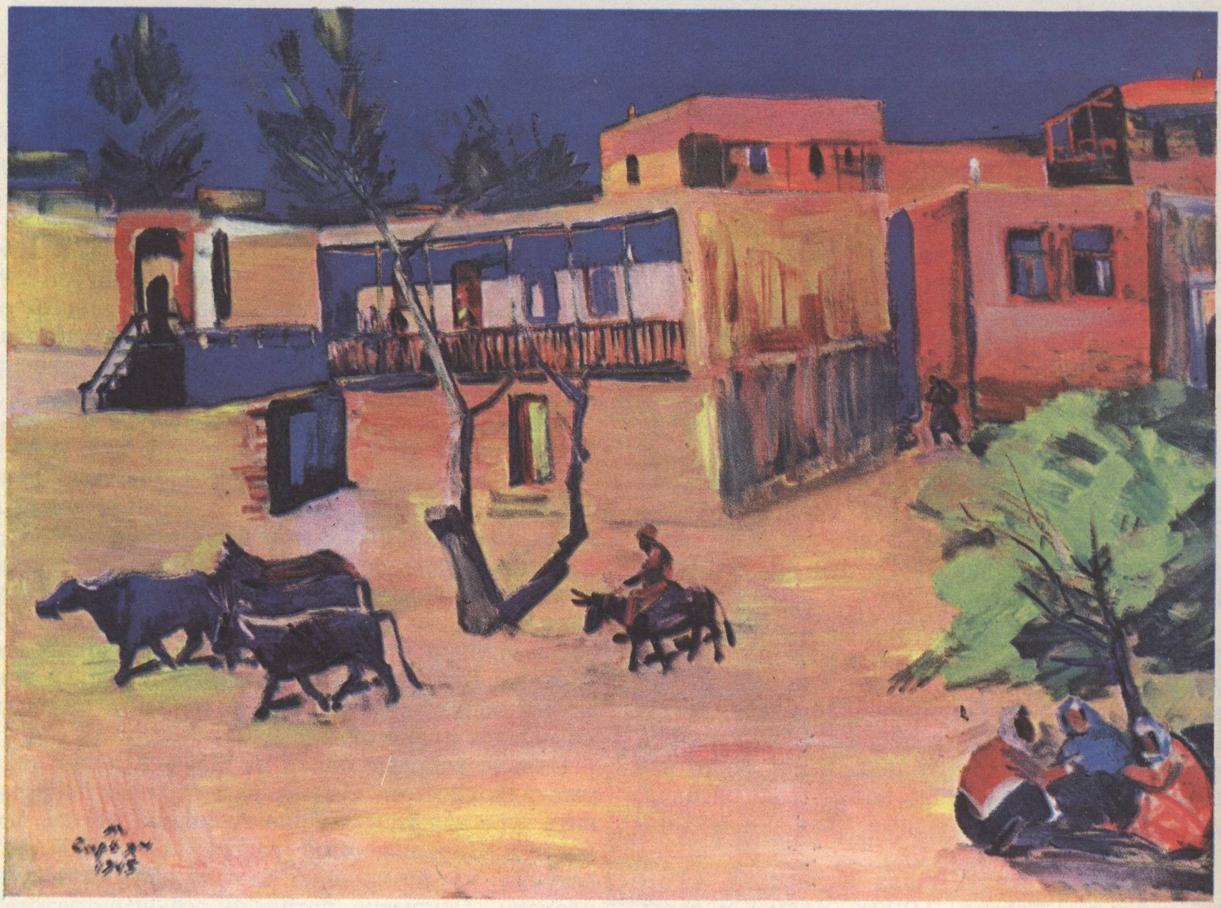
Мне кажется, на планете по имени «Армения», открытой Сарьяном, солнце всегда стоит в зените и никогда не скрывается за горизонтом. Фиолетовые и зеленые листья никогда не опадают, пурпурные цветы не вянут, а люди живут тысячу лет. От картин Сарьяна исходит могучая сила жизни. Если бы художник жил в ту пору, когда создавались мифы, люди сложили бы миф о том, что его картины исцеляют больных и немощных и прогоняют старость.

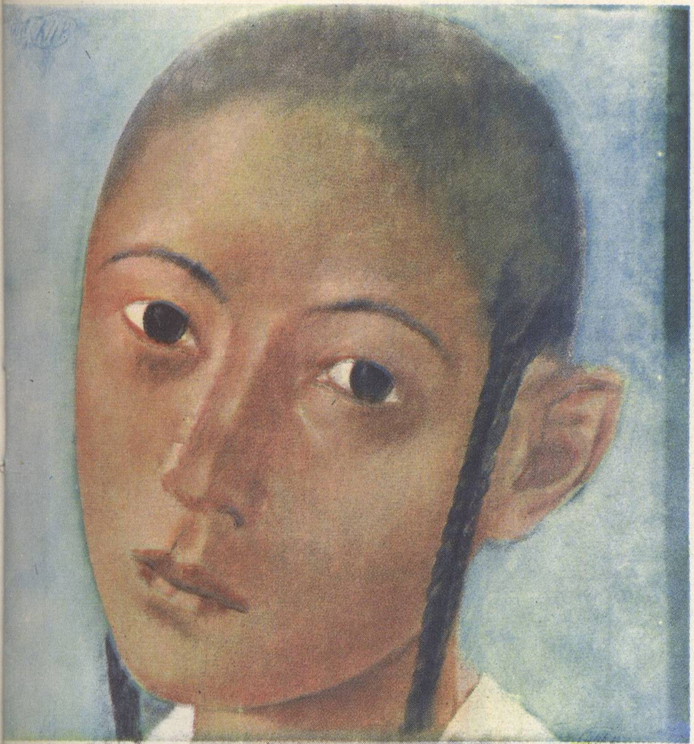
Когда Павел Кузнецов рисовал Кавказ, он постоянно видел перед собой горы: могучие хребты, гигантские ущелья всегда присутствуют в его картинах. Даже если он пишет портреты жителей Кавказа, все равно кавказские лица на его картинах похожи на крутые скалистые горы. Так герой Льва Толстого, впервые попавший на Кавказ, не может прийти в себя оттого, что вокруг него горы. Горы вошли в его жизнь, они везде. О чем бы он ни думал, он мысленно добавляет: «И горы...»

В Армении Сарьяна горы могут быть, а могут и не быть. Ему важен чистый горный воз-

Мартирос Сарьян. «Улица. Проходящие». «Уличка в Ереване» (внизу).

передать свое потрясение людям. Мир предстал перед ним ослепительно ярким, как роскошная тропическая птица: оранжевым, синим, зеленым, фиолетовым.

Кузьма Петров-Водкин. «Голова узбека».

дух, потоки желтого света, что беспрепятственно льются на дома и деревья, а дома и деревья отбрасывают на землю синие тени.

Есть у Сарьяна картина «Улица. Проходящие» (1929). Две женщины в длинных и легких восточных одеждах спешат, скользя по земле, оранжевой, как апельсиновая корка. Две козы шагают перед ними — желтая и синяя, а впереди коз спешит тощая фиолетовая собака. А вдали две женщины в зеленых кофтах, с желтыми мешками за спиной: легкие их фигуры, будто листья, которые гонит горячий ветер. Все вместе это похоже на какой-то сложный танец. Танцуют женщины, козы и собака. И нигде на свете нет больше такого ритма, такого быстрого и плавного движения, как в Армении, которую рисует Сарьян.

Сама я, сознаюсь откровенно, не видела в Армении ни фиолетовых коров, ни почвы цвета апельсиновой корки, ни гор, полосатых, как тигры. Почему же, вспоминая Армению, я вижу все так, как написал Сарьян?

И еще один художник, юность которого была связана с Кавказом и Средней Азией, — Кузьма Петров-Водкин. В Третьяковской галерее вы могли видеть его картину «Купание красного коня». Если он рисовал фрукты, вспоминалась древняя притча о художнике, который так изобразил горсть винограда, что птицы слетались клевать ее. А если рисовал человека, — с ним хотелось заговорить. Такой это был художник.

Вот напряженно смотрит на нас мальчик-узбек. Петров-Водкин нарисовал его, как рисовали лица древние русские мастера: лицо мальчика повернуто к нам в три четверти. Оно узкое, вытянутое, смуглое. И все черты лица: дуги бровей, узкая колонна носа, маленький рот — подобны частям какого-то совершенного архитектурного сооружения, в котором должно храниться нечто очень важное — жизнь человеческая.

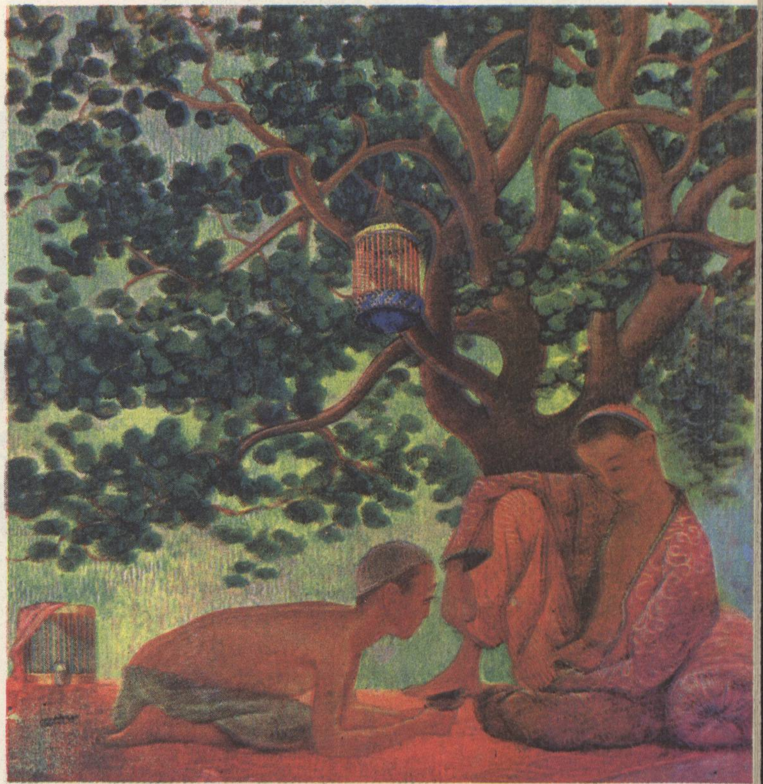
Все в портрете выстроено так, чтоб вы увидели глаза мальчика. Это действительно живые глаза. Будто в холсте прорезано окошко и из него глядит настоящий, внимательный глаз. Кажется, невозможно обидеть этого мальчика недобрым словом: тонкие веки его закроются, жизнь схлынет. Иногда мне кажется, что зоркий, пристальный взгляд, глядящий из-за холста, — глаз художника.

Я верю, что художники живут на земле, чтоб научить нас открывать новые земли, видеть многие вещи, которые без них мы не увидели бы, знакомить с людьми, мимо которых мы могли бы пройти.

И даже если вы думаете, что нет голубой земли, оранжевых гор, фиолетовых собак, — верьте художникам. Французский художник Клод Монэ, приехав в Лондон, написал картину: туман над рекой Темзой. Получилась очень красивая картина, но англичане обиделись: «Розовый туман в Лондоне?! Смешно и глупо. Мы-то знаем, что наш туман серый!» А выйдя с выставки, англичане увидели, что туман на улицах Лондона действительно розовый.

Евг. КАЛУГИНА

Александр Николаев. «Мальчики с перепелками».

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

ПРАЗДНИК НЕПОСЛУШАНИЯ

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА ДЛЯ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ

Окончание

Рисунки И. ПРАГЕРА.

Под вечер дети разбрелись по своим домам.

Таракашки остались ночевать у Ухогорлоносиков.

С головной болью, простуженные и обкуренные, лежали они где попало и как попало: кто на креслах, кто на стульях, а Таракан и вовсе под роялем на полу.

Репка и Турнепка ушли к себе домой. Ухогорлоносики предложили и им переночевать, но свободные места оставались только в ванне.

— У меня горло болит. Я не могу глотать,— пожаловалась Турнепка перед сном.

— А у меня болит голова. Что мы будем делать, если заболеем?

— Лечиться. Лекарствами.

— Какими?

— Всякими.

— Всякими нельзя. От всяких можно еще хуже заболеть.

— Правда, жаль, что Фантик не доктор?..

Турнепка тяжело вздохнула.

— Мне жарко. Достань мне из холодильника ледышечку пососать...

*

Часы на городской башне пробили полночь, потом час, потом два и три часа ночи, а Фантик все ворочался и ворочался на своей железной кроватке. Только под самое утро он забылся коротким, беспокойным сном. Во сне он спасал детей от пожара, вытаскивал из воды, снимал с крыш и отнимал у них спички и папиросы. Его разбудил тревожный стук в дверь.

На пороге стоял Репка.

— Что случилось? — спросил Фантик, протирая глаза и ежась от утреннего холода.

— Турнепка умирает! — ответил Репка и заплакал.

— Что с ней?

— Не знаю. Она заболела. Ночью она звала маму, а теперь она молчит и ничего не отвечает, когда я ее спрашиваю.

— Хорошо,— сказал Фантик.— Я сейчас оденусь...

Турнепка лежала с закрытыми глазами, когда Фантик дотронулся до ее лобика. Лобик был горячим. Турнепка открыла глаза и заморгала ресницами.

— Фантик! Ты пришел меня спасать? Полечи меня немножко, чтобы я не умерла!

Фантик присел на краешек кровати.

— Я ведь не доктор. Я только могу попробовать...

— Попробуй, пожалуйста!

Фантик задумался. Он никогда не лечил детей. Может быть, дать Турнепке выпить стакан горячего молока? При простуде Фантик всегда пил горячее молоко.

— Не хочу молока! — поморщилась Турнепка.— Я не буду его пить!

— Если ты не будешь слушаться, я не буду тебя лечить!

—Я буду послушной,— согласилась Турнепка.— А то ты уйдешь, как они все ушли.

— Молока нет,— сказал Репка.— Мы его вчера выпили...

Все, что можно было перед уходом закрыть и запереть, взрослые наглухо закрыли и заперли, оставив для детей открытым лишь доступ к тому, из-за чего в семьях чаще всего проливали потоки слез. Не было молока в Молочной, хлеба в Булочной, овощей в Зеленной и мяса в Мясной лавке. Только в кондитерской «СЛАДКОЕЖКА» и в табачном киоске «АРОМАТ» оставались еще не тронутыми некоторые сорта кондитерских и табачных изделий. Зато все мороженое, все пирожные, а также шоколадные батончики были съедены и вся фруктовая вода выпита в первый день Праздника Непослушания.

Зайдя со двора, Фантик нашел окно, которое было неплотно прикрыто, и, отворив его, забрался в Молочную. Он знал, что никому нет дела до того, что какой-то малыш зачем-то лезет в какое-то окно, но все же Фантик чувствовал себя как-то неловко. В другое время он бы никогда себе этого не позволил. Но на что не пойдешь ради больного ребенка!

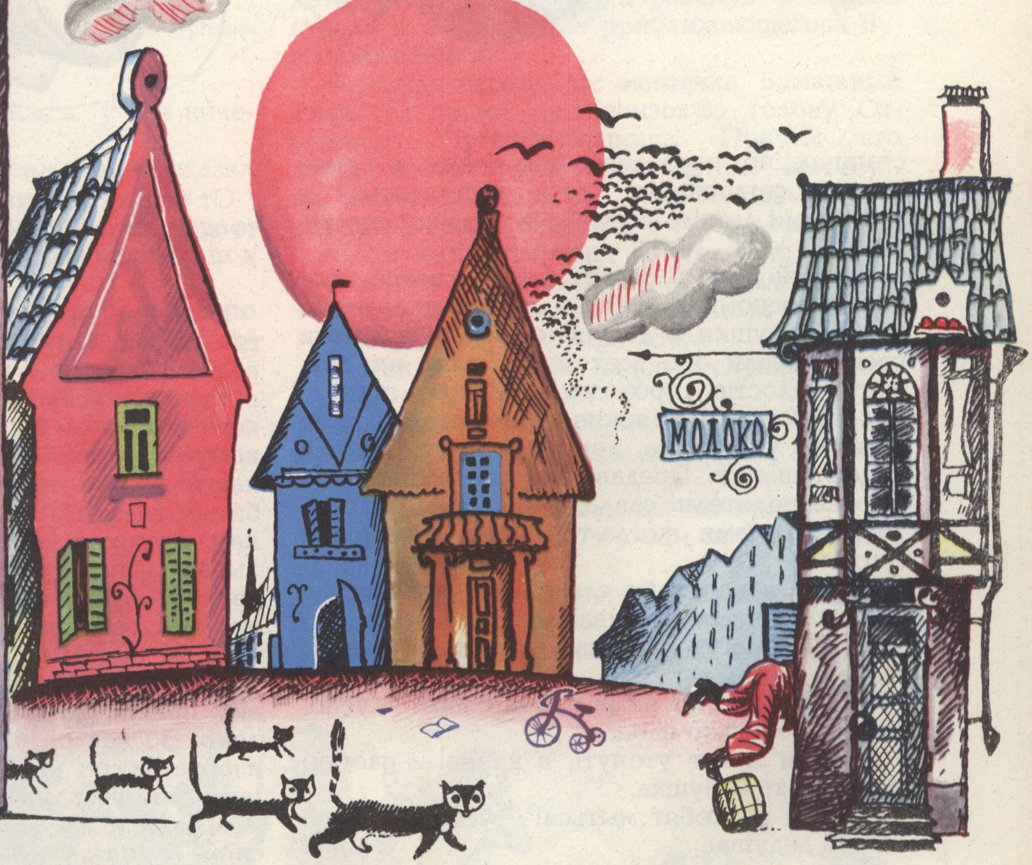
На прилавке стояло несколько бутылок с молоком.

Фантик откупорил одну и отпил глоточек. Молоко прокисло.

Уже во дворе Фантик встретил кота Пупсика: тот, видно, тоже искал лазейку в магазин, чтобы чем-нибудь поживиться.

— Там ничего нет! — сказал Фантик.— Лови мышей!

Фантик нашел окно, которое было неплотно прикрыто, и, отворив его, забрался в Молочную.

Кот понимающе мяукнул и нырнул в подворотню...

Конечно, проще всего было бы дать Турнепке принять какую-нибудь микстуру, но не было доктора, чтобы ее прописать, и аптекаря, чтобы приготовить.

Вернувшись без молока, Фантик вскипятил ведро воды и, накрыв над ним голову Турнепки мохнатым полотенцем, дал ей подышать горячим паром. Ей сразу стало легче, и она повеселела.

— Фантик! Оставайся у нас жить! — предложила она.— Мы с Репкой поместимся на одной кроватке, а он тебе уступит свою. Она тебе как раз по росту.

— Я лучше буду вас навещать. А сейчас я пойду и посмотрю, не нужна ли кому-нибудь еще моя помощь,— ответил Фантик и в дверях помахал Турнепке ручкой.

А со двора уже доносился чей-то голос:

— Репка! Турнепка! Фантик случайно не у вас?

*

Наступил второй день Праздника Непослушания. Однако в городе не чувствовалось праздничного настроения.

По улицам слонялись бледные, неумытые, нечесаные и невыспавшиеся дети. У одних болел живот, другие кашляли и чихали. На бульваре можно было встретить грустных малышей с отцовскими трубками в зубах и очень печальных девчушек, перемазанных маминой губной помадой и бабушкиными румянами.

Голодные коты и кошки начали наконец-то ловить мышей...

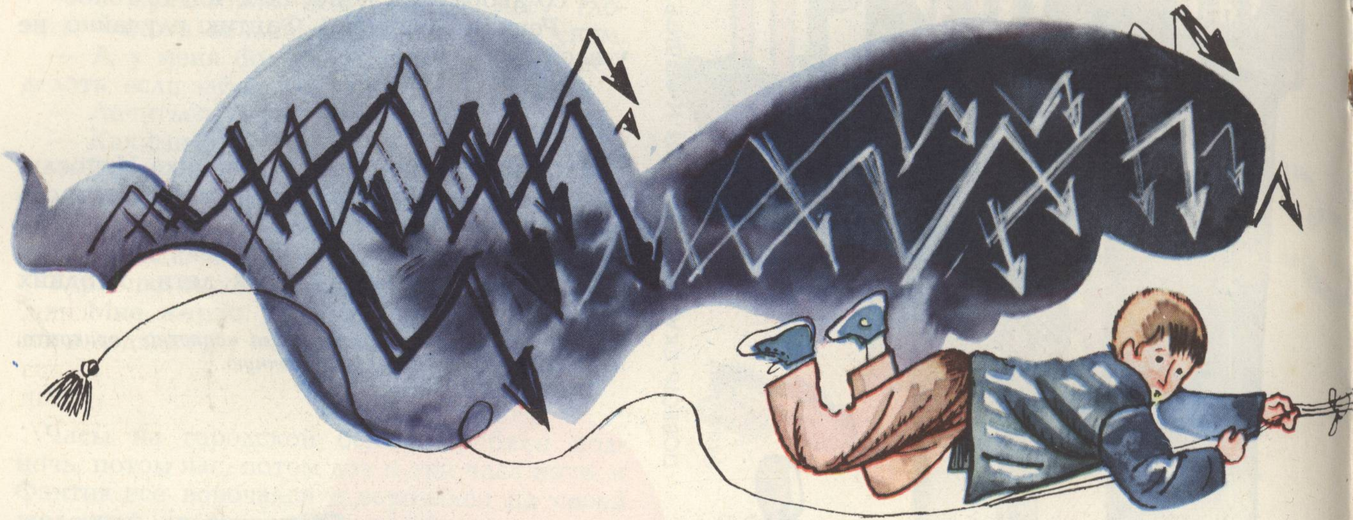
❇

Взрослые ушли в неизвестном направлении и не оставили детям адреса, где их искать. Свой палаточный лагерь они разбили на месте, отмеченном на карте учителем географии по прозвищу Глобус.

Сперва далеко не все родители разделяли точку зрения доктора Ухогорлонос. Это ему первому пришла в голову мысль на какое-то время оставить детей одних, без присмотра

— Подслушал ребят, которые меня сегодня запустили в небо. Постой, не отвлекай меня! Нам нужно обойти грозовую тучу, а не то в нас может попасть молния!..

Подхваченный сильным порывом ветра, Бумажный Змей рванулся ввысь, накренился на правый бок и, едва коснувшись края обыкновенного дождевого облака, начал обходить темную грозовую тучу, набитую громами и молниями.

старших, но, посовещавшись с ним, в конце концов согласились, хотя расставаться с ужасными детьми всем было невыносимо тяжело.

Первый день в родительском лагере прошел в воспоминаниях. Сидя у костра, папы, мамы, бабушки и дедушки до поздней ночи рассказывали обо всех известных им детских шалостях, проказах и дурных поступках. Приводились яркие примеры детского эгоизма, упрямства, лени, лжи, грубости и непослушания. Предавшись воспоминаниям, многие родители сделали при этом открытие, что сами когда-то были ужасными детьми.

Ночью в палатках слышались приглушенный шепот и всхлипывания.

— Они могут утонуть! — шептала чья-то мама.

— Там же нет ни реки, ни озера! — успокаивал ее чей-то папа.

— Они могут утонуть в ванне! — настаивала чья-то бабушка.

— Они не любят мыться! — успокаивал ее чей-то дедушка...

❇

А Бумажный Змей с Малышом на хвосте все летел и летел.

— Ты правильно летишь? — спросил Малыш, когда они вынырнули из одного облака и нырнули в другое. — А то я уже устал за тебя держаться!

— Потерпи. Скоро прилетим.

— Откуда ты знаешь про это место?

От страха Малыш зажмурился и еще крепче вцепился в хвост Бумажного Змея.

❇

Уставший и обессиленный вернулся Фантик домой. Он долго не мог заснуть: перед его глазами в мельчайших подробностях вставал прошедший день. С утра и до позднего вечера он был занят тем, что оказывал кому-то помощь. Его просто разрывали на части! Одним он ставил примочки под разбитым глазом и прикладывал монету к синякам. Другим клал грелки на живот и рассказывал сказки, чтобы они не плакали и не звали маму. Третьих раздевал и мыл, потому что они заваливались на кроватку одетыми и не желали мыть перед сном грязные ноги. Четвертым... Трудно перечислить все, что ему пришлось проделать за этот безумный день. Но как он ни старался, что только ни изобретал, он никому не мог заменить ни маму, ни папу, ни бабушку, ни дедушку.

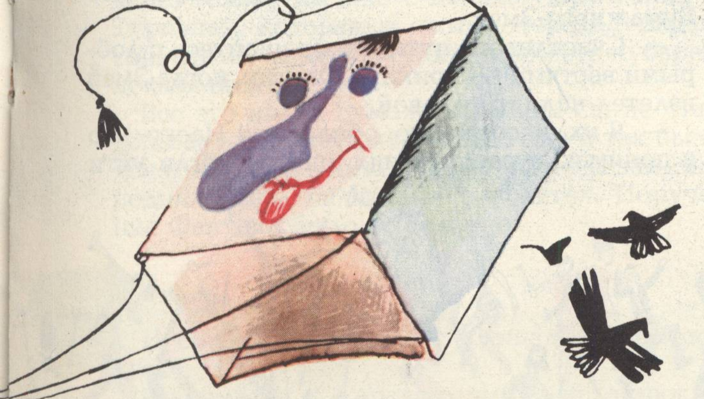
«Сколько же это еще может продолжаться?» — думал Фантик, ворочаясь с боку на бок.

Тревожная ночь опустилась над городом. Малыши во сне плакали: «Хочу к маме!» Тем, кто был постарше, снились кошмары — будто кто-то их угощает мороженым! — они в ужасе просыпались и потом долго лежали с открытыми глазами, думая о том, что хорошо бы опять заснуть, а утром проснуться от ласкового прикосновения руки и знако-

мого голоса: «Пора вставать!» И они засыпали, оставляя на подушках мокрые следы своего раскаяния...

❋

Репка проснулся от боя часов на городской башне.

Высоко в небе над площадью имени Отважного Путешественника кружил большой Бумажный Змей.

Турнепка уже поправилась, и у нее ничего не болело.

— Пойдем в школу! — неожиданно сказал Репка.

На школьном дворе несколько Ухогорлоносиков молча и деловито разбирали под каштаном свое имущество.

Репка сразу узнал свой портфельчик по оторванной ручке и Турнепкин ранец с красными застежками.

В пустом классе на чужой парте сидел Таракан и, подперев рукой голову, мрачно смотрел на классную доску. На ней все еще было написано:

«ВСЕ УРОКИ ОТМЕНЯЮТСЯ!»

Репка и Турнепка сели за свои парты.

— Ты почему не в своем классе? — спросил Репка.

— А не все ли равно! — прохрипел простуженный Таракан.

— Это наш класс,— сказала тихо Турнепка,— иди в свой!

Таракан не стал возражать. Он молча поднялся и поплелся к двери. Когда она за ним закрылась, Репка положил руку на плечо Турнепке и грустно сказал:

Учителя все-таки могли бы остаться...

❋

Высоко в небе прямо над площадью имени Отважного Путешественника кружил большой Бумажный Змей. На хвосте у него что-то висело. По тому, как он себя вел, было ясно, что он хочет приземлиться, и выбрал местом для посадки городскую площадь.

Первыми его заметили Ухогорлоносики. Потом к ним присоединились Таракашки. И вскоре вся площадь была запружена детьми. Задрав головы и разинув рты, они стояли и смотрели на приближающегося Бумажного Змея.

Не найдя свободного местечка, Бумажный Змей сел прямо на бронзовую голову Отважного Путешественника. Причем его хвост, соскользнув по пьедесталу памятника, коснулся земли так, что Малыш, прилетевший на нем, оказался в гуще детей.

— Ты кто? — спросил Пистолетик.

— Я—ужасный ребенок!—заявил Малыш.

По толпе прошел одобрительный гул.

— Зачем ты сюда прилетел?

— Как зачем? Мне надоело слушаться маму, и я от нее улетел!

— А у нас все наоборот,— сказал Пистолетик.— Мы не слушались, и от нас все сбежали.

— Значит, теперь вам все можно?

— Нам все можно, но нам почему-то уже ничего не хочется!

— А мне так хочется! — признался Малыш.— Шоколадного мороженого!

Пистолетик побледнел, и его стошнило.

— А я ведь опять зацепился! — послышался сверху голос Бумажного Змея.— Отцепите меня, пожалуйста! Только поосторожнее, не порвите мне бока!

Таракан и два Ухогорлоносика забрались на памятник и сняли с макушки Отважного Путешественника Бумажного Змея. Подхваченный порывом ветра, Бумажный Змей вырвал кончик хвоста из рук Малыша.

— Я немножко отдохну, полежу на одной из крыш! — крикнул он и медленно поплыл над головами детей.

*

Репка привел Малыша к Фантику.

— Этого мальчика наказала мама, и он от нее улетел!

И тут началось большое общее веселье.

— То есть как это «улетел»?

— Очень просто. На Бумажном Змее!

— А где Змей?

— Отдыхает на крыше. Они сейчас полетят обратно.

— Они не хотят у нас погостить?

— Мне у вас что-то не нравится! Я лучше полечу домой. К маме,— насупившись, сказал Малыш.

Фантик задумался. Он не сразу обратил внимание на то, что Репка все время подавал ему какие-то загадочные знаки и моргал то одним, то другим глазом. Когда он это заметил, то догадался, зачем Репка привел к нему Малыша.

— Ну что ж,— сказал Фантик,— если мальчику у нас не нравится, мы не будем его задерживать. Это его право. Но, может быть, он одолжит нам своего Змея на часок-другой? Мы вернем его в целости и сохранности. Что скажешь, Малыш?

— Это не мой Змей! — пробурчал Малыш.— Он самостоятельный!

— Тем лучше! — воскликнул Фантик и тоже подмигнул Репке.— Тогда мы его сами как следует попросим об одном одолжении!..

*

Несмотря на свою усталость, Бумажный Змей согласился выполнить просьбу Фантика: разыскать место, где укрылись родители, и передать им письмо, подписанное всеми детьми. Письмо сочинил сам Фантик. Теперь надо было только его подписать.

Первым подписал письмо Пистолетик, а за ним и все Ухогорлоносики. Таракан даже не стал читать письма. Он только спросил, кто его уже подписал, и тут же поставил под ним какую-то закорючку. Таракашки, увидев эту закорючку, не долго думая, поставили под ней тридцать своих закорючек, а там подписались и все остальные. Те, кто не умел еще ни писать, ни читать, ставили крестики.

Когда письмо было готово, его на всякий случай запечатали в конверт из непромокаемой бумаги и надежно закрепили на хвосте Бумажного Змея.

— Счастливого пути! Возвращайтесь с добрыми вестями! — крикнул Фантик, когда Змей взлетел над его головой.

— Я их, несомненно, обнаружу! Насколько я понимаю в расстояниях, они не могли уйти далеко,—донесся уже издалека голос Бумажного Змея.

Он сделал круг над городом и скрылся из виду.

Фантик вернулся домой, где застал Малыша сладко спящим на железной кроватке.

Ужасные дети в томительном ожидании сидели по домам...

*

Письмо заканчивалось стихами:

Мамы! Папы! Нам без вас —
Все равно, что вам без нас!

Добрый доктор Ухогорлонос дошел до этих строк и запнулся. Он протер очки, но и это не помогло,— дальше читать он не мог. От волнения у него пересохло в горле и перестало биться сердце. Он взял себя в руки, сердце опять застучало, но письмо все же дочитывал учитель Глобус. С большим выражением прочитал он последние строки послания:

Мамы! Папы! Нам без вас —
Все равно, что вам без нас!

— Что я говорил?! — радостно закричал доктор.— Я это предвидел! Они все поняли, и теперь у нас начнется новая жизнь! Все пойдет по-иному, вот увидите! А какие замечательные стихи и как легко они запоминаются!

И тут началось общее веселье. Папы, мамы, бабушки и дедушки взялись за руки, закружились в хороводе и на все голоса запели:

Мамы! Папы! Нам без вас —
Все равно, что вам без нас!

Они так развеселились, что сами почувствовали себя детьми — стали кувыркаться в траве, играть в пятнашки, а учитель Глобус так расшалился, что совсем забыл, что он учитель, и, догоняя доктора, подставил ему подножку, да так удачно, что тот перелетел через голову и сшиб с ног бабушку Репки и Турнепки, которая, в свою очередь, падая, схватилась за дедушку, и они вместе кубарем покатились с горки.

Все это видел Бумажный Змей. Он не стал дожидаться ответа на письмо: ему и так было ясно, чем все это кончится. Он незаметно поднялся над палатками и полетел. Поручение Фантика было выполнено...

*

И снова на городской площади собрались дети.

Пистолетик и Таракан сидели на широких плечах Отважного Путешественника, держась за его бронзовые уши. Даже Фантик с театральным биноклем в руках пристроился на макушке памятника.

Все с нетерпением и надеждой смотрели в безоблачное небо.

— Летит! Летит! — завопил Пистолетик.

Фантик поднес к глазам бинокль.

— Это галка!

Потом пролетела ворона, которую тоже издалека не за того приняли. Потом пролетела еще одна галка.

Наконец появился долгожданный почтальон. Он появился неожиданно и совсем не с той стороны, откуда его ждали. Его отнесло ветром, и он вылетел на площадь из-за городской башни, чуть-чуть не зацепившись хвостом за стрелки часов.

— Они возвращаются! Готовьтесь к встрече! — прокричал он, опускаясь на крышу.

— Ура-а-а! Ура-а-а! Ура-а-а!..

Этот радостный клич возник у подножия памятника и, нарастая, троекратно прокатился по всей площади.

— Дай я тебя расцелую! — кричал Фантик Бумажному Змею, хлопая в ладоши. Театральный бинокль упал на землю, но почему-то не разбился...

*

— Змей! Змей! — позвал Малыш.

Площадь была пуста: всех, кто на ней только что был, как ветром сдуло...

Бумажный Змей взмахнул хвостом:

— Лови кончик!

Малыш полез вверх по хвосту, работая руками и ногами.

— Молодец! А теперь держись за меня, как держался, и — полетим!

И они полетели.

Когда они были уже высоко, Малыш спросил:

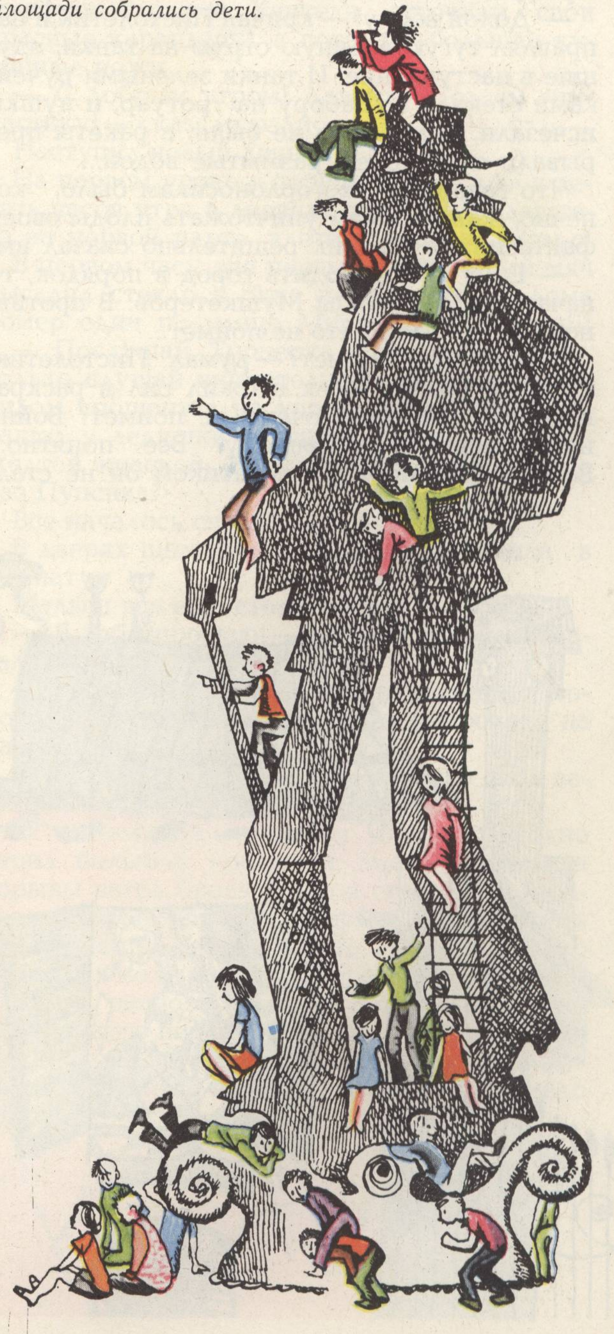
— Послушай, Змей! Тебе тут тоже не понравилось?

— По правде говоря, такая свобода не по мне! — ответил Бумажный Змей.— Все-таки должен же быть какой-то порядок...

*

Фантик носился на своем велосипедике из одного конца города в другой — распоряжался, командовал, советовал и проверял. Ужасные дети готовились к торжественной встрече родителей. Никто точно не знал, когда они появятся, поэтому надо было как можно ско-

И снова на городской площади собрались дети.

рей подмести улицы, накормить птиц в клетках и полить цветы в горшках, застелить постели, перемыть грязную посуду, отмыться как следует самим — словом, успеть сделать тысячу дел.

Пол в кондитерской «СЛАДКОЕЖКА» блестел, как зеркало. На столиках, на стульях, на стенах и на подоконниках не осталось и следа от недавнего сражения сладкоежек.

В школьных классах было чисто и уютно, как в первый день школьных занятий. На всех классных досках было красивым почерком написано: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!»

Пистолетик со своей командой орудовал на улице Мушкетеров. Вооружившись несколькими пожарными шлангами, они смывали со стен домов, витрин и заборов то, что они с таким вдохновением создали в первый день Праздника Непослушания.

— Долой войну! — кричал Пистолетик и направлял тугую водяную струю на танки, идущие в наступление. И танки зелеными ручейками стекали по забору на тротуар, и пушки исчезали, будто их и не было, и ракеты прерывали свой полет, размытые водой...

Что говорить, Ухогорлоносикам было, конечно, жалко самим уничтожать плоды своей фантазии, но Фантик решительно сказал им:

— Если уж приводить город в порядок, то начать надо с улицы Мушкетеров. В противном случае вас никто не поймет...

«Почему не поймет? — думал Пистолетик, который больше всех вложил сил в раскрашивание улицы. — Почему не поймет? Война нарисована по-настоящему. Все понятно... Война!» Но спорить с Фантиком он не стал: дети договорились во всем беспрекословно слушаться Фантика — коменданта города.

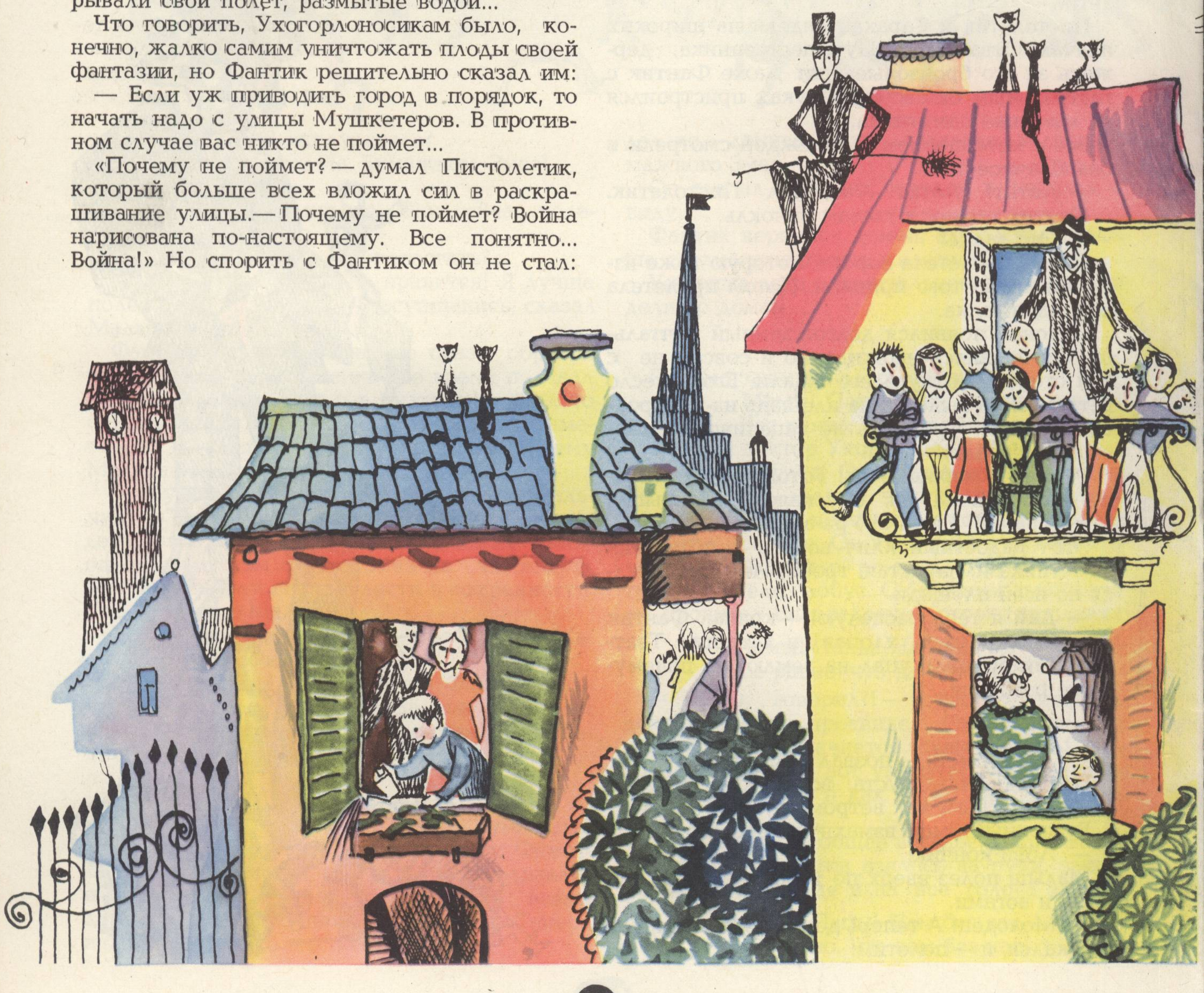
*

Ровно в полдень первые колонны родителей организованно вступили на площадь имени Отважного Путешественника.

Выстроившись, как на параде, стояли перед ними их дети и внуки. Причесанные, вымытые мальчики в глаженых костюмчиках и начищенных ботинках. Нарядные девочки с бантами в чистых, расчесанных волосах. Тихие и послушные. Готовые выполнить любое поручение, задание или просьбу. Образцово-показательные дети!..

Папы, мамы, бабушки и дедушки растерялись. Они ожидали совсем другой встречи:

С оторванными пуговицами, в измятом платье папы, мамы, бабушки и дедушки, разобранные своими детьми и внуками, разошлись наконец по домам.

бурных объятий, слез, радости, криков восторга...

— Какие ужасные дети!..— прошептал доктор.— Неужели они могли так измениться за три дня! Что с ними случилось? Это же просто какие-то маленькие старички.

И тут вдруг маленький старичок взмахнул букетиком анютиных глазок, и по его сигналу строй образцовых детей дрогнул и рассыпался с невероятным поросячьим визгом. Все дети как один бросились ко взрослым.

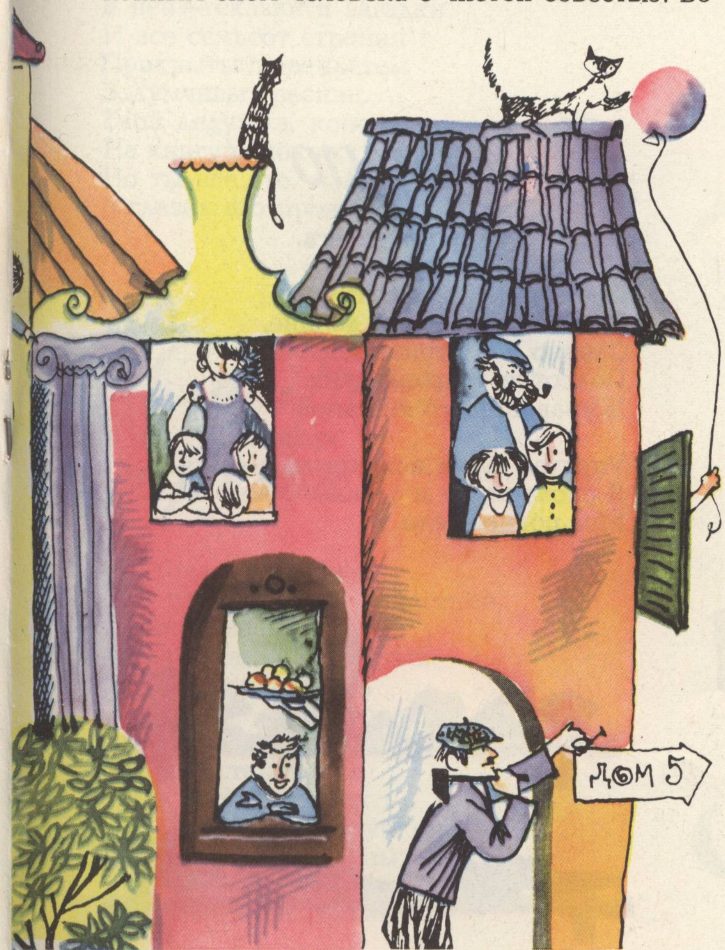
— Отпустите меня! Я не ваш, я не ваш! — кричал чей-то дедушка, отбиваясь от напавших на него чужих внуков.

— Это не ваша мама! Это наша мама! — вопил Пистолетик, отнимая у близнецов свою перепуганную маму.

— Это не я! Это не я! Я здесь! Я здесь! — кричал не своим голосом доктор Ухогорлонос, взобравшись на пьедестал памятника и махая соломенной шляпой, чтобы привлечь внимание своих Ухогорлоносиков, бросившихся в погоню за чьим-то чужим отцом...

С оторванными пуговицами, в измятом платье, всклокоченные и потерявшие в уличной возне не одну пару очков, папы, мамы, бабушки и дедушки, разобранные своими детьми и внуками, разошлись наконец по домам.

Только Фантик вернулся домой один. Он лег на свою железную кроватку и заснул спокойным сном человека с чистой совестью. Во сне ему приснилось, будто он преподносит Турнепке букетик анютиных глазок...

*

Наступило утро.

Пережив трехдневный Праздник Непослушания, город зажил нормальной жизнью: на уличных перекрестках заморгали светофоры, показались пешеходы, заработал уличный транспорт. В Булочной появился душистый хлеб, в Молочной — свежее молоко и кефир, в Зеленной — овощи и фрукты, в Мясной — парное мясо, в кондитерской «СЛАДКОЕЖКА» — мороженое всех сортов и пломбир.

Парикмахеры надели белые халаты и встали у своих кресел. Доктора положили в свои чемоданчики шприцы, трубки и молоточки. Аптекарь открыл запертый на два ключа шкафчик с ядами. Учителя отточили свои красные карандаши, а повара — большие кухонные ножи.

— С добрым утром! Давайте сделаем гимнастику! — сказало радио.

Наступил новый день...

На первом уроке в первом классе «А» в десять часов утра в дневник ученика, сидевшего на первой парте, влетела двойка: блям-с!

В первом часу дня первый футбольный мяч высадил стекло в окне первого этажа дома номер один по улице Мушкетеров: бенц!!!

— Послушай, Турнепка, что я тебе скажу, только слушай внимательно! — с загадочным видом прошептал на ушко сестре Репка.— Я нашел у дедушки в ящике лишний тюбик с желтой краской. Не покрасить ли нам еще раз Пупсика?

Все началось сначала...

В дверях щелкнул ключ, и мама вошла в комнату.

Малыш все еще стоял в углу.

— Я тебя прощаю! — добрым голосом сказала мама.

— Теперь ты купишь мне шоколадное мороженое? — спросил Малыш и покосился на раскрытое окно.

— Если ты обещаешь мне хорошо себя вести,— сказала мама.

За окном над крышами домов свободно парил большой красивый Змей. Временами порывы ветра бросали его в сторону, и казалось, что он вот-вот потеряет устойчивость и беспомощно начнет падать. Но за ним зорко наблюдал мальчуган во дворе. Не давая Змею потерять равновесие, он то осторожно отпускал длинную нить, то наматывал ее на катушку. И никакие ветры не были страшны Бумажному Змею, потому что мальчик умело руководил его полетом.

КОНЕЦ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

Овсей ДРИЗ

Красива земля

Я к другу зашел,
А его что-то нет —
И, видно, не скоро
Вернется поэт.
На столике низком
Лежали вразброс
Бумага и ручка,
Пяток папирос.
Рассеянный взгляд
мой
Невольно привлек
Исписанный косо
Почтовый листок.
Что-то поэт
Записал поутру.
Пожалуй, я почерк
Его разберу:
«Купить чай и сахар.
Друзей навестить.
В читальню сходить
И музей посетить.
Забрать из починки
Свои башмаки.
Красива земля.
Дороги легки».
Подумал я:
Вот мой приятель
каков!
Нужна ему пара
Таких башмаков,
Чтоб мог он по свету
Шагать и шагать...
«Красива земля»,—
Прочитал я опять.

Я помню

Дорогой скрипит телега.
И радуга — выше неба.
Плетни... И пение птиц...
И хатки в зеленой долине,
Словно в плетеной корзине —
Полсотни куриных яиц.
Журавль на соломенной
крыше
Упрятал клюв под крыло...
Я снова вижу и слышу
Мое родное село.

Книга

Есть в нашем доме книга,
Добрей которой нет.
В ней собрана вся мудрость
И грусть прожитых лет.
В ней — сказки и загадки.
И все семьсот страниц
Прикрыты переплетом
Задумчивых ресниц.
Твой дедушка, конечно,
На книгу непохож.
Но ты все это, мальчик,
В глазах его прочтешь.

Всегда верно

С рождения к слову мы чутки,
И скажет, наверное, всякий:
Собака привязана к будке,
А вовсе не будка — к собаке.
И просто не может быть
сказано,
Что к лошади стойло привязано.
Ведро привязали к колодцу,
А не колодец к ведру.
Но верным всегда остается:
К другу
Привязан
Друг.

Перевел с еврейского Г. САПГИР

Старые друзья

Стоял я у причала.
И плыл во мгле ненастной,
Попыхивая трубкой,
Кораблик коренастый.
— Послушайте,
кораблик,
Нельзя ли прикурить? —
И он остановился
Со мной поговорить.
И мы дымили трубками
У края волн зеленых,
Как два старинных друга,
Смоленых и соленых.

Красные лебеди

и голубые лошади

РАССКАЗ

Алена БОРИСОГЛЕБСКАЯ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА и Ю. КОРНЕЕВА

Мы не могли не подружиться. Мы одинаково любили проходные дворы, ломкий лед на весенних лужах, лоскуты резиновых шаров, из которых получаются домашней выделки пищалки, и многие другие вещи с точки зрения взрослого человека абсолютно ненужные. Дети, наверное, и дружат чаще, чем взрослые, потому, что мир этих замечательных вещей поистине бесконечен.

Кроме любви ко всему, что стучало, брызгало и свистело, у нас с Синельниковым была общая страсть с именем звонким и радостным «базар». Именно шумный, веселый базар, а не городской рынок, деловой и благопристойный.

Ни одна живая душа не подозревала об этом увлечении. И мы хранили нашу тайну, предчувствуя, какое недоумение вызвали бы у родных наши поездки на Преображенку.

Синельников появлялся у меня в воскресенье поутру, умытый и начищенный, в праздничной курточке с золотыми пуговицами. О таком внуке могла мечтать каждая бабушка. Моя не была исключением.

— Посмотри на Костю, — говорила она с восторгом и завистью. — Он всегда такой чистый!

И мне как залог аккуратности вручался носовой платок, пахнущий розовым маслом.

Потом бабушка отсчитывала нам копейки на мороженое — по ее мнению, вершину блаженства каждого нормального десятилетнего ребенка, и наше путешествие начиналось.

Нам скучновато было смотреть, как мигают огни в темноте туннелей, поэтому мы в метро не спускались, а ехали на нескольких трамваях и автобусах. Это было настоящее путешествие.

На окраинах тогда еще ходили деревянные трамваи. Под солнцем они нагревались и пахли железом и лесом. И одежда пропитывалась стойким запахом. Если бы Синельников хоть

Мне казалось, Костя эти картины не смотрел, нет, не любовался, он их пил.

раз вздумал поехать на Преображенку без меня, я бы это носом сразу учуяла. На поворотах вагоны мотались из стороны в сторону и недовольно поскрипывали.

Я сластена, и мое внимание всегда задерживалось на всех булочных и кондитерских. И до сих пор я ориентируюсь в Москве по этим маленьким магазинчикам. Самое обидное, что ничего купить мы не могли. Мелочи хватало только-только на дорогу.

От остановки до базара мы шли через площадь. Косте стыдно было держать девчонку за руку, но меня почему-то всегда интересовало, что происходит за моей спиной, и Костя боялся, как бы без него я не попала под машину. Поэтому он брал меня за два пальца и вел.

На другой стороне Костя прятал руку в карман, и некоторое время она была напряжена, как бы пристегнута к его боку, словно не могла забыть о своем недавнем позоре.

Интересно, почему нам бывает стыдно по самым нелепым поводам? Когда бабушка приделала веревочку к моим варежкам, чтобы я их не потеряла, я думала, что умру со стыда. Варежки болтались, как висячие уши, как дохлые рыбы на крючке... Правда, вскоре я потеряла варежки прямо с тесемкой. В общем, Костю я понимала.

На Преображенском базаре мы любили тот угол, где старички с личиками, уменьшающимися день ото дня, продавали веера из побитых молью страусовых перьев, хрустальные пульверизаторы без головок, помятые абажуры.

Тогда я усвоила, что у каждой вещи есть свой покупатель и своя стоимость, не надо только обольщаться и просить за свой товар больше того, что он стоит.

Старички были опытны. Наметанным глазом они по лицам определяли, что нужно человеку, забредшему на толкучку, и сколько он может

дать. На наших лицах большими буквами было написано, что мы ничего не купим. Но старички чувствовали наш неподдельный интерес и разрешали кое-что потрогать и даже подержать.

Костя любил блюда и лакированные чашки с ярко нарисованными людьми, деревьями и собаками, а я — птичьи клетки, покрытые полуистлевшей золотой краской. От них оставалась на пальцах тускло поблескивающая пыльца. И клетки старели на глазах. Но пусть они были ободраны, пусть погнуты, там мог бы жить говорящий попугай, которого у меня так никогда и не было.

Но не ради всего этого приходили мы сюда.

— Не заслоняй, не заслоняй! — покрикивала торговка.

Эта женщина была центром маленького мира толкучки, устойчивым и непоколебимым. Суетливые старички все время двигались в бесконечном хороводе, а она сидела на одном и том же месте. И забор, в который упиралась ее спина, скрипел густо и длинно. Большая, потная даже на морозе, она длинным рулоном подталкивала в спины старичков, которые закрывали подход к ее товару — картинам, сиявшим с забора.

Мне казалось, Костя на эти картины не смотрел, нет, не любовался, он их пил. Приоткрыв рот. Жадно. Большими глотками. Картины кричали с забора, они надрывались.

Лебедям было тесно на полотне. Казалось, разворотом крыльев они пытаются вырваться с холста. Унестись прочь от сутолоки и суеты. Деревья росли вольно и высоко. И верхушки их, как стрелы, были направлены в небо. Когда я смотрела на разноцветные картины, я чувствовала, как неведомая сила подхватывает меня. Хотелось бежать и до боли в плечах размахивать руками.

И трава там была вызывающе синей.

Художника, мужа тетки, мы тоже видели. Он был узкий, зябкий и перемазанный краской. Доносил рулоны до ворот и уходил.

— Стесняется продавать, — почему-то с гордостью говорила жена старичкам.

Старички конфузились, словно им самим было неловко толкаться здесь, и, спеша оправдаться, сердито говорили:

— Чего тут стесняться-то. Не краденое. Свое продает.

Вскоре Синельников тоже нарисовал лебедя. Тот летел, разбросав огромные красные крылья, а на земле под ним цвел розовый город.

— Почему он красный? — спросила я.

— Утро, солнце светит, — сказал Костя. — Вверху оно сильное а внизу слабее. Поэтому город розовый, а лебедь красный.

Я молчала, думала. Но представить себе красного лебедя в небе не могла при всем желании.

Тогда Костя поплевал на краски и нарисовал ярко-зеленую траву. И желтую луну.

— Если желтая луна светит на зеленую траву, что получается? — спросил Костя.

— Ночь, — сказала я не очень уверенно.

— Смотри. — И Костя смешал краски.

Из-под кисти, шелестя, выбивалась синяя трава. Прекрасная ночная синяя трава.

Правда, у нас в школе были уроки рисования, но, сколько я себя помню, мы рисовали одни кувшины и чашки. Мои кувшины могли бы существовать только при землетрясении, когда все качается из стороны в сторону. Наш учитель рисования Афанасий Афанасьевич твердой рукой выпрямлял мои кувшины, обводя рисунок жирным и четким контуром. Мне оставалось только аккуратно стереть все, что было нарисовано до этого, и наложить светотень. На одном из боков я рисовала много-много черных палочек, и светотень появлялась. А кувшин оставался почему-то плоским.

Целый урок Афанасий Афанасьевич, скучая, выпрямлял нашу «посуду». Не случайно старшеклассники прозвали его «Аф-Аф», что очень напоминало звук зевка. И вид у нашего учителя был очень задумчивый.

Имен наших он не признавал или не помнил. Класс делился на «мальчиков» и «девочек». Даже вызывая к доске, Афанасий Афанасьевич перед фамилией ухитрялся вставить «мальчика» или «девочку». Меня он запомнил как девочку Снегиреву.

Единственный человек, которого Афанасий Афанасьевич называл по имени, был Синельников. Наверное, потому, что Костины рисунки не надо было исправлять. И пока мы двигали ластиками, Синельников успевал поставить кувшин на спину кота или пустить по стенке чашки мотоциклиста, входящего в вираж. Афанасий Афанасьевич задумчиво тер нос и прятал Костины рисунки в свою папку с длинными веревочными ручками.

Честно говоря, я иногда завидовала Косте: мне тоже хотелось отдать свой рисунок в папку.

Когда Костя стал рисовать разноцветных птиц, я попыталась подражать ему, только мои птицы были тяжелы и толсты, как будто я делала их из теста, а потом еще выпекала в печи. Убедившись, что мастером мне не стать, я стала верным подмастерьем.

Ах, как я мешала краски на какой-нибудь старой газете с оборванными углами! Краски смешивались, текли по бумаге, оставляя замысловатые узоры. Сколько радости было во всех этих брызгах и кляксах! Радости, давно прошедшей и все же оставшейся во мне на всю жизнь.

А Костя рисовал всадников, карусели и хороводы — все то, что может существовать только в неустанном движении. И, конечно, лебедей. А в уголке рисунка как эмблему — луну или солнце.

На базар мы ходили по-прежнему. Все так же сидела на своем месте тетка, старички плыли по течению и вздрагивали картины на заборе, когда кто-то задевал его.

К лету мы собрали с Костей столько, сколько было нужно. Мы выбирали долго и придирчиво. Хотя нам нравилось все, денег хватило только на двух голубых лошадей, смотрящих в небо,

и женщину, что рядом с ними играла на большой балалайке.

Тетка, сидящая около забора, внимательно пересчитала наши деньги, отделила от измусоленных бумажек трешку и, вложив ее мне в руку, сказала:

— Яблочков моченых купи. Мне отойти нельзя.

Я сбегала в торговые ряды, принесла на капустном листе несколько остро пахнущих антоновок.

— Нате-ка грызите,— сказала тетка и, подавая нам пример, надкусила влажное, сочное яблоко.

Бабушка приучила меня не только к аккуратности и чистоте — она еще прививала мне хорошие манеры: «Воспитанные люди на улице не едят».

Я вонзила зубы в яблоко, и сладкий, обжигающий сок защекотал мне горло. Синельников не отставал. Сок затекал за обшлаг курточки, и Костя с удовольствием облизывал руку.

— Славные вы ребятишки,— сказала тетка,— с понятием. Я вас давно заприметила. Картинку-то берегите — теперь таких нет.

Мы хрупали яблоками и были с ней полностью согласны.

Картину мы повесили над Костиной кроватью. Мне показалось, что в комнате даже стало светлее. А через несколько часов я нашла картину во дворе. Кто-то грязными подошвами успел пройтись и по лошадям и по балалайке.

Когда я, ничего не понимая, с картиной под мышкой, пришла к Косте, он уже не плакал, но веки у него были набухшие и сморщенные. Костя сидел на большом черном стуле с резной черной спинкой.

Синельников-папа рассматривал рисунки сына, в беспорядке накиданные на столе, и лицо у него было плоским, как отмель.

— Ника,— сказал он жалобно, кивнув на то, что было у меня в руках,— зачем ты подобрала эту гадость? Неужели тебе тоже нравится?

Костин отец был хороший человек, он водил нас на «Синюю птицу» и летом ездил с нами купаться. Мне когда-то рассказали, что в воде живет страшное животное «волос», которое незаметно проникает в тело, доходит до сердца и пронзает его. Вместо того чтобы барахтаться в воде, я высматривала этого страшного «волоса». Юрий Петрович не пытался разубедить меня, он просто сажал меня себе на спину, и я плавала на нем, как на дельфине. И в один прекрасный день страх куда-то исчез.

Я любила Юрия Петровича Синельникова и не хотела обижать его, но что же было делать, если я считала нашу картину замечательной! И я сказала: «Да».

Тогда меня тоже посадили на черный стул посредине комнаты, и Юрий Петрович стал говорить. Он объяснял нам, что наше увлечение базарной роскошью — заблуждение, что красные лебеди — нелепость, а пруд под луной — мещанство. Он умолял нас не становиться мещанами, которые не умеют видеть прекрасное вокруг себя. Он утверждал, что с дурным вкусом надо бороться, как с болезнью.

Костя сидел, уставившись в пространство, а я слушала добрый голос Юрия Петровича и думала, где же нам теперь повесить нашу картину.

У меня дома была бабушка. И она очень любила абсолютный порядок. Мы даже чай пили из чашек, под которые подставлялось не одно, а два блюдечка, чтобы, не дай бог, не попортить горячим полированный стол. Нет, голубым лошадям было не место надо всей нашей полировкой и безукоризненно сверкающим паркетом. Они были слишком уличными и нарушили бы раз и навсегда заведенный в доме порядок.

— Надеюсь, теперь вы меня поняли? — Юрий Петрович собрал со стола рисунки и протянул их Косте: — На, выброси. Я не хочу, чтобы когда-нибудь при виде их тебе было стыдно вспомнить, как ты увлекался базаром.

Костя слез со стула, принес из кухни ведро и, скомкав, бросил туда все, что так недавно еще было жарко нарисованными людьми и птицами.

— Ну и прекрасно, а теперь предлагается чай с клубничным вареньем. Да, чуть не забыл. Ника зачем-то притащила это безобразие с помойки. Держи...

И он протянул мне большие, тяжелые ножницы. Когда мы с Костей были маленькими, эти ножницы заменяли нам пистолет — они так же громко и сухо щелкали. Костя вырвал у отца ножницы и бросил их на пол. Раздался выстрел.

И пока растерянный Юрий Петрович кричал, что мы не понимаем человеческого языка и что он применит к нам самые суровые меры, мы выбежали в подъезд и спрятали картину за батареей.

Особенно сурово нас не наказали. Просто по воскресеньям нас водили по музеям, так что на базар мы попадали реже, и Юрий Петрович спрятал все краски, кисти, цветные карандаши. До той поры, пока мы все не осознаем. А мы выпросили у маляров, которые ремонтировали соседний дом, банку с зеленой краской, и Костя рисовал прямо на асфальте. Я охраняла его и не разрешала никому наступать на рисунки, пока они не высохнут. Наш двор был проходным, и мы, наверное, всем мешали.

В те дни Костя очень часто изображал одно и то же: по полю бежит девчонка, над ней плывет лебедь. У Кости что-то не получалось. Он сердился, стряхивал на рисунок кисть. А мне было жалко: зеленая девчонка походила на меня. Да нет, обо мне он не думал, просто я все время была перед глазами. Живая модель с неровной челочкой и ногами-палочками. Мне хотелось сделать девчонку немного красивее. Во время войны во флигеле воздушной волной выбило все цветные стекла, и, хотя прошло уже несколько лет, цветных осколков было полно на газонах. Я подбирала эти кусочки и выкладывала ими платье девчонки.

Синельников-папа рассматривал рисунки сына, и лицо у него было плоским, как отмель.

Афанасий Афанасьевич со своей неизменной папкой в руках появился в нашем сквозном дворе, как и десятки других людей, вынырнув изпод темной арки. Он отодвинул меня в сторону, сказал: «Извини, девочка» — и пошел дальше.

Но потом, словно вспомнив что-то, обернулся и направился к Косте. Афанасий Афанасьевич опустился на корточки, взял из рук Кости кисть и зачеркнул круг солнца, который был впереди бегущей девчонки и лебедя. Подумал и перенес солнце им за спину. И тогда девочка побежала вперед быстрее и быстрее, замахал крыльями лебедь.

Они работали молча, без слов, передавая друг другу кисть. Асфальт покрывался рисунками.

Сидеть рядом с ними на корточках было неудобно: у меня заболела спина и затекли ноги. Я неловко отошла к скамейке, подождала, пока в ногах исчезнут иголки. Художники рисовали и рисовали. Им не было до меня никакого дела. И я почувствовала себя такой ненужной в пустоте большого двора. Потом увидела трубу, с которой однажды сорвалась и разбила голову. Потом чердак флигеля. Там я попала ступней в щель, растянула лодыжку и долгое время таскала за собой ногу. У черного хода меня укусила собака... Мне стало себя так жалко, что пришлось горлом задерживать плач.

Я пошла в подъезд и долго рылась за батареей. Не одни мы были такими догадливыми, что сделали тайник. Пока я вытаскивала картину, я нашла теннисные ракетки, начатую пачку сигарет и ключ. Наверное, еще что-нибудь там было...

Картина была серой и тусклой. Я почистила ее ладонью и вынесла во двор. Там я еще обмахнула картину рукавом и поставила ее на скамейке напротив Афанасия Афанасьевича и Кости.

А потом было вот что. Афанасий Афанасьевич поднял голову, положил кисть и выпрямился. Он смотрел на нашу картину удивленно, любовно и очень долго, и мне показалось, что он разглядел то, чего мы не смогли увидеть.

Я встала рядом с ним и тоже стала всматриваться.

Играла балалайка, а лошади танцевали, задрав головы кверху...

— А один хороший человек говорит, что это мещанство и базарная роскошь, — сказала я.

— Ты слушай свое сердце, девочка.

Я втянула воздух, закрыла глаза и, замерев, стала прислушиваться к себе. Было тихо.

— Сердцу нужны открытые глаза, Ника, — сказал Афанасий Афанасьевич.

Женщина на картине ударила по струнам, и еще громче, еще веселее стала музыка. И под эту музыку, под перезвон копыт мне хотелось закружиться, раскинув руки в стороны.

— Если ты не можешь стоять на месте, если тебе хочется смеяться и размахивать руками и тебе совершенно необходимо, чтобы то же чувствовали другие люди, значит, это настоящая картина. Даже если ты нашла ее на базаре, — сказал Афанасий Афанасьевич.

Костя стукнул меня под колено, и я невольно присела рядом с ним.

— Поняла? — наставительно сказал он.

Мне не понравилось, что Синельников строит из себя слишком умного. Я отвернулась и стала считать рисунки на асфальте. Их было много, и я сбилась. А когда я все пересчитала, Кости и учителя уже не было. Они забрали картину и ушли, забыв меня, папку и банку с краской. Я хотела их догнать. Выбежала на улицу. Никого. И тогда я вернулась обратно.

Наверное, было что-то гораздо более важное, чем я, Ника. Мне было грустно, но обида уже не примешивалась к этому странному чувству, которое наполняло меня легким и теплым воздухом.

Я спрятала банку, села, как верный пес, около папки и стала ждать.

Н. МОРДОВИНА

Встреча

Девчонка у речки
На камне сидела,
О чем-то грустила
И в воду глядела.
Была большеротая,
Щеки в веснушках,
В зелененьком платье —
Ну просто лягушка!
Я крикнул:
— Эй, ты!
Убирайся отсюда,
Лягушка-квакушка,
Зеленое чудо!
Она поднялась
И шагнула в сторонку —
Ни слова в ответ.
Вот смешная девчонка!
Ушла по тропинке,
А мне отчего-то
Вдруг стало купаться
Совсем неохота.
Зеленое платьице,
Щеки в веснушках...
Куда же ушла ты,
Царевна-лягушка?
...Сижу у реки
В непонятной обиде.
Ты девочку в платье зеленом
Не видел?

*

Т. КОТЕНЁВА

Полет

Если очень, очень захотеть,
Можно очень просто полететь.
Нужно выбежать во двор,
Перелезть через забор,
Нужно сесть в пустую кадку,
Вырулить на стартплощадку.
Загудеть, как быстрый «ТУ»...
И умчаться в высоту.

На лесных этажах

Когда лес становится светлым

Лес... Дружная, большая семья, где всему свое место — и высоким соснам, и низкому кустарнику, и тихому болотцу, и солнечной поляне, и птицам, и муравьям, и всяческим мошкам...

Семья эта разместилась на разных «этажах»: кто устроился под корнями деревьев, а кто поднялся вверх, к самому небу. И всех кормит и поит земля, только она дает всем силы.

Далеко в черную глубину уходят могучие корни деревьев и, как мощные насосы, гонят и гонят по высоким стволам соки земли — все вверх и вверх, к каждой ветке, к каждому зеленому листику.

Тем, кто послабее или помоложе — кустарникам, всей лесной поросли,— глубоко в землю корнями не проникнуть. Они держатся ближе к поверхности. Если хватает там воздуха и влаги — будут крепнуть молодые деревца, хорошее пополнение вырастет в лесу, и долго еще жить всей лесной семье.

Но не всегда так получается, и виной иным лесным бедам невольно оказываемся мы с вами — туристы, дачники, грибники, любители лесных прогулок. Об этом рассказали нам студенты-биологи МГУ. Уже не первый год студенческая дружина ведет исследовательскую работу по охране леса.

— Раньше думали, что туристы загрязняют лес, что главная опасность для леса — консервные банки и прочий мусор, брошенный под деревьями. Оказалось, не совсем так,— говорит руководитель экспедиции, аспирант Николай Марфенин.— От мусора лес оправится. Непоправимое происходит, когда землю под деревьями топчут сотни ног. Тогда почва, сбитая в жесткий, плотный слой, плохо пропускает воздух и воду. Задыхаются и гибнут корни растений, семена, молодые ростки и насекомые, живущие в почве. После нескольких лет непосильной «нагрузки» на почву лес меняет свой облик.

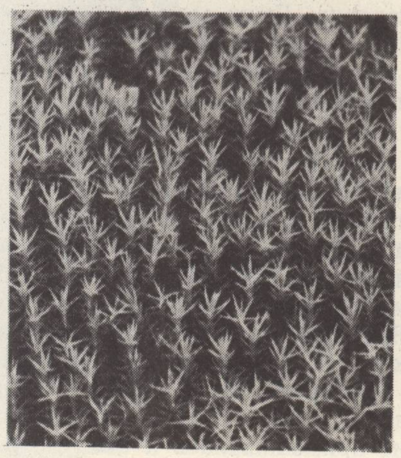
Многие радуются: лес такой светлый стал! А это плохо. Большие деревья стоят, а смены им нет — вот лес и просматривается теперь насквозь. Трава под деревьями высокая, густая. Тоже радоваться нечему: в лес проникает луг — сочные, высокие травы с крепкими корнями. Не пробиться сквозь траву слабым росткам лесных деревьев. И луг будет все наступать и наступать.

Студенты проводили подсчет в зонах отдыха под Москвой — там, где «нагрузка» на лес особенно велика. Выяснилось: когда по участку леса величиной примерно с гектар за час проходит человек пятнадцать, лес выстоит, почва не погибнет. Но бывали дни — воскресные и субботние,— когда «нагрузка» на почву возрастала в десять раз! Студенты горько шутили: лес теперь уже не лес, а футбольное поле с деревьями.

Как же быть? Лес нужен людям. Сейчас у всех больше свободного времени, и стар, и млад тянутся за город: подышать, побродить по лесу, порадоваться его могучей жизни. Но если раньше каждый с малых лет знал, что леса на земле много, хватит на всех и надолго, то сейчас мы уже не имеем права так думать.

От экватора до полярных стран

Густым покровом лежит мох на болоте.

Фотография А. ШУМАКОВА.

Где только не растут мхи: на ветвях и на коре деревьев, на камнях и на песке, в сыром лесу и на зеленом лугу... Мягким ковром лежит мох в сосновом бору, а в густом ельнике покрывает снизу стволы деревьев. О болотах и тундре говорить нечего — это поистине царство мхов. Мох пробрался даже туда, где, кроме него, вообще ничего не растет,— в Арктику, в Антарктиду. По наблюдениям ученых, тысячи видов этого растения расселились по всей земле от экватора до полярных стран.

Как же удалось мхам освоить и суровую тундру и тропические леса?

Мох — растение без корней. Его стебель заканчивается тончайши-

ми волосками — ризоидами. Они слабо проникают в почву и еле-еле тянут оттуда влагу и питательные вещества. Растение бы голодало, если бы не умело впитывать влагу всеми клетками стебля и листьев. Вот почему для мха не так уж важно, на какой почве расти, на плодородной или на истощенной. Он и на камне проживет, и на дереве, и на лесной хвойной подстилке. Надеяться на слабые ризоиды все равно не приходится, главное, был бы доступ к влаге стеблю и листьям. Мох, высохший до того, что шелестит под ногами, после дождя оживает, снова становится упругим.

Сырые, влажные леса умеренной зоны — вот где лиственным мхам (а их больше на свете, чем других видов) живется лучше всего. Но для леса появление некоторых мхов — сигнал гибели, весть о наступлении болот.

Все знают кукушкин лен. Он появляется в лесу, когда почва становится слишком влажной. Мох собирает, задерживает, накапливает влагу. И когда на смену кукушкину льну приходит другой род мха — сфагнум,— деревьям чахнуть. Сфагнум, подобно губке, может удержать влаги в двадцать пять раз больше, чем весит сам. Сначала он мягкими подушками лежит у деревьев, а потом смыкается в единый покров, не пропускающий в почву воздух. Корни деревьев дышат с трудом, в них замедляются все жизненные процессы, и через некоторое время они погибают.

Сложна лесная жизнь, друзья и враги здесь уживаются рядом, в чем-то помогают друг другу, в чем-то мешают...

Отправься и ты в ботаническую экспедицию. Собери мхи разных видов — их может быть в одном лесу несколько десятков. Составь гербарий для школы, заметь, где какой мох растет, какого мха больше, а какой редко встречается.

В заповедных липовых лесах

Вот уже много веков живут в уральских лесах дикие пчелы. Они не боятся холодов: привыкли к суровым уральским зимам. Зимуют в дуплах сосновых деревьев — бортнях, а летом за короткий срок, пока цветет липа, успевают собрать богатый взяток. Кто пробовал башкирский липовый мед, знает, а кто не пробовал, пусть нам поверит: лучше нет во всем мире!

Дикие обитатели башкирских лесов — большая ценность для пчеловодства. При скрещивании с одомашненными они передают им свои замечательные качества. И чтобы сохранить редкий вид, уберечь его от болезней и вредителей, нужно было прежде всего позаботиться об их родных лесах. А сосновым и липовым лесам в Башкирии некоторое время назад грозила опасность: их начали бесхозяйственно вырубать и как раз в тех местах, где ученые нашли особенно морозоустойчивых пчел. Было ясно: погибнут заповедные леса — погибнет и редкий вид пчел... Тогда-то в башкирских лесах был создан заповедник и принят закон об охране государством диких бортневых пчел.

В заповеднике (в честь его выпущен вот этот значок) для пчел настоящее приволье, и надо надеяться, что еще долгие годы не потеряют свой смысл слова, сказанные сто лет назад С. Т. Аксаковым о природе Башкирии:

«Свежи, зелены и могучи стоят твои черные леса, и рои диких пчел шумно населяют неукротимые борти твои, занося их душистым липовым медом...»

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ

Песни в пустыне

Сидят у костра туристы — сочиняют песни. Идут в маршрут геологи — складывают свои песни. Выбегают на сцену молодые актеры — поют песни о своем театре.

И пусть у этих песен рифма порой хромает, все равно они живут рядом с песнями, сложенными настоящими поэтами и композиторами. В их нескладных словах хранится особая теплота этой минуты твоей жизни, эта ночь и пламя этого костра, твои товарищи, с которыми ты сидел за партой или отшагал десятки километров.

Мы пригласили в редакцию авторов самодеятельных песен поэта В. Берестова и археолога Р. Садокова. Спеть свои песни они, конечно, не смогут, они расскажут о них, а значит, и о своей профессии и друзьях, о маршрутах и забавных историях, потому что все это вбирает в себя самодеятельная песня.

Слово — археологу и композитору многих археологических песен Рюрику Леонидовичу САДОКОВУ.

Рисунки П. ПАНЧЕНКО
Фотографии автора

Я еду в Хорезм

Тогда я не знал еще, что такое Хорезм, и Валя Берестов — тоже. А Юра Рапопорт знал. Он приехал, бородатый и мужественный, и сказал, что был в Хорезме «с экспедиционной целью». Мы завидовали его самостоятельности. Сами мы так и не решили, куда податься. А решать нужно было. Впереди маячило лето, и студенческий план предусматривал поездку в одну из археологических экспедиций.

И тут в университетском коридоре мне на глаза попалось объявление: по ярко-желтым песчаным буграм шагал синий верблюд, над ним полыхало малиновое солнце, а внизу скакали буквы: «Эге-гей, студенты! Не раздумывайте, не гадайте и не спорьте. Ноги в руки — и в Хорезм! Там нужны крепкие ребята. Запись в аудитории 28».

Я прикидываю свой вес, трогаю мускулы — любопытно: крепкий ли я? Потом воображаю, как в один прекрасный день, вооруженный археологическим ножом и лопатой, я откапываю древний город, нахожу в куче камней маленькую дверь, ведущую в сокровищницу, и за этой дверцей открываются несметные богатства: золотые мечи, причудливые кубки, тяжелые книги. Все это я тщательно очищу от вековой пыли, зарисую, опишу, сфотографирую. А потом синий верблюд повезет ящики с сокровищами через пустыню.

Очарованный видением, я нахожу аудиторию 28 и вместе с другими студентами слушаю человека с решительным лицом. Он рассказывает о пустыне, о засыпанных песком каналах, городах.

Песня и жару смягчает...

«Кто это?» — спрашиваю я. «Сергей Павлович Толстов, начальник экспедиции», — отвечает Юра. Мне нравятся загорелые руки Толстова, крепкая шея, вьющиеся, непокорные волосы.

— Вы студент? Курс? Фамилия? — нацеливается на меня Толстов ручкой с золотым пером. — В Хорезм ехать хотите?

Первая песня

Теперь я знаю, что такое Хорезм, и Валя Берестов — тоже. Не говоря уже о Юре Рапопорте. Знакомство с Хорезмом навсегда врезалось в мою память. И знаете, с чего оно началось? С песни.

Мы тряслись в старенькой полуторке, вертели головами, стараясь разглядеть и запомнить все вокруг, и слушали песню, которую с воодушевлением пели «старики», не раз побывавшие в Хорезме студенты:

В знойной пустыне чудные дыни,
Жизнь хороша и мила.
Слава пустыни, гордость пустыни —
Крепость Топрак-Кала!

Что за культура! Есть там скульптура,
Фрески там дивные есть.
Их обнаружить, снять, не разрушив, —
Это большая честь.

В зное и пыли мы заслужили
Эту великую честь.
Фрески, скульптура, фрески, скульптура,
Негде в машине сесть.

Слышали бы вы, как задорно и лихо пели «хорезмийцы»! Как отчаянно жестикулировали, выпевая: «Слава пустыни, гордость пустыни»... Правда, песня была своей только наполовину: слова сочинил Юра Рапопорт, а музыку позаимствовали из очень популярной тогда песни о трех мушкетерах. Но это нисколько не смущало «хорезмийцев», чувствовалось, что песня в машине не случайная гостья, что в ней любовь и гордость археологов за свою работу.

Так древний Хорезм и его жемчужина — трехбашенный дворец Топрак-Кала открылись нам сначала в песне, а потом над солончаковой равниной поднялись величественные развалины. Издали их можно было принять за груду скал, навороченных сказочным богатырем.

Мы вскарабкались на развалины дворца, прошлись по гулким глиняным комнатам, пальцами коснулись разноцветной штукатурки и увидели в раскопе позеленевший от времени медный наконечник стрелы.

Палатки в пустыне

Под громадой трехбашенного дворца — палатки. Они вытянулись в прямой, по-военному четкий ряд. В предутренний час сумеречную тишину спящего лагеря нарушает звонкий голос дежурного: «Подъем!»

У умывальников закипает веселая возня. Гремят кастрюли, кружки, полотняная столовая источает аромат кофе и говяжьей тушенки. Завтрак сытный: впереди шесть часов напряженной физической работы.

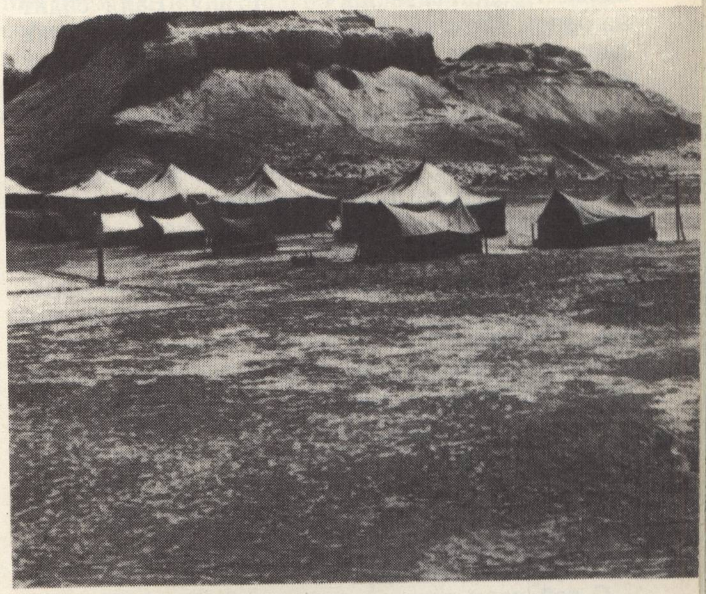
Дежурный смотрит на часы, и когда в транзисторах сыплется утренний звон курантов, он двигает на штурм отлетевших столетий сытые, бодрые полки.

У крайней палатки, защитив рукой глаза от солнца, стоит сам Сергей Павлович. С добродушной усмешкой сказочного дядьки Черномора провожает он своих богатырей.

Мы карабкаемся на двадцатипятиметровую глиняную высоту. В руках у нас археологические ножи, карандаши, полевые дневники и рулоны миллиметровки. Вот и раскопы. Прямоугольные и квадратные, узкие и широкие, глубокие и мелкие. В них еще прячется ночь, и они резко выделяются на освещенной утренним солнцем шершаво-глинистой поверхности бывшего дворца.

Когда-то здесь были жилые комнаты, залы, мастерские ремесленников. Теперь все это полуразвалилось, забито глиной, занесено песком. Немало труда нужно приложить, чтобы выбросить тысячелетний мусор, отыскать следы древних помещений, замерить их, нанести на архитектурный план, подробно описать находки. Вот и клубится над Топрак-Калой пыль, глухо падает выброшенная из раскопов тяжелая глина, повизгивают колеса тачек, да гудят под сильным ветром натянутые, словно струны, ленты рулеток.

И однажды... Разве кто-нибудь из нас забудет тот июльский день, когда под археологическим ножом сверкнула разноцветными красками древняя роспись! Краски были так свежи, так выпуклы, казалось, прямо на снежное поле наклеены куски разноцветного бархата. Потом открылись белые круглые лилии, потом

В лагере — никого, все на раскопках.

коричневые завитки, синие вздыбленные волны с плавающими в них рыбками, потом пошло непонятное: какие-то углы, пересекающиеся линии, что-то похожее на черные конские гривы.

Археологи отошли немного и поразились: на нас смотрела смеющаяся девушка с маленькой арфой в руках. Все мы сбежались полюбоваться незнакомкой, из сумасшедшей дали веков посылающей нам музыкальный привет. Нам захотелось откликнуться на этот немой привет, и вечером мы написали романс, который назвали «Грустный». Этот романс о быстротечности времени и вечности искусства мы всегда пели на самой большой дворцовой башне вечером, когда запад еще полыхал, а с востока надвигалась черная, лохматая ночь.

Чтоб рассказать о нашей находке, я должен был забежать в другое лето. Но как это было непохоже на мои детские мечты о сокровищнице!

С чего начинается песня

Всем было известно, что Валя Берестов сочиняет стихи. Юра Рапопорт тоже писал стихи. Я играл на аккордеоне и сочинял музыку. Однажды Юра прочел нам стихи, в которых были строчки:

Окончен день. Все отдыхает
От зноя, шума, суеты.
Лишь песни, песни не хватает
Среди блаженной темноты.

Валя подошел ко мне и сказал: «Давай сочиним песню». Я сказал: «Давай. А как?»

Мы не знали как. Мы дождались вечера, когда спал зной и отсутствие песни было особенно ощутимым. Мы ушли из лагеря и сели рядышком на песчаном бархане. Долго спорили, о чем должна быть наша песня. Ничего не получалось! Мы разошлись и сели на разные барханы. Представьте такую картину: Валя сидит на одном бархане, я на другом. У Вали в руках лист бумаги и карандаш, у меня на коленях старенький аккордеон. Мы охрипли от спора.

Когда семизвездный ковш Большой Медведицы опрокинулся и над притихшими песками понесся легкий, зябкий ветерок, со стороны лагеря донеслось оглушительное кукареканье. Худой, драчливый петух, прижившийся в экспедиции и целыми днями шатавшийся меж палаток, оповестил начало дня. «Подъем!» — услышали мы. И тут все разом встало на свои места. Конечно же, надо написать песню об утре, о том, как холодно на заре, о радости, с которой мы бросаемся в работу. И первый крик нарождавшегося утра стал первой строкой нашей песни: «Вот шесть часов утра. «Подъем!»... А мы поняли, что любой «кусочек» прожитой нами жизни может превратиться в песню.

Баллада о черной пантере

С той ночи прошло много лет. Мы сочинили не одну, не десять — около пятидесяти песен. В этих песнях — жизнь нашей экспедиции, каждый ее день, наши открытия, и победы, и маленькие, смешные происшествия, и друзья, с которыми мы делили зябкие утра и соленые дни.

Вот, например, Борис Васильевич Андрианов (для краткости мы называем его «Б. В.»), доктор наук. Пустыни Каракум и Кызылкум он знает как свои пять пальцев. Он ездит из тысячелетия в тысячелетие, как мы ходим из комнаты в комнату по своей квартире. Он носит очки и здорово играет в волейбол. У него широкий, добродушный нос и привычка называть вещи уменьшительно-ласкательными именами: «Сейчас мы сядем в автомобильчик, поедем во-он к тому кустику, поковыряем ножичком, авось, найдем древний горшочек».

Его специальность — каналы. Не современные, по которым, бурля и захлебываясь, несется шоколадная аму-дарьинская вода, а древние, невесть когда построенные. Каналов этих уйма. Неровной цепочкой растущих в них жестких кустиков они уходят в пустыню, теряются в песках. Борис Васильевич преследует каналы. Ему важно знать, где они начинаются, где кончаются, какую площадь орошали, почему высохли. Он страстно мечтает, чтоб по ним снова побежала вода, чтоб пустыня отступила и над барханами заскользили чайки. Вот почему он носится по пустыне, не зная усталости, наносит каналы на карту и за каждым поворотом дороги видит тайны, опасности и романтические приключения. Может быть, поэтому забавные истории происходят с ним чаще, чем с другими: он жаждет приключений. Об одной такой истории рассказывает песня «Баллада о черной пантере»:

Однажды вел Борис Василич Андрианов
В пустыню свой топографический отряд,
Их путь лежал в песках среди барханов,
Среди джейранов, среди варанов,
И напевал Борис Василич Андрианов:
«Друзья-топографы, нам нет пути назад!»

Но как-то раз Борис Василич Андрианов
Был удивительным виденьем поражен:
Пред ним лежала черная пантера,
Или химера, иль мегера.
И размышлял Борис Василич Андрианов:
«А может, это огнедышащий дракон?»

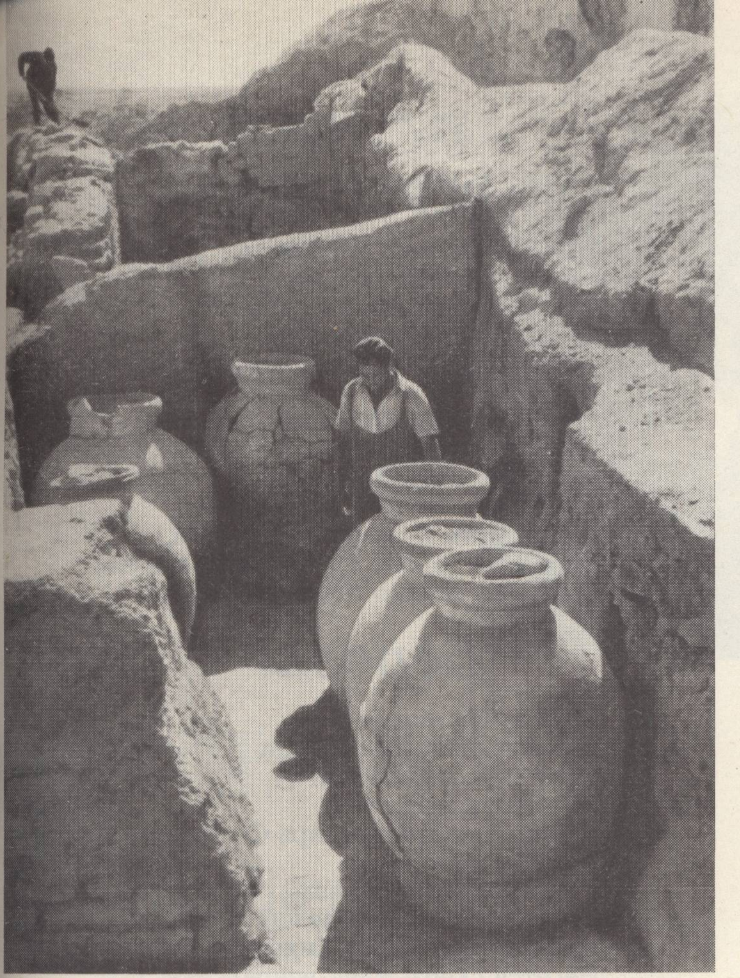
Вы, конечно, догадываетесь, что наш герой не отступил, и, может быть, даже догадываетесь, чем кончился его поединок с черной пантерой. Баллада длинная, но не могу же я прервать ее, не открыв секрета:

И вот сказал Борис Василич Андрианов:
«Дракон убит, друзья мои! Возьмите труп!»
Но то была не черная пантера,
И не химера, и не мегера,
В руках своих Борис Василич Андрианов
Держал смущенно простреленный тулуп...

«Там, где наш лежал маршрут»...

Нигде так хорошо не мечтается, как в пустыне. Сидишь на бархане, видишь на тысячелетия в глубь веков, заглядываешь на годы вперед, в будущее. Внизу, рассекая песчаную равнину, тянется сухое русло реки. Берега крутые, обрывистые, на дне поблескивают полоски соли. Кажется, вода перестала здесь течь только вчера. А на самом деле — несколько тысячелетий назад. Это Узбой — древнее русло Аму-Дарьи.

На берегах Узбоя мы нашли много селений, крепостей, следов полей. И мы страстно хотим, чтоб вода вернулась в эти места, чтоб зацвели садами берега Узбоя. Для этого мы и приехали сюда, для этого собираем обломки посуды, бусы, монеты, набиваем мозоли археологическим ножом. Всей нашей работой мы кричим, убеждаем: «Это не бесплодная местность, здесь жили люди — много людей! Это богатый край!» И о наших мечтах рассказывают песни.

Этой древней кладовой 1200 лет,
а мы ее откопали.

Гряды желтого песка да палящий зной.
Знаменитая река — солнечный Узбой.
В ней не плещется волна, зноем выжжена она,
Только соль блестит на солнце белизной.

Сколько вышек буровых в глубине песков!
Сколько светит кочевых ночью огоньков!
Здесь в беде не пропадешь,
Здесь всегда друзей найдешь —
Это жизнь твоих коснулась берегов.

Посреди материка лентой голубой
Будет вечно течь река — солнечный Узбой.
Там, где наш лежал маршрут,
Теплоходы поплывут,
И в глаза нам засверкает волн прибой.

Двадцать лет спустя

Недавно я плыл на белом теплоходе через Каракумы. Над каналом летали чайки, по берегам тянулись хлопковые поля. Маленькая туркменская девочка подошла ко мне и протянула «силяу» — подарок. Это была конфета «Каракум». Я развернул бумажку, по-братски разделил с ней сладкий шоколадный комочек и взглянул на обертку. Мимо крутых песчаных берегов текла синяя река, на берегу росли пальмы. А у воды стоял двугорбый верблюд. Синий. Я сразу вспомнил первое знакомство с Хорезмом, нашу экспедицию, песни. С тех пор прошло двадцать лет.

Валя Берестов теперь известный поэт и писатель. Юра Рапопорт стал ученым-историком. Недавно он подарил мне книгу, толстую и очень умную. Я, как и прежде, люблю музыку и археологию и написал несколько книг о музыкальной археологии. А Борис Васильевич Андрианов по-прежнему колесит по тысячелетиям и пустыням.

Но ни я, ни известный поэт Берестов, ни ученые Андрианов и Рапопорт не откажутся от наших самодеятельных песен, в общем, незатейливых и несовершенных. Мы поем их (и сейчас, как в юности, поем, когда собираемся вместе) — и перед нами встают громады Топрак-Калы, слышится шорох песка, оживают развалины древних городов и собираются товарищи по экспедиции.

Невозможно забыть песни, если вы сложили их с друзьями!

Весна в песках

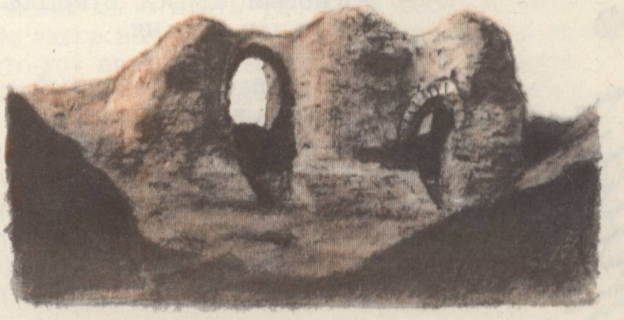
Валентин БЕРЕСТОВ

Ах, весна! Твоими чарами
Околдован наш отряд.
Черепахи ходят парами
И коробками гремят.

На барханчике —
тюльпанчики,
Не пески — цветущий луг,
Свищут суслики, тушканчики
Серенады для подруг.

Ураганы вместе с пылью
Ароматы к нам несут.
И бараны щиплют лилии,
И фиалку ест верблюд.

Но кончается приволье,
Зной великий настает.
Кустик перекати-поля
Из себя корзину вьет.

Журнал в журнале «Кораблик» печатает только тебя

НА ЭТОТ РАЗ НА БОРТУ «КОРАБЛИКА» — РЕБЯТА ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО КЛУБА МОСКОВСКОГО ДВОРЦА ПИОНЕРОВ.

Лена БОДРОВА — старый друг «Кораблика»: ее стихи были напечатаны у нас в 1969 году, в № 12. Лена тогда училась в 5-м классе. Теперь она перешла в восьмой.

* * *

Я чувствую, что выросла,
В самой себе я путаюсь.
Действительность
и вымыслы
В мои мечты закутались.
Сто смутных ощущений,
Волненья без причин
И новые значенья
Известных величин.
Грущу, над чем смеялась,
Смеюсь, над чем грустила,
И в строчках книжек
старых
Я новый смысл открыла.
Вчера или сегодня
Придумали врачи,
Что возраст переходный —
Причина всех причин.
А мне совсем не просто
Саму себя найти:
Ведь я еще подросток
И мне еще расти.

✻

Эти два стихотворения написал Женя ПЕРЕМЫШЛЕВ. Жене — 12 лет.

К ВЕРШИНАМ

Ледоруб стучит: «Наверх, вперед!»
Веревка врезается в руки,
Каждый шаг в висках отдает,
Но нам нипочем эти муки.
Нам лавров не надо, до пиков
дойти —
Вот цель нашей жизни высокой,
Но пики у нас пока впереди,
Светят звездой далекой.
С каждым метром короче путь,
В часе пути — напряженье века,
Но с этой дороги сумей не свернуть,
Лишь так можно стать человеком!

Березы

Березы, березы, березы,
Березовый лес без границ,
Тучи идут, как обозы,
Как отряд колесниц.
А вслед летит рыцарь-Солнце,
И на доспехи его
От этого белого леса
Ложится отсвет боевой.
А Солнце, как Дон Кихот,
Несется сквозь тучи вперед,
За ним Луна — Санчо Панса
Меж звездами бледный бредет.

✻

Стихи Саши ЛЕБЕДЕВА, семиклассника из 30-й школы.

* * *

Почему появляются птицы?
Потому что пустеет небо.
Для чего рождаются рыбы?
В волнах надо кому-то плескаться!
А к чему вырастают деревья?
Для того, чтобы солнце видеть.
Ну так что ж за резон в людях?
Нужно небо до метра измерить,
Укрепить надо бурные волны,
Для себя засверкать заставить
Золотое солнце.

✻

Ира СТРЕЛЬНИКОВА учится в 523-й школе, перешла в 8-й класс.

СТРЕКОЗА

Два брильянта многогранных —
Великанские глаза.
Из кристалликов стеклянных
Предо мною стрекоза.
Взгляд таинственный и странный
Неподвижен, как всегда,
Нежно-голубой, стеклянный,
Словно талая вода.

Вере ГАНЖОВОЙ 14 лет. Свою картину она назвала «Материнство».

Ариша ТЕМКИНА учится в школе № 75, перешла в 3-й класс. В литературном клубе она занимается первый год.

Вечер

Плывут облака
Над ручьем, над рекой,
Плывут и над морем и над горой,
Над океаном плывут облака...
Вот лодка, а в лодке два рыбака,
Вот рыбка — красавица моря...
А вдалеке закат.
Заснули все рыбы,
Заснули и волки,
Все
Кругом
Спят.

Стихотворение Маши ЖДАНОВОЙ, ученицы 4-го класса. Кто поместил озеро Байкал на Урале — сама Маша или Витька, «Кораблику» неизвестно. Но стихотворение всем понравилось, и мы не стали ничего в нем менять.

Витькин рассказ

Мне Витька успел рассказать,
Что был он на Байкале,
Что озеро это Байкал
Находится там, на Урале,
Что рыба большая ныряет,
Что коршун над нею летает,
Что волки свирепые воют
И песни поют рыбаки.
И с Витькой сижу я на камне
У крохотной нашей реки.

*

Андрей ЗЕНКОВ прислал на конкурс Дворца пионеров рассказ. Андрей перешел в 7-й класс, учится в 175-й школе.

КАК Я ПОЙМАЛ ЩУКУ

Прошлым летом я жил в деревне Кожино, на берегу Москвы-реки. Мы часто ходили на рыбалку. Однажды я со своим дедушкой пошел ловить рыбу на одно место, где, по словам рыбаков, ее можно было наловить немало.

Пришли. Устроились у самой воды, укутались потеплее (дело было к вечеру) и ждем. У дедушки — рыбка за рыбкой, а у меня — одна маленькая плотвичка. И вдруг подул ветер, поплавок поплыл в сторону и зашел в камыши. Хотел я вытащить удочку, да не тут-то было! На конце что-то как задергает, как заходит! Я сначала подумал, что это водоросль зацепилась и ее течением носит туда-сюда. Там это часто случалось. Но тут — всплеск, еще и еще. Стал я тихонько против течения вытягивать удочку к себе. А течение здесь быстрое — трудно! Подтянул я это «что-то» почти к самому берегу. Тут дедушка быстро встал, подбежал ко мне, ухватился за мою леску и подтянул этот предмет к берегу. И хвать его! Тут-то я и сообразил, что это рыба. Вытащил он эту рыбину и держит в руках. Смотрит и говорит: «Постой, да ведь это же щука!» Я тут чуть не подскочил от радости. Как-никак, а это моя первая в жизни щука!

УТИНЫЙ ДВОР

Владимир ВИШНЯКОВ
РАССКАЗ

Митька встретил щенка на Пятачке — большом круглом острове в самой середине болота, распухшего от талой воды. На болоте Митька как дома, все тропы знает.

Качается под Митькой огромная надутая подушка. Ее наволочка — сплетшиеся туго травы, а под ней бездонная вода колышется. Митька не боится. Он качается, большая поляна ходуном ходит, а ему забавно это.

Пес был маленький и вид имел жалкий: мокрая шерсть, облепленная тиной, не грела худого тельца. Увидев мальчика, щенок подбежал и прижался к его ногам, надеясь согреться. Митька присел, погладил голову щенка и свисающие лопухами длинные уши.

— Потерялся,— ласково сказал Митька.— Ах ты, шелковый! Ушастик!

Домой Митька нес щенка на руках. Тот вздрагивал иногда от сырого ветра, но ему уже было не страшно жить на свете.

Вокруг тянулись болота. Они у нас, под Гореловом, бесконечные: ровные лужайки зыбучих трясин, твердые острова, поросшие хилыми березами, глубокие озерки в ресницах камыша, а там, где копали когда-то торф,— бесконечные строчки канав, разделенные бровками, уже заросшими травой и кустами. В канавах вода, как крепкий чай,— бурая, но прозрачная, в ней живут темные окуни, горбатые и большие, с красными, как кровь, плавниками.

Развернулся багряный весенний вечер. Полнеба залил оглушительный закат и упал вниз, отразившись в раскованной вольной воде. Одуревшие от счастья лягушки то гомонили хором, а то вдруг замирали, прислушиваясь к тишине, и тогда слышно было, как блеют в небе взбудораженные бекасы, посвистывают крыльями стремительные чирки и тяжелые рыбы взволнованно плещутся в темной воде.

Другому болото — скука. А Митька всему рад. Тут ему театр с плясками журавлей, и музыка, и тонкое художество. Только смотри и слушай не дыша.

Присел отдохнуть на сухую кочку, мысли поплыли — не остановишь. Откуда здесь это болото и зачем оно? А почему птичьи перелеты бывают? Зачем утки с юга прилетают, если там хорошо и тепло всегда? Для чего возвращаются? Митька словно бы спрашивает у кого-то, а у кого, и сам не знает. Нет никого вокруг, только небо да земля, захлебнувшаяся водой. Да крошечный щенок, уснувший на руках. А в голове звенит и туманится, и клонит в сон от терпкого болотного духа.

Домой Митька пришел уже затемно и прямо отправился на сеновал спать. Под мышкой у него всю ночь вздрагивал щенок.

— Все-то ему по болотам шататься,— жаловалась наутро соседке Марья Петровна, мать Митьки, небольшая усталая женщина,

Рисунки А. БОРИСОВА

никогда не снимавшая с головы темного платка.— А что там, в болоте? Потонет еще, не дай бог.

— Любопытство имеет, значит,— утешила ее Степанида Сергеевна.— Не кори его, Марья. Это лучше, чем с мальчишками фулюганить. Может, он какой ученый станет.

— Ты насулишь! — усмехнулась польщенная Марья Петровна, вздохнув про себя, что нет у Митьки отца, погиб в войну, а без мужской руки трудно парню найти правильную дорогу в жизни.— Вчера вот собачонку притащил,— продолжала она, помолчав.— Нашел на болоте. На что она? Крохотная, уши до земли висят. Чудно глядеть.

— До земли, говоришь? — вдруг заинтересовался загородившийся газетой Михаил Ильич, муж Степаниды Сергеевны. Он был хороший плотник в колхозе, а в свободное время ходил на болота стрелять уток. — Вот как,— задумался он.— Нашел, говоришь... на болоте. И уши до земли?..

Он отложил газету, снял очки, протер их платком.

Женщины смотрели на него с недоумением.

— Глянуть надо,— заключил Михаил Ильич, устраивая дужки очков на маленькие мясистые уши.

*

— Не слушай ты его, Марья,— говорит дядя Миша раздосадованно.— У мальчишки какое соображение? Ведь я немалые деньги предлагаю. Ей-богу, немалые за крохотную-то собачонку. Вещь какую нужную купишь или пальто парню. На что тебе собачонка? Тьфу, да и только. Глядеть на нее? Сторожить она не станет, не та порода. Это ведь спаниель — охотничья собака. Вот ее к охотничьему делу и надо приспособить. Тут от нее будет толк. Ну сговорились, что ли?

Марья Петровна согласно кивала, а потом повернулась к Митьке, лежавшему животом на перилах крыльца.

— Как, Митюша? — спросила она.— Может, уступим? Все же деньги. Как скажешь?

Митька сошел с крыльца к щенку, угревшемуся на соломе возле сарая. Тот вскинул голову, чуть приподняв свои лопухи.

— Я сказал уже,— негромко произнес Митька.

— Пальто бы новое справили. А то в чем зимой ходить станешь?

— Или велосипед,— подмигнул дядя Миша.— Крутнешь педали — и катись, красуйся. Ну?..

— Не продам,— сказал Митька, присаживаясь рядом с псом.— Нет, дядя Миш, не продам. Другую собаку себе ищите. Вот так...

Мать развела руками. Она не могла и не хотела спорить с сыном, уважая в нем твердость и самостоятельность решений, пусть и не всегда ей понятных. В такие минуты она узнавала в нем отца, которого помнила каждый день, и умолкала, счастливая и печальная.

Сердито махнув рукой, пошел со двора дядя Миша. А Митька привалился спиной к нагретому солнцем сараю и спокойно улыбнулся, положив ладонь на шелковистую спину Ушастика.

Лето в наших краях быстро летит — только успевай считать дни, политые дождями, освеженные зябкими зорями, согретые неярким солнцем. Вот уже румянятся яблоки в садах, а там, глядишь, то один лист, покачиваясь, падет на траву, то другой.

Митька дня не пропускал, чтоб не побывать на болоте с лопоухим своим питомцем. Когда проходили они по селу, народ из окон смотрел. Ушастик-то в красавцы вышел, таких собак у нас еще не видали. Одна шерсть чего стоит — длинная, чистая, на солнце так волнами и играет, будто нити серебра вплетены в нее. Бежит, бывало, вразвалочку, трясет драгоценными своими лохмотьями. Ребятишки окружат его, гладят, по ушам треплют, а он каждому лапу дает — здоровается. Такой нрав не собачий: всем рад, всем улыбается.

За лето Ушастик окреп, раздался в груди, его короткие мощные лапы не знали устали, а уж плавать любил, как утка. Каждую камышинку он на болоте обнюхал, в каждый омуток заглянул, всякий кустик отметил по-своему, по-собачьи. Бывало, почуяв в травах наброды уток или куличков, подберется, как кошка, весь дрожа от нетерпения, замрет на мгновение, только обрубок хвоста вертится пропеллером, да вдруг кинется, и штопором вверх всхлопочет застигнутая в своем тайнике птица.

Мальчишки наши наперебой просились с Митькой в болота сходить, поглядеть, как

ищет Ушастик птиц в непролазных зарослях. Митьке не жалко, пусть смотрят. Ему и самому радостно, когда хвалят Ушастика. Иногда, чтоб уж окончательно поразить любопытных, он показывал им его лапы.

— Видишь, между пальцами перепонки? Специальная это порода, водяная.

— А уши зачем такие длинные?

— Для ныряния,— объяснил Митька.— Чтоб вода не заливала.

Опять приходил охотник дядя Миша, снова просил продать Ушастика и, получив отказ, даже пригрозил — намекнул этак прозрачно, что собаку ведь и украсть могут.

— Попробуйте,— сказал Митька.

Больше он ничего не сказал, но и в одном слове этом прозвучало что-то такое, от чего взрослый человек сразу осекся.

Наступил август, открылась охота. Множество народу съехалось к нашему болоту. Из деревень окрестных, из города. Еще накануне с вечера обложили они болото, запалили костры, и далеко за полночь неслись над селом шумные песни приезжих людей. Перед зарей затихли, а чуть рассвело, началась канонада.

В то утро Митька не выходил со двора. На болоте ведь жили его друзья — птицы, деревья, травы, и теперь при каждом выстреле, доносившемся оттуда, он вздрагивал, как от удара.

Послонявшись без толку по двору, он забрался на сеновал с книжкой, но вскоре отложил ее. Задремал от тепла и увидел сон. Будто он стоит на улице, а навстречу идет с охоты дядя Миша. В высоких сапогах, за плечами ружье, на поясе утки болтаются. Идет и хохочет чего-то. Митька приглядывается и видит: среди уток мотается мертвый Ушастик, только маленький, сам как утка.

Вскочил. Пошарил рукой — тут Ушастик, где ж ему быть.

— Мить!— раздалось во дворе.— А Мить!

Спрыгнул с сена и вышел во двор. У калитки стоял рыжий мальчишка, которого за маленький рост и безобидность называли Колюшкой.

— Пойдем, а Мить!— сказал Колюшка.

День уже вошел в силу, солнце стояло высоко, выстрелов не было слышно.

Вернулись в сумерках. Митька шел без рубашки. Он снял ее там, в болотах, чтобы сделать мешок. В мешке, примолкнув от тоски, сидела крупная утка.

Когда Ушастик, завертев по обыкновению хвостом, метнулся в заросли, Митька ожидал привычного хлопанья крыльев. Но камыши долго бурлили, пес с лаем гонял там кого-то. Потом появился, счастливый, с крупной уткой в зубах. Она была живая, только крыло подбито дробиной. Ушастик ничуть не помял ее, держал вежливо, мягко.

— Стреляют, а достать не могут,— возмущался Колюшка.— Зря губят. Отпустим?— спросил он, подняв на Митю красноватые, как бы рыжие глаза.

Митька покачал головой.

— Нет, Колюшка. Тут она пропадет. От лисицы или выдры или так пропадет.

Вечером Марья Петровна пошла к Степаниде Сергеевне.

— Мой-то утку принес,— рассказывала она.— Я-то, было, обрадовалась. Вот, говорю, жаркое будет славное. А он: что ты, мама, она ж раненая.

Степанида Сергеевна кивала головой. Михаил Ильич хмыкнул из-за газеты.

— Как ты думаешь, Степанида?— сказала Марья Петровна, вдруг призадумавшись.— А он не того, а? Не свихнулся малость?

— Сама ты, Марьюшка, того,— вздохнула Степанида Сергеевна.— Добрый он у тебя, сочувствие к живности имеет,— добавила она, взглянув на мужа, спрятанного за газетой.

— Это верно,— согласилась Марья Петровна.— Только чудно все же. Утку, значит, в сарай посадил и побежал к ветеринару. Упрошу, говорит, Андреича, пусть он ее полечит. Ну, что ты скажешь?

Но Степанида Сергеевна не могла тут ничего сказать. Она отошла к тумбочке, достала чистый платок и приложила его к глазам. Она была крупная, грузная женщина, не имеющая детей, и ее нетрудно было разжалобить.

— Ну-ну,— строго сказал Михаил Ильич, знавший за женой эту слабость.— Ты тут сырость не разводи. Еще чего!

Через неделю уток было уже штук десять. Они быстро привыкали к неволе и бродили по двору совсем как домашние, деловито покрякивая и хлюпая носами в лужицах. Предводительствовала ими та самая крупная кряква, которая первой поселилась на утином дворе.

— Настя, Настя,— позовет ее Колька.

И она идет к нему, переваливаясь, крякает и ест из рук.

Из дальних деревень приезжали охотники взглянуть на Митькин утиный двор. Посмотрят, покачают головами, пойдут, призадумавшись. Иногда появлялись даже экскурсии из окрестных школ. Митьку просили поделиться опытом, рассказать о себе, словно он был какой-то необыкновенный человек.

Митька выводил Ушастика, показывал.

— Он вот ловит. А мы лечим, кормим. На ферме зерна немножко берем, колхоз разрешил. Ветеринар Никифор Андреевич помогает, операции делает, если нужно. А мы с ребятами носим с болота разные водоросли, которые утки любят.

— Вы стремитесь сохранить фауну родного края, умножить его богатства?— спросила его какая-то молодая учительница.

— Не знаю,— усмехнулся Митька.— Жалко их...

Степанида Сергеевна умилялась и помогала иногда Марье Петровне, которой все же прибавилось на дворе хлопот, хотя ребята старались делать все сами. А дядя Миша только посмеивался из-за забора.

— Утка — птица дикая,— говорил он.— Ей воля нужна, а не курятник ваш. Вот в силу войдет — и поминай, как звали. Пустое это, без пользы.

— А нам и не надо пользы,— отвечал Митька.

*

Уткам все же тесновато было на дворе и скучно без воды. Решили перевести всю колонию на заброшенный, зарастающий пруд, укрывшийся в ельниках неподалеку, а на пруду организовать дежурство, чтобы уберечь уток от прохожих охотников и собак. Так и сделали. Дежурили у пруда по очереди то Митька, то Колюшка, помогали и другие.

Теперь уткам полное раздолье было, совсем как на воле: и вода и природный корм. А защита надежная, человеческая. Иногда они взлетали и делали круг-другой над деревней. Но возвращались неизменно на свой пруд.

Льдяно дохнул ноябрь, сдернул последний убор с деревьев, пригрозил морозом, по ночам, будто для пробы, накрывал стеклышками лесные лужи.

Митька вышел на дежурство еще затемно. Издали услышал, как по-особому возбужденно гомонили утки на пруду. Сверху, из сизого тумана сумерек, все время доносился упругий посвист крыльев проносящихся стай.

И светало, светало...

Митька присел на корточки у воды.

— Настя, Настя,— покликал негромко.

Степенная утка плывет к нему, жадно хватает из его ладони размоченный хлеб. И вот она уже в руках у Митьки.

Он помедлил с минуту, словно запоминал, какая она, и вдруг сильным движением метнул птицу в небо. Она развернулась, встала на крыло. За нею всшумела с воды вся стая и уверенно пошла над селом по большому кругу.

— Вот и все,— сказал Митька, глядя им вслед.

Он отошел к рощице, где поскуливал привязанный к березке Ушастик, и присел рядом с ним не то усталый, не то печальный. Поднял голову: стайка уток уходила в мглистую даль, к югу.

Зима была долгая, снежная...

*

— Митька, вставай, утки летят!

Вскочил, натянул штаны, накинул ватник, выбежал на крыльцо.

Солнце поднималось над лесом, большое, уже теплое. В синеве неба, высоко-высоко, медленно проплывали птицы, бесконечные косяки птиц.

Вдруг, отделившись, скользнула вниз небольшая стайка. Все ниже, ниже, вот уже над самыми хатами посвистывают быстрые крылья.

— Вернулись,— тихо радуется Митька. И ему почему-то кажется, что он уже давно-давно живет на свете.

В самодельном мешке сидела утка!..

НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

Искусственное сердце

Можно ли создать искусственное сердце? Может быть, этот вопрос покажется вам слишком смелым. На самом же деле такой аппарат уже есть и находится в лаборатории Института экспериментальной и клинической хирургии в Москве. Создан он учеными этого института под руководством лауреата Государственной премии профессора В. А. Шумакова.

Искусственное сердце даже внешне похоже на живое. Вместо сердечных желудочков — система специальных подвижных мембран, сердечную мышцу заменяют резиновые мешочки, сжимаемые воздухом. А синтетические сосуды, как артерии, доставляют сердцу кровь.

Аппарат успешно испытывается на животных. В будущем его предполагают использовать при операциях на сердце.

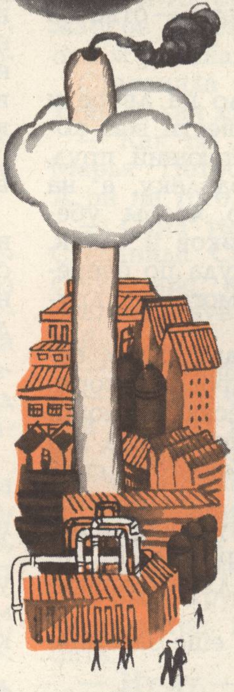
На реке Чемолган

Сель — это бушующий поток, который возникает на горных реках после сильных дождей или бурного таяния снегов. Страшной лавиной катится сель вниз по склону, неся в своих мутных водах огромные камни, глину, песок. Много бед и разрушений приносит он жителям Средней Азии.

Казахстанские ученые занялись изучением этого стихийного бедствия. В верховьях реки Чемолган строится необычная плотина. Она позволит ученым вызывать искусственный сель, регулируя с помощью затворов его силу.

Приборы, заранее установленные на пути грозного потока, измерят его силу, скорость, направление.

Старый-старый слон

В городе Азове при раскопке песчаного карьера нашли огромный скелет. Мамонт? Нет, животное более древнее — трогонтериевый слон.

Мамонт — предок нынешнего слона. А кто был до мамонта? Как раз то животное, чей скелет нашли в Азове. Этот старый слон — он жил 400 тысяч лет назад — оказался гигантским даже по сравнению с мамонтом: выше пяти метров! Никому

еще не удавалось до сих пор найти целый скелет этого великана с бивнями, попадались только отдельные кости.

В Ленинграде, в Зоологическом институте АН СССР, скелет восстанавливает палеонтолог В. Е. Гарутт.

* *

Труба-дирижабль

Никакому заводу без трубы не обойтись. Но чтобы меньше было вреда людям, надо строить высокую трубу, а это очень дорого, часто не дешевле самого завода.

Советский ученый И. Л. Варшавский предложил трубу-дирижабль, которая сама поднимается до облаков, если на земле ее наполнить газом. В середине — сквозное отверстие, по которому дым уходит вверх. Такую трубу можно перевозить с места на место.

На воду и на снег

Начато проектирование самолета, у которого вместо шасси будет воздушная подушка. Самолет сможет садиться на лед и мягкую почву, на воду и снег.

Новенький электромобиль

«Научный телеграф» уже сообщал, что конструкторы в разных странах работают над новыми машинами, которые не будут отравлять воздух выхлопными газами. Вот одна из них — новенький электромобиль, созданный калининградскими инженерами. Двухместная машина может проехать без перезарядки аккумуляторов сто километров. Скорость шестьдесят километров в час.

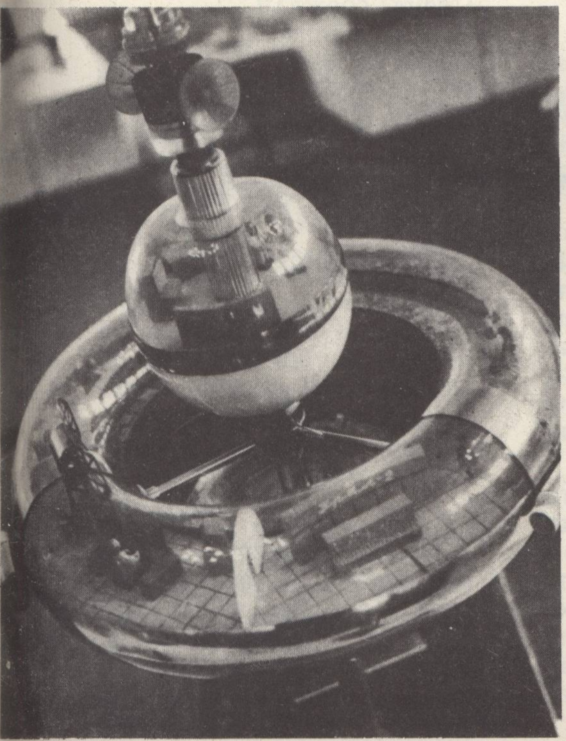
Под морским дном

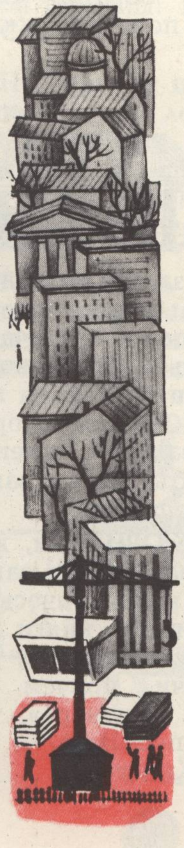
В Японии начато строительство железнодорожного туннеля под морским дном. Он соединит самый большой остров Хонсю с северным островом Хоккайдо. Туннель длиною в пятьдесят четыре километра пройдет под морским дном на стометровой глубине.

Спасаясь от пожара

В Индии, в штате Ассам, бушевал лесной пожар. Он выгнал из лесу многих зверей. Среди них люди увидели очень редких: карликового кабана и жесткошерстного зайца.

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА

Зоэ — десятая планета

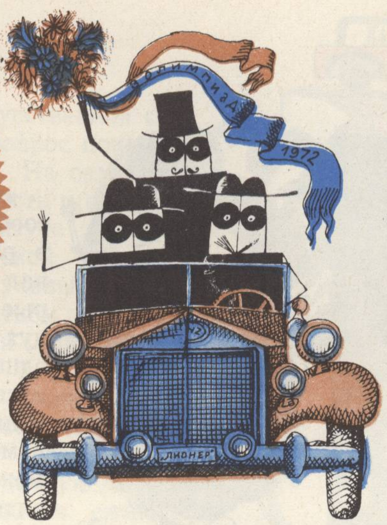
Между Меркурием и Солнцем есть еще одна небольшая планета, утверждают некоторые астрономы. Ученые дали этой планете имя «Зоэ» — жизнь. Сказать по правде, никто из них ее не видел. Почему же ученые решили, что она существует? Оказывается, что-то нарушает движение Меркурия. Вот и предположили, что, возможно, его сбивает с пути притяжение Зоэ.

Космонавтам понравилось

Эта модель орбитальной станции была на ВДНХ среди тех, которые особенно понравились нашим космонавтам. Сделали ее ребята из города Каменска. Модель действующая — станция вращается вокруг своей оси. Ребята так рассчитали скорость вращения, чтобы на станции создавалась искусственная сила тяжести и людям было легче работать. На станции установлена ЭВМ, причальные устройства для прибывающих космических кораблей.

В. СОЗИНОВ.
Фото автора.

ТРЕТЬЯ ОЛИМПИАДА ТРЕХ НЕИЗВЕСТНЫХ ЗАКОНЧИЛАСЬ!!!

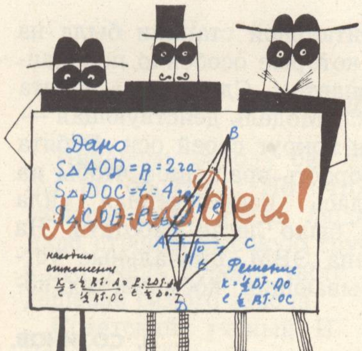
Рисунки Б. КЫШТЫМОВА

Жюри поздравляет всех участников Олимпиады!!!

Всех? Да, всех. Даже тот, кто не стал победителем, познакомился на Олимпиаде с серьезной математикой, много часов решал задачи и записывал свои решения. А главное, поработал самостоятельно. В каждом письме, адресованном Неизвестным, была решена хотя бы одна задача, значит, каждый одержал хотя бы небольшую, но важную для себя победу в математике!

«Я очень прошу, проверьте, поставьте за каждую задачку оценку, перечеркните, что неправильно, и отошлите мне тетрадь»,— пишет Олег Киршон из Киевской области. Мы, конечно, ответим всем и каждому вернем его работу.

СОВЕТ ЖЮРИ: обязательно посмотрите № 4 «Пионера», разберите наши решения, решения других ребят и сравните их со своими.

«Лягушата» снова впереди

Большинство участников этой Олимпиады — «лягушата». На этот раз вместе с ребятами из младших классов в «Лягушатнике» барахтались и те, кто постарше. Они впервые решили попробовать свои силы в математике и начали с задач для «лягушат». Очень хорошо! Стесняться тут нечего, задачи Олимпиады «Лягушатника» были не из легких. Многие ребята получат обратно свои тетрадки с пометкой жюри «Молодец».

Приятно отметить

Впервые за три года жюри с удовольствием отмечает: **больше половины участников третьей Олимпиады серьезно интересуются математикой.** Об этом говорит подход к задачам, умение подробно объяснить и записать свое решение.

СОВЕТ ЖЮРИ (тем, кто еще этого не сделал): заниматься в математическом кружке, читать книги по математике и, конечно, решать задачи, причем не только из «Пионера», но тем, кто постарше, и из журнала «Квант».

Учимся на ошибках

ГЛАВНЫЕ НЕУДАЧИ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ

«Сбежали цифры» и **«Снова сбежали цифры».** Многие нашли только один ответ в первой задаче. Кое-кто ухитрился подсчитать, что 27х3 будет... 71 или 91, кое-кто забыл, что целые числа никогда не начинаются с 0 (мы пишем 1972, а не 001972).

Марина Калашникова (4-й класс, Краснодар) даже написала стихи об этих задачах:

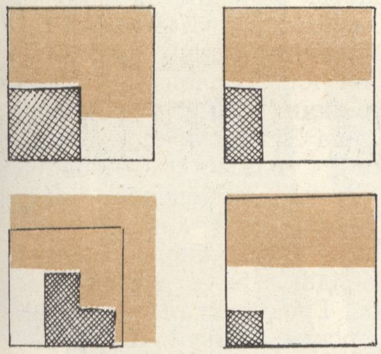
Цифры сбежали,
Но я их нашла,
Снова на место
Их привела.
Люблю я сбежавшие
цифры искать.
Прошу вас почаще
их присылать.

Постараемся!

«Из двух один». Некоторые ребята почему-то разреза́ли квадрат не на три части, а на четыре и даже не по пунктирным линиям. Есть много способов разрезать квадрат, вот ка-

кие предлагает победитель Олимпиады «Лягушатника» Коля Куликовский (4-й класс, Москва).

«Что на конце», «Что останется у Зета». Кое-кто из ребят не знает даже, чем отличается множитель от слагаемого. Многие решили, что в задаче идет речь о числе 777х666, на конце которого 2 (в условии 777^{666}). В этой задаче правильный ответ не говорит еще о верности решения, а неправильный — о существенных ошибках. Некоторые рассматривали 7^6, а это число оканчивается на 9, как и 777^{666}. Правильный ответ здесь получен случайно, так как все степени числа 777 оканчиваются на 7, 9, 3, 1, 7, 9, 3, 1... Повторяется группа из 4 цифр, а 660 делится на 4 (проверьте, что 777^{555} кончается тройкой, а 7^5 кончается семеркой). Другие ребята выписывали последние цифры всех произведений, начиная с 777х777, получали ряд 9, 3, 1, 7, 9, 3, 1, 7... и находили 666-й член этого ряда 3. Эти ребята нашли правильный подход, но допустили небольшую ошибку, и потому ответ неверен. Вот и попробуй установить, правильно человек решил или нет, если он написал одну фразу: «На конце 9».

Сергей Янушкевич (4-й класс, г. Днепропетровск) проделал огромную работу: выполнил 665 умножений, но где-то ошибся, и у него получилось 5. Узнав наше решение, он увидит, как много труда может сберечь хорошая идея. Кстати, о решении похожих задач рассказано в «Пионере» № 1 за этот год.

Четвероклассник Олег Никитюк из Бийска и другие заметили, что для нескольких первых простых чисел Р произведение всех чисел от 1 до Р—1 при делении на Р дает остаток Р—1 (в задаче «Что останется у Зета» Р=23). А победитель наших Олимпиад Аня Ластовецкая (7-й класс, Алма-Ата) доказала это утверждение (которое математики называют теоремой Вильсона) для всех простых Р. Харьковский семиклассник Александр Блох сумел сформулировать более общий результат: «Если n — натуральное число, большее 1, то произведение всех натуральных чисел, меньших n и взаимно простых с n, дает при делении на n остаток n—1». Но его доказательство неполное: теорема неверна при n=12, но справедлива и верна при n=2 (2m+1), где m — натуральное число. И все же Сашин результат с учетом нашей поправки очень интересен. Жюри не знало такой теоремы! **Поздравляем Сашу!**

«Не отрывая пера от бумаги» — самая легкая задача. Попробуйте теперь начертить ту же фигуру, если две вершины квадрата соединены диагональю.

«Как добыть молоко». Многие нашли только одно решение из трех. А кое-кто прислал даже шесть (!) решений! Эти ребята не потрудились проверить правильность сложения, не обратили внимания, что в задаче разные буквы заменены одной и той же цифрой.

«Делим плоскость». Некоторые считали, что у плоскости есть границы. Запомните все: плоскость безгранична, ни окружность, ни другая линия ее не ограничивают. Многие не считали частью плоскости то, что лежит вне четырехугольников. Иногда ставили два номера на той части, что входит в оба четырехугольника, и ни одного на той, что ни в один не входит. Кое-кто называл четырехугольником вот такие странные фигуры. Напоминаем: четырехугольник — это четырехзвенная замкнутая ломаная, себя не пересекающая; звено — отрезок прямой линии.

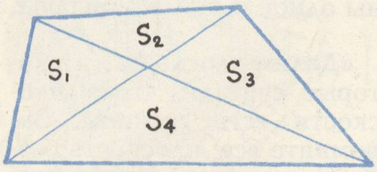

«Кто найдет «буер». В апрельском номере не напечатан третий ответ: «буер»=8 632. Жюри особенно понравилось изящное (хотя и не совсем полное) решение победителя всех Олимпиад Трех Неизвестных семиклассника Сергея Коршунова (г. Монино).

«Что общего». Эта шуточная задача не учитывалась при подведении итогов.

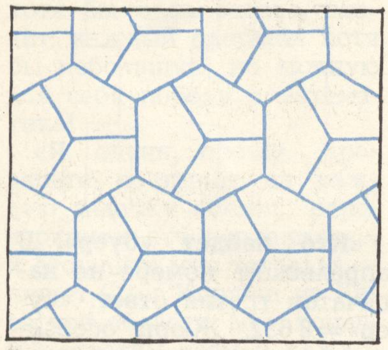
«Поле неизвестности». Кое-кто попал в «ловушку»: «Первые три участка имеют площади 2, 4, 6 га, значит, четвертый — 8 га». Некоторые считали, что четвертая площадь равна одной из данных в условии. Других подвела «геометрическая очевидность»:

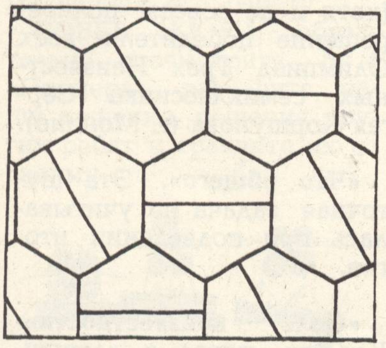
они сделали чертеж и решили, что $S_1=2$, $S_2=4$, $S_3=6$, и нашли S_4. А если $S_2=2$?!

«Помогите директору». Кое-кто думал, что плоскость можно замостить правильными пятиугольниками. Но ведь у таких пятиугольников углы по 108°, из них нельзя сложить 360°. Некоторые рисуют пятиугольник и говорят: «Можно замостить». А как, не объясняют. Иные забывают, что пятиугольники выпуклые. Или то, что все плитки одинаковы.

Есть много способов замостить плоскость. Вот решения Игоря Нивина (6-й класс, г. Екабпилс).

«Много ли их». Большинство ребят приводили примеры искомых многоугольников, но не доказывали, что других решений нет. А кое-кто не считал многоугольниками треугольники.

«Раздели и докажи». Многие догадались о связи между числом частей плоскости и количеством точек пересечения сторон шестиугольников, но лишь немногие сумели доказать это.

«Тихо капает вода». Некоторые ребята даже не поняли условий, а ведь такие задачи разбирались в «Пионере» № 9 1971 года!

Спасибо всем, кто прислал нам свои задачи! Только учтите: одних условий недостаточно, нужно подробное решение и указание, откуда вы узнали про задачу. То, что уже где-то было напечатано, повторять не стоит.

ОСОБЕННО ПОНРАВИЛИСЬ ЖЮРИ

Кроме тех работ, которые мы уже назвали, жюри понравились еще очень многие. Просим не обижаться, что не смогли напечатать в журнале имена всех победителей: слишком велик список (около двухсот фамилий!). По мнению жюри, важнее было рассказать о том, как решаются задачи...

Единственный из всех участников Олимпиады восьмиклассник Федор Смирнов (Москва) **решил все задачи.**

Из работ, присланных на **Олимпиаду Трех Неизвестных,** особенно понравились жюри решения Саши Гончарова (6-й кл., Никополь), Виктора Непоклонова (7-й кл., Москва), Ивана Панина (6-й кл., Апатиты), Бориса Соломяки (6-й кл., Ленинград), Михаила Чеповецкого (6-й кл., Ленинград), Игоря Золотухина (7-й кл., Ленинград), Саши Оркина (8-й кл., Ленинград), Андрея Мучника (7-й кл., Москва).

А вот ребята, которые не только стали **победителями среди «лягушат»,** но **еще решили много задач из Олимпиады Трех Неизвестных:** Юра Циммерман (4-й кл., Липецк), Коля Великороссов (4-й кл., Конаково), Людмила Килевин (4-й кл., Гродненская область, Довнарская школа), Оля Шарапова (4-й кл., Ташкент), Марк Кнеллер (5-й кл., Горловка), Игорь Гришин (5-й кл., Псков), Саша Эппель (5-й кл., Горький), Владик Тамбовцев (5-й кл., Куйбышев), Олег Окунев (5-й кл., Казань), Галя Рыбачонок, Сабина Желдак, Галя Казак (6-й кл., Гродненская обл., Довнарская школа), Боря Рабинский (6-й кл., Киев), Владимир Маслов (п/о Колтуши, Ленинградская обл.).

Решили все задачи «Лягушатника»: Саша Разборов (2-й кл., Люберцы), Саша Мирлин (3-й кл., Ленинград), Костя Кожухин (3-й кл., Новосибирск), Эдик Киселев (3-й кл., Обнинск), Саша Седаш (3-й кл., Воронеж), Олег Токарев (4-й кл., Люберцы), Галя Шерстнева (4-й кл., р. п. Большеречье, Омская область), Станислав Гринкевич (4-й кл., Орел), группа ребят из 5-го кл. «Г» школы № 77 (с. Толгоболь, Ярославская обл.), Аня Бородина (5-й кл., Волгоградская обл., х. Беспалово), Галя Любасова (5-й кл., Белгородская обл., с. Скородное), Саша Малышев (6-й кл., пос. Курагино, Красноярский край), Таня Семченко (6-й кл., Вильнюс).

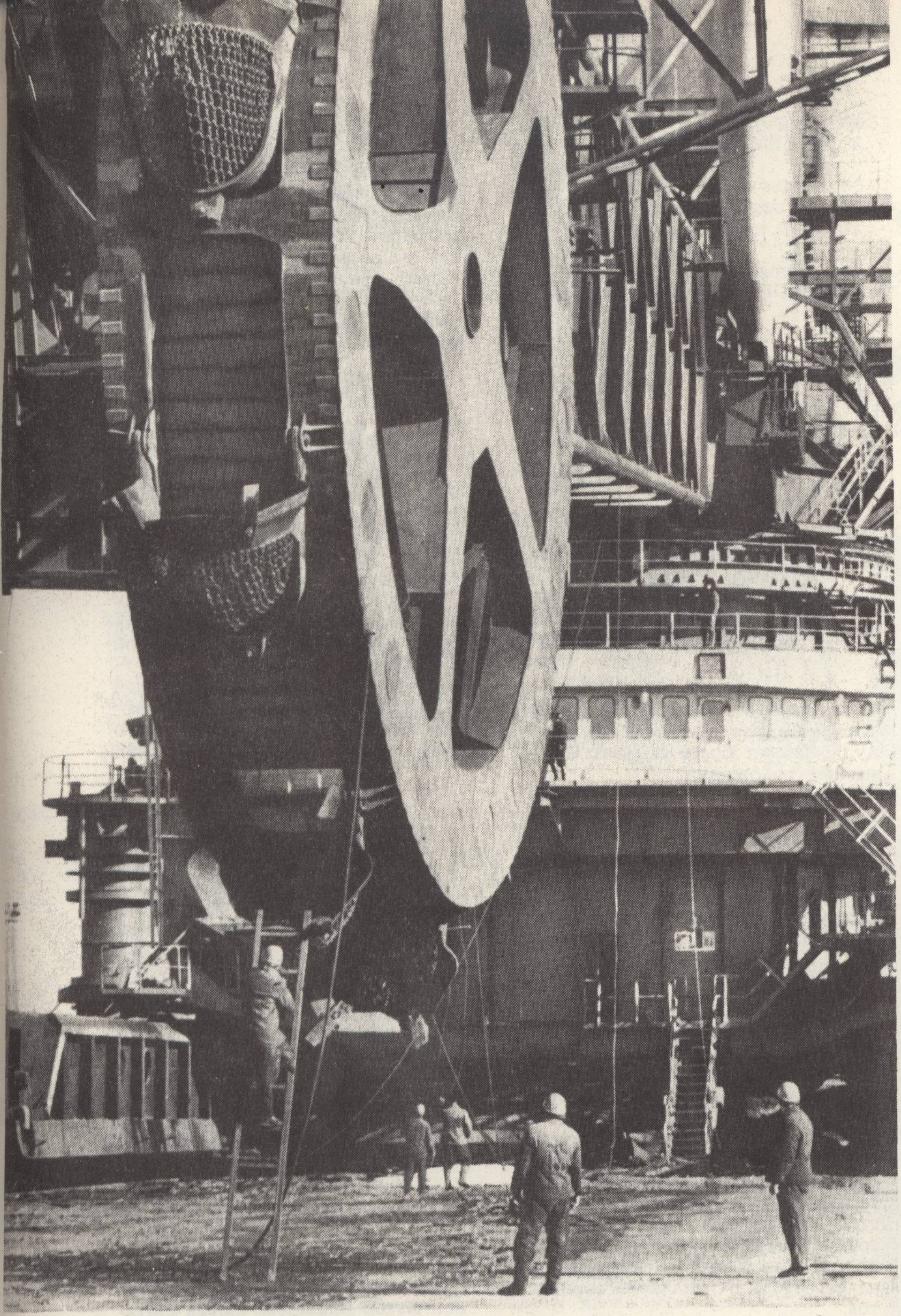
Эти и многие другие ребята получат, как всегда, Наградные листы Трех Неизвестных и книги по математике.

Впереди — Четвертая Олимпиада!

Приглашаем всех на наши тренировки, они начнутся в сентябре

По поручению жюри Трех Неизвестных А. ОРЛОВ.

Там, где была Запорожская Сечь

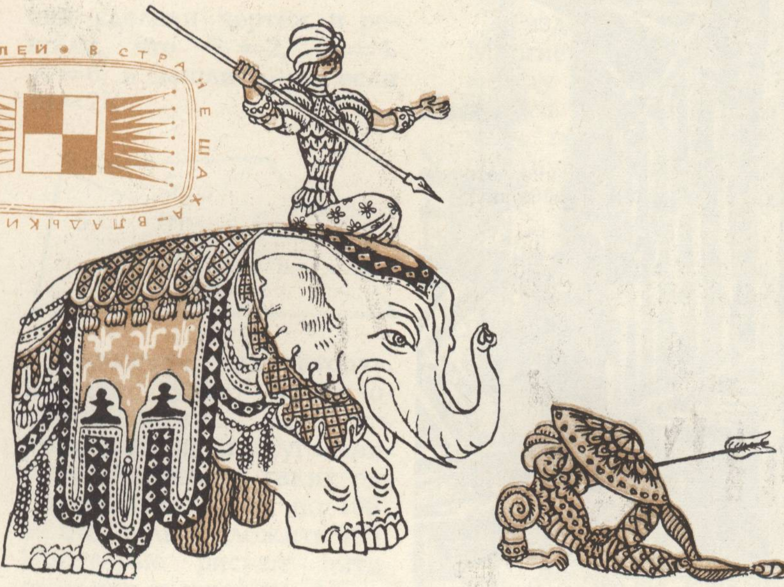
Фотография В. КРУГЛИКОВА

Четыре столетия назад за порогами Днепра, на лесистом острове Томаковка, основалась казачья вольница — Запорожская Сечь. Сегодня в этих местах — Каховское море и новый город Марганец на берегу. А степь, где гуляли лихие казаки, наполнена гулом могучих моторов. Экскаваторы, шагающие и роторные, подобно гигантским роботам, разрывают землю, чтобы на семидесятиметровой глубине, под глинами и песками, достать главное богатство степи — пласт марганцевой руды. Самое крупное в мире месторождение марганца находится здесь...

Чтобы получить первосортную сталь с новыми свойствами, ее легируют — добавляют при выплавке тот или иной металл. Сталь, легированная марганцем, имеет такой запас прочности и такую твердость, что ей буквально износу нет. Понятно, почему металлурги с каждым годом требуют все больше и больше марганца.

В Приднепровской степи его стали добывать открытым способом: это вдвое дешевле и втрое быстрее, чем добывать руду под землей. А разве сравнишь работу в руднике и работу под открытым небом, в кабине могучего механического землекопа! И все стало возможным потому, что появились на свет эти умные, добрые силачи. На нашем снимке вы видите один из них. Это роторный комплекс, изготовлен он на знаменитом Новокраматорском машиностроительном заводе. До семи тысяч кубометров вынимает он за час — целую гору!

В стране шахмат — владыки черных и белых полей

Шахматистка «Каисса»

Московские ученые научили играть в шахматы электронно-вычислительную машину (ЭВМ). Они дали машине имя сказочной богини, покровительницы шахматного искусства,—«Каисса». И вот «Каисса» вступила в бой с любителями шахмат, читателями газеты «Комсомольская правда».

ЭВМ очень старается. Вот, например, после ходов 1. e2—e4 c7—c5 2. Kb1—c3 Kb8 — c6 «Каисса» исследовала больше полумиллиона позиций (на это ушло 40 минут) и, наконец, сделала простой ход 3. Kg1—f3.

Неужели в шахматах так много вариантов, что уже на третьем ходу возникает более полумиллиона разных положений?

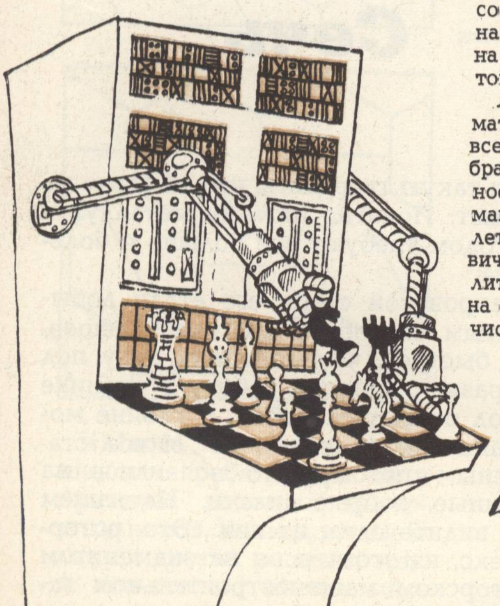
Приведем простой подсчет. Белые могут на первом ходу избрать 16 продолжений пешками и 4 конями. Черные располагают такими же возможностями, на втором ходу у белых 28, а у черных 29 возможностей. На третьем у белых — 30 продолжений, а у черных — 31 ответный ход.

При первом же ходе на доске возникает 400 (20x20) разных вариантов. Дальнейшие пять ходов тоже будут иметь по 20 разветвлений, а затем количество разветвлений после каждого хода возрастет до 30.

Если правилами игры в каком-либо положении допускается двадцать ходов и ЭВМ нужно рассчитать на два хода вперед (с каждой стороны), то число возможностей составит 160 тысяч, а при расчете на три хода вперед машина должна перебрать 64 миллиона вариантов.

А как же играет человек? Шахматист, конечно, не рассчитывает все варианты подряд, он сразу отбрасывает второстепенное, ненужное, человек мыслит творчески, а машина, как справедливо сказал летчик-космонавт Виталий Иванович Севастьянов, «творчески мыслить не умеет, по крайней мере на современном этапе развития вычислительной техники».

Ученые создают специальную программу для ЭВМ. Дело это трудное, и пока еще «Каисса» играет не очень сильно. Но «Каисса» не единственная шахматистка среди машин. Есть у нее немало коллег в различных городах. Есть у наших машин и соперники за рубежом. Недавно советские ЭВМ выиграли шахматный матч у американских.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ

«Кибернетика» XVIII века

Неужели ЭВМ были двести лет назад? Нет, конечно. Но и в ту пору в шахматы играли автоматы. Это были остроумно сконструированные механизмы, внутри которых прятался человек.

Вот как выглядел первый автомат Кемпелена (описание взято из книги профессора Галле, изданной в 1790 году):

«Статуя игрока в рост средней величины человеческой одета турком, сидит на стуле у комода, трех футов с половиной длиной, двух

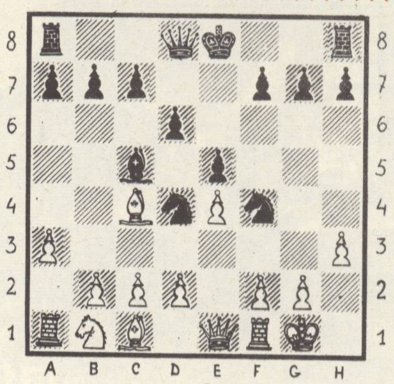

Диаграмма № 1

футов шириной и двух с половиной футов вышиною. Перед статуей положена шахматная доска наравне с поверхностью комода».

Шахматисты, игравшие с автоматом, делали ход на доске, а под каждой ее клеткой находились магниты. На маленькой доске, скрытой в кукле, где сидел человек, эти ходы повторялись. При помощи скрытых внутри рычажков человек передвигал руку куклы и делал свой ответный ход.

Вот и вся «кибернетика».

Проигранное сражение

Император Франции Наполеон был большим любителем шахмат. В 1809 году он сразился с шахмат-

ным автоматом. Битва эта происходила в Шенбруннском дворце, близ Вены, и великий полководец был разбит по всем правилам шахматной стратегии. Вот эта партия:

1. e2—e4 e7—e5 2. Фd1—f3 Кb8—c6 3. Сf1—c4.

Наполеон вскоре убедится в том, что нападение и в шахматах должно быть тщательно подготовлено.

3... Кg8—f6 4. Кg1—e2 Сf8—c5 5. a2—a3.

Император играет слабо, он теряет много времени на ненужные ходы (диаграмма № 1).

5... d7—d6 6. 0—0 Сc8—g4 7. Фf3—d3 Кf6—h5 8. h2—h3 Сg4 : e2 9. Фd3 : e2 Кh5—f4 10. Фe2—e1 Кc6—d4.

Используя ошибки Наполеона, автомат получил возможность атаковать.

11. Сc4—b3 Кf4 : h3 + (Еще сильнее было 11... Фg5!) 12. Крg1—h2 (или 12. gh Кf3+) 12... Фd8—h4 13. g3—g3 Кd4—f3+ 14. Крh2—g2 Кf3 : e1 + 15. Λf1 : e1 Фh4—g4, и через несколько ходов Наполеон признал себя побежденным.

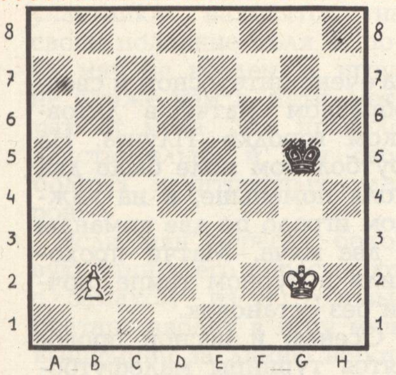

Диаграмма № 2

Ученица инженера Бутенко

Вернемся, однако, к нашим дням, к электронно-вычислительным машинам. Среди них, как мы уже говорили, немало шахматистов. Обучение машин шахматам ведут экс-чемпион мира, доктор технических наук М. Ботвинник и ряд других ученых. Быстро совершенствуется машина, которую обучает инженер вычислительного центра в Новосибирске В. Бутенко.

Вы можете спросить: зачем учить ЭВМ шахматам? Для того, чтобы познать тайну человеческого мышления. Новосибирская машина уже неплохо играет эндшпиль (диаграмма № 2).

Сможете ли вы выиграть в этом положении? А ЭВМ, ученица инженера Бутенко, за четырнадцать секунд нашла правильный путь к победе.

Не торопитесь, ваша задача не опередить машину (да это у вас и не получится), а найти правильный план выигрыша.

Пришлите нам решение этой позиции. Она включена в конкурс Пешкина.

Сложное в простом

Вот еще одна конкурсная позиция. На первый взгляд она совсем простая, но не спешите с выводами. Попробуйте отыскать продолжение, обеспечивающее белым победу при их ходе (диаграмма № 3).

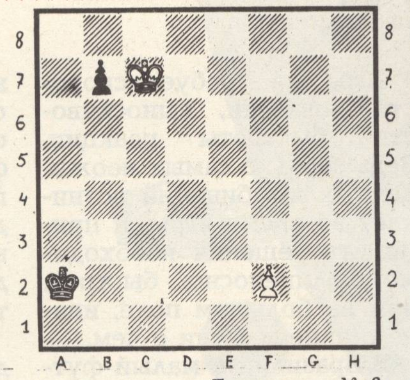

Диаграмма № 3

И, наконец, еще одна конкурсная задача, необычная. Вам предстоит показать не только знание шахматных правил, но и математическую смекалку. Вот она.

На пустой доске расставьте пять ферзей так, чтобы они держали под ударом все 64 поля.

5 и 64! Удастся ли вам справиться с этой задачей? Ждем ваших писем, друзья!

Пешкин ставит пятерки

Помните задачу, которая открыла конкурс Пешкина (журнал № 2)? Вот все девять ее решений. Задача на вертикали «а» решается ходом 1. Ф—d7+, b—1. Λd8; c—1. Крb2; d—1. Λ : d6+; e—1 Ф : e7 f—1. Λ : f8; g—1. Сd1; h—1. Λg2.

Девятая задача по седьмой горизонтали решается ходом 1. Фc5. За решение этой задачи Пешкин поставил пятерку многим ребятам. Среди отличников **Миша Волков** из города Глазова, **Боря Полехин** (г. Таганрог), **Валерий Ступаков** из села Шигали Татарской АССР, **Андрей Квитченко** (г. Кумертау), **Александр Борисов** (г. Мытищи), **Аня Лукина** из села Корытенка Орловской области, **Толя Иванов** (г. Чебоксары), **Вася Козырев** (г. Нелидово), **Володя Григорьев** (г. Новокузнецк).

Владимир ЛИСИЧКИН

Хочу погоду заказать

— Алло! Алло!
Бюро прогнозов?
Хочу погоду
Заказать.
Сегодня я
Хочу под солнцем
С детьми своими
Погулять!
Алло! Алло!
Вас плохо слышно...
Благодарю вас,
Солнце вышло!..
— Алло! Алло!
Бюро прогнозов?
Мне нужен дождик —
Сад полить...
Вы говорите —
Невозможно?
Но ведь цветы
Не смогут жить!
Накажут вас
За произвол!..
Благодарю вас.
Дождь пошел!..
— Алло! Алло!
Какой осел
Устроил так,
Что дождь пошел?!
— Алло! Алло!
Какой чудак
Устроил в небе
Кавардак?!
— Алло! Алло!
Вы обещали...
— Алло! Алло!
Вы говорили...
— Алло! Алло!
Вы не сдержали...
— Алло! Алло!
Вы изменили...
Звонят,
Звонят
И день
И ночь,
А мы
Стараемся
Помочь!

МАЛЫЙ ФУТБОЛ — чудесная игра!

Игра эта требует скорости, ловкости, выносливости, быстроты реакции. Ведь сколько самых неожиданных комбинаций возникает во время игры, и принимать решения необходимо молниеносно, быстрее, чем на большом поле, иначе останешься ни с чем.

В Бразилии в малый футбол играют, по-моему, все мальчики, до одного. И, наверно, поэтому тамошние взрослые футболисты так блестяще владеют мячом.

У нас малый футбол тоже не новинка. Давно играют в эту игру в Прибалтике. Я как-то присутствовал на очень интересном и своеобразном матче в литовском городке Плунга. На футбольном поле было два поля поменьше, и на каждом играло по две команды в два мяча. Матчи проходили в бурном темпе, почти без остановок.

Осенью и весной проводятся турниры малофутболистов на теннисных кортах в Баку.

Устраиваются и международные турниры. Недавно в одном из них, в Австрии, участвовали наши взрослые футболисты, чемпионы СССР — динамовцы Киева.

Размер поля (метры)	Состав команды, возраст игроков, время игры.		
	10–12 лет 40 минут	13–15 лет 50 минут	16–18 лет 60 минут
15×30	4–5 чел.	4 чел.	4 чел.
20×40	5–6 чел.	5 чел.	5 чел.
25×50	6–7 чел.	5–6 чел.	5 чел.
30×60	7–8 чел.	6–7 чел.	6 чел.
35×65	8 чел.	7–8 чел.	7 чел.

Примечание.
Игра состоит из двух равных «таймов» с десятиминутным перерывом после каждой. Мальчики 10–13 лет играют облегченным мячом, лучше всего волейбольным.

Где играть в малый футбол?

На любом ровном месте. Площадку можно построить своими силами. Размеры ее показаны на рисунках. Ворота тоже нетрудно сделать, а можно воспользоваться и хоккейными и воротами для ручного мяча.

Как играть?

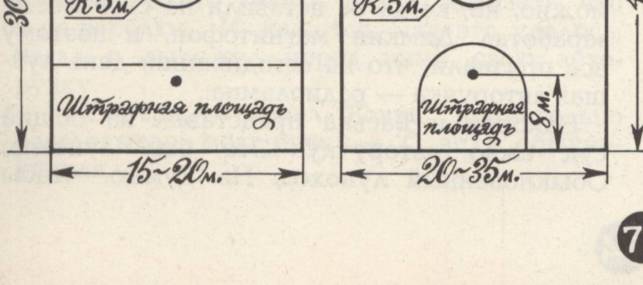
Правила игры такие же, как в футболе, правда, несколько упрощенные (отменены правило «вне игры» и угловые удары).

Перед началом игры все участники находятся на своей половине поля и, пока мяч не введен в игру, не ближе чем в пяти метрах от мяча. Это правило действительно и для свободных и штрафных ударов.

Если мяч пересек боковую линию, его вбрасывают с замахом из-за головы. Вратарь вводит в игру мяч, вышедший за линию ворот, только руками.

Пенальти бьют с восьмиметровой отметки.

Заменять игроков во время матча можно в любом количестве (как в баскетболе и хоккее), когда игра остановлена судьей, и обязательно игроками, записанными в протокол.

Судит матч судья в поле, но без помощников. Я думаю, что судей можно подобрать из юных футболистов, хорошо знающих правила футбола.

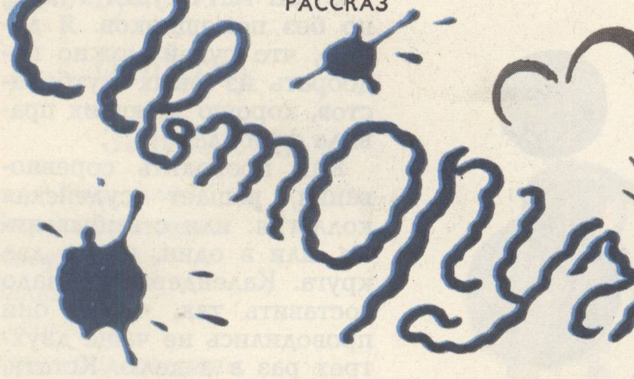
Как проводить соревнования, решает судейская коллегия: или с выбыванием, или в один, или в два круга. Календарь игр надо составить так, чтобы они проводились не чаще двухтрех раз в неделю. Кстати, мне хочется напомнить вам, ребята, что малый, как и большой, футбол — игра коллективная и каждый играет за себя и за свою команду.

В игре надс быть смелым, но не грубым. Учитесь уважать противника, беспрекословно выполняйте требования судьи, соблюдайте все правила.

М. РОЗИН,
заслуженный тренер РСФСР.
Рисунки Б. ГУРЕВИЧА.

Григорий ГОЛЛЕНДЕР

РАССКАЗ

В первый день после каникул Димка приволок в школу какую-то потрясающую авторучку. Сначала мы подумали, что это обыкновенное гусиное перо. Но потом оказалось, что в него вставлен стержень от шариковой авторучки.

Димка время от времени вынимал перо из-за уха и небрежно почесывал им в волосах.

На переменке возле Димки собрался весь класс. Каждый хотел хоть немножко пописать необыкновенной авторучкой.

— Ну ты даешь! — восхищенно верещала Маринка, выводя Димкиным пером немыслимые загогулины.

— Пушкин! — многозначительно заметил начитанный Сашка.

— Эдисон! — подтвердила Оленька, выхватывая у Сашки гусиную ручку.

Я посмотрел на Ваську, который, насупившись, стоял в стороне. Все знали, что Эдисон у нас Васька, а не Димка, который уже два месяца не может починить свой магнитофон. Естественно, Васька не выдержал такого святотатства.

— Подумаешь! — безразлично сказал он.— Да я могу сто штук таких ручек сделать. У моей бабушки в деревне, знаете, сколько гусей? И корова есть.

— А причем здесь корова? — ехидно спросил Димка. И все засмеялись.

Васька что-то пытался доказать, но этой коровой он явно испортил все дело. Тем более, что у него не только гусей и коровы, но даже и бабушки не было.

И Васька затосковал. Даже Нина Ивановна заметила и спросила меня, не заболел ли Васька. Я ответил, что очень даже может быть, а там кто его знает. Не мог же я вдаваться в подробности... Уж кто-кто, а я-то знал, что Васька теперь не успокоится, пока не переплюнет Димку.

Тем временем Сашка принес в школу гвоздь. Солидный, сантиметров двадцать. И хотя гвоздь тоже оказался ручкой, против Димкиного пера он не тянул. Однако Сашка вдруг снял башмак и забил гвоздь по самую шляпку в парту. Гвоздь извлекли из парты, и он продолжал писать.

Но Сашкина слава продержалась недолго. Маринка принесла такую штуковину, что все мальчишки только ахнули. Она была сделана в виде кинжала. Шариковый стержень помещался внутри лезвия. Одной стороной кинжала можно было точить карандаши, другой шинковать капусту, а рукояткой открывать консервы. Писать такой ручкой было не очень удобно, но все-таки это была вещь.

Маринкин кинжал окончательно сразил Ваську.

— Что ж это такое? — жаловался он мне.— Уже девчонки начинают приносить шедевры.

— Ну чего ты волнуешься? — успокаивал я. — Пусть приносят!

— Могут подумать, что мы ни бум-бум,— волновался Васька.

— Пусть думают. Чего ты волнуешься?!

Но Васька не мог успокоиться. Тем более что теперь каждый день кто-нибудь приносил что-нибудь потрясающее. Вокруг каждой новой ручки возникали соревнования на сообразительность. Необходимо было догадаться, как она пишет и что еще можно совершать с ее помощью.

За какие-то две недели в классе появились авторучки в виде ключа, свечи, скорострельной винтовки, контрабаса, ферзя, радиолампы, отбойного молотка и Останкинской телебашни. Отбойным молотком вполне можно было рубить уголь, но писать довольно затруднительно.

Радиолампой вообще писать было невозможно, но, когда ее вставили на свое место, заработал Димкин магнитофон, и поэтому все признали, что на сегодняшний день лучшая авторучка — радиолампа.

Наконец и Васька представил на общий суд свою авторучку. Это был луноход. Обыкновенный луноход. Не думаю, чтобы

он был намного сложнее того, который сейчас находится на Луне.

Все сгрудились вокруг технического шедевра. Где Васька его достал или как сделал, даже я не знаю. Но аппарат мог передвигаться вперед, назад, в стороны, разворачиваться, обходить препятствия, бурить скважины, брать пробы почвы и атмосферы и делать их химический анализ.

— А как же он пишет? — спросила Анечка, зачарованно глядя, как аппарат выделывает свои фокусы. Действительно, для всех это было загадкой.

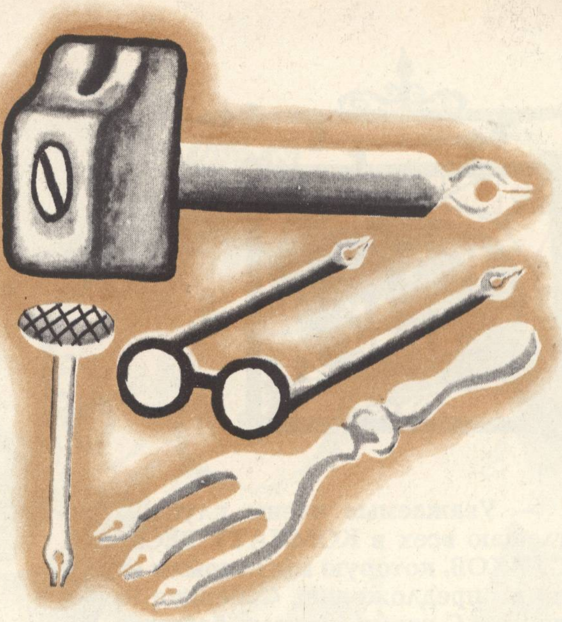
— Очень просто,— деловито пояснил Васька и нажал на какую-то кнопку. Из лунохода вывалилось что-то вроде плуга, на острие которого едва различимо виднелся шарик. Автомат двинулся вперед, оставляя за собой тонкую ровную линию.

Луноход произвел на всех невообразимое впечатление. Ваське было немедленно воз-

вращено доброе имя Эдисона. Я тоже радовался вместе со всеми, но постепенно стал ощущать какое-то беспокойство. Прошло совсем немного времени, и я понял, в чем дело. Сорок пар глаз выжидательно уставились на меня. Я сделал вид, что не понимаю, чего от меня хотят. Но не тут-то было. Теперь я все время ощущал на себе косые взгляды, которые как бы говорили: «Ты остался один. Даже девчонки продемонстрировали свои авторучки. Теперь твоя очередь. Или ты на самом деле ни бум-бум?» Я уже слышал за спиной ехидное хихиканье, и мне даже показалось, что Анечка, показывая на меня, покрутила пальцем около виска. Надо было что-то делать, как-то доказать, что я не верблюд. И, кажется, мне это удалось, когда я выложил перед ними свою авторучку.

— Смотри,— сказал Вовик, внимательно разглядывая мою ручку.— С виду обыкновенная.

— Простота гениальных конструкций,— решил Димка.

— Может, это пульверизатор? — спросила Анечка.

— Сама ты пульверизатор,— воскликнул Коля.— Это счетчик Гейгера для измерения радиоактивности.

Я пока помалкивал, давая возможность каждому высказаться.

— Может быть, это транзисторный приемник? — предположила Марина.

— Понял! — заорал кто-то.— Это же лазер.

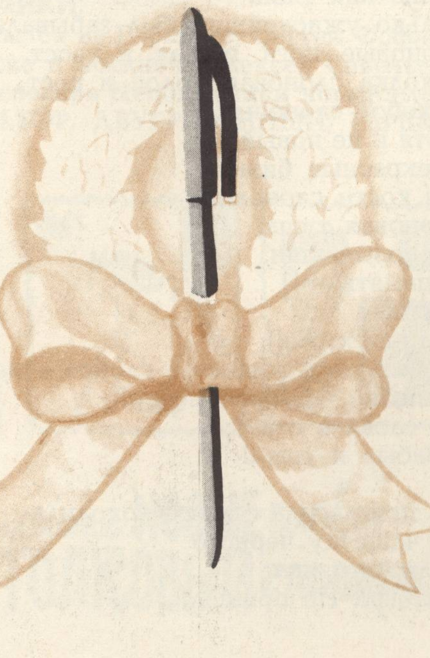
— Ладно, сдаемся,— сказал наконец Васька.— Объясни, что за штуковину ты принес?

— Пожалуйста,— произнес я.— Это шариковая авторучка. Цена тридцать восемь коп.

— Сам вижу, что ручка,— обиделся Васька.— А что этой ручкой еще можно делать?

— Этой ручкой можно делать только одно: писать!

И чтобы не быть голословным, я взял авторучку и описал эту историю.

Рисунки В. СМИРНИЦКОГО

— Уважаемые члены клуба! Приглашаю всех в КОМНАТУ ВЕСЕЛЫХ СТИХОВ, которую мы открыли недавно по предложению Соберики-Разберики.— С этими словами бабушка Белобока распахнула дверь и ахнула: — Что это такое?

— Это

Слон Топотало

— Откуда он взялся?

— Из книжки польского писателя ЮЛИАНА ТУВИМА,— объяснила Соберика-Разберика.— Я надеюсь, этот симпатичный и немного рассеянный слон понравится нашим читателям.

Жил себе слон.
Огромный, как слон!
Звали его
Пан Ян Топотало.
Выглядел слон
Точно как слон,
Только ужаснейший был забывала:
Слоновые ноги, и шея, и хвост,
Походка слоновая, голос и рост,
И хобот слоновый
(Хотя и не новый),
Прекрасные бивни
(Из кости слоновой),
Слоновая туша,
Слоновые уши,
А память —
Куриная
(Если не хуже!).
Позвал сослуживцев — слонов — на обед.
Пришли: — Добрый вечер!
Ни слова в ответ:
Забыл и ушел!

Его пригласила семья Крокодила
На чашечку черного
Нильского ила:
Забыл! Не пришел!

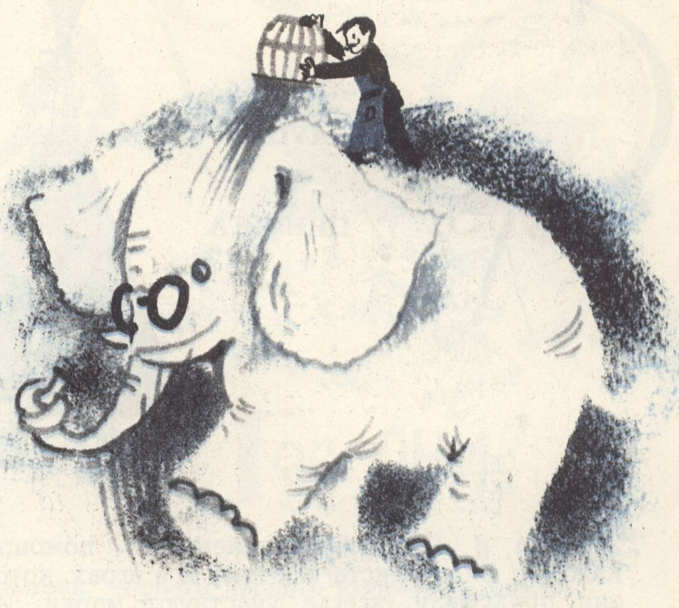
Любил поиграть он
С дочуркой и сыном,
Водил их в театры
И по магазинам,
Купал их, кормил и укладывал он,
Но — хоть ты разбейся! — не помнил имен.
Слоненка, которого звали Батончик,
Отец называл то «Бидончик», то «Пончик».
Любимую дочку
По имени Кочка
Звал папа:
— Цистерночка!
Колбочка!
Бочка!

Себя самого
При знакомстве нередко
Он путал с соседом
И даже с соседкой!
И так представлялся: не «Ян Топотало»,
А что-нибудь вроде: «Ядвига Болтало».

Жену свою слон уважал и любил
(Но как ее звали, конечно, забыл).
Была терпелива жена у слона,
И все же однажды сказала она:
— Или сегодня же сходишь к врачу,
Или я видеть тебя не хочу!
И пан Топотало
Сейчас же
Без спора
Отправился в город
Искать...
Прокурора.

Когда уже день приближался к концу,
Пан Ян Топотало пришел
К кузнецу.
— Есть,— объяснил он,— серьезное дело.
Я бы хотела... Вернее, х о т е л О...
Я бы всю жизнь благодарнО вам былО!..
Кузнец молотком по слону постучал,
Ко лбу прикоснулся и вдруг закричал:
— Какая высокая температура!
Все ясно. Нужна вам одна процедура!
И — ХЛЮП из бочонка!
— Вот так, как сейчас,
Проделывать в сутки не меньше трех раз.
— Холодную воду на голову лить?
— Вот именно: нужно ее ЗАКАЛИТЬ.
А чтоб не забыли вы, что я сказал...
И хобот на память узлом завязал.

Пан Ян Топотало вернулся домой.
Жена увидала и в крик:
— Боже мой!
Ах, что с тобой сделали эти врачи!
А муж: — Помолчи,— говорит,— не кричи.
Я даже совсем не видался с врачом.
А это для памяти.
— Правда? О чем?
— О том, что хотел... что старался... что был...
— Да где же ты был?
— Я не помню. Забыл.

Слона в клуб «Сорок Сорок» привел Вадим ЛЕВИН, нарисовала его Алла ВОВИКОВА.

❄

— А какие еще стихи ты собираешься поместить в этой Комнате? — спросила Соберику-Разберику Белобока.

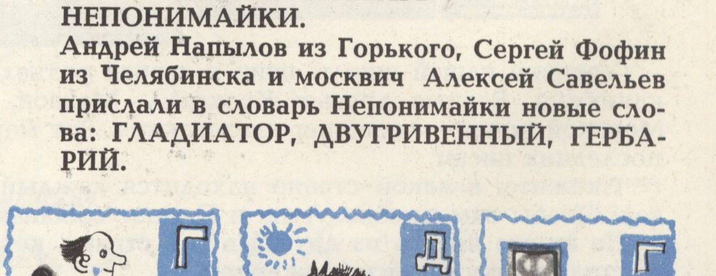
— Это зависит от наших читателей.

РЕБЯТА! ПРИСЫЛАЙТЕ В КОМНАТУ ВЕСЕЛЫХ СТИХОВ НОВЫЕ ЭКСПОНАТЫ: СТИХИ, КОТОРЫЕ ВАС РАССМЕШИЛИ. ТОЛЬКО НЕПРЕМЕННО НАЗЫВАЙТЕ АВТОРА И КНИГУ, В КОТОРОЙ ЭТИ СТИХИ НАПЕЧАТАНЫ.

— А теперь заглянем в

БЕСТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ НЕПОНИМАЙКИ.

Андрей Напылов из Горького, Сергей Фофин из Челябинска и москвич Алексей Савельев прислали в словарь Непонимайки новые слова: ГЛАДИАТОР, ДВУГРИВЕННЫЙ, ГЕРБАРИЙ.

Присылайте НОВЫЕ слова в БЕСТОЛКОВЫЙ словарь!

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА

Лупа и Пинцет — незаменимые помощники каждого филателиста, поэтому и в играх, которые они придумали, всегда участвуют марки. Игры не трудны для тех, кто умеет определять названия стран на марках.

Запоминайте все, что будут вам рассказывать Лупа и Пинцет. То, что вы постепенно узнаете, пригодится вам в Больших играх Лупы и Пинцета в одиннадцатом номере «ПИОНЕРА». Победителям этих игр будут вручены призы — наборы редких марок.

Уточните адреса

Ученики нашей школы птиц и зверей разъехались на каникулы. Верные друзья: Крокодил, Махаон, Гиена и Морской конек — часто переписываются. Вот марки с их последних писем.

Скажите, в какой стране находится каждый из друзей? Чтобы вам помочь, Лупа и Пинцет сообщают:

1. Не ищите никого из друзей в той стране, которая выпустила марку с их изображением.

2. Махаон не перелетал через моря и океаны.

3. Из письма Крокодила ясно, что на поездку в Афганистан у него не хватает времени, но он надеется посетить Новую Зеландию.

4. Друг Крокодила, получивший его письмо, проводит каникулы в Афганистане, и он узнал себя на марке, наклеенной на конверте.

5. Автор письма, присланного из Лаоса, целыми днями не вылезает из воды.

ПРИМЕЧАНИЕ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА: для решения этой задачи мы нарисовали таблицу. Советуем и вам сделать то же.

ГДЕ БЛИЗНЕЦЫ?

На этой картинке девять пар близнецов. Братья не виделись много лет и за годы разлуки сильно изменились, хотя в них есть и много общего. Помогите им поскорее найти друг друга.

Ответы на задачи из № 6

ВО ВРЕМЯ БУРИ

Капитан Перо сразу обратил внимание на письмо, которое писал Зеленый Карандаш. Во время такой сильной бури вряд ли можно написать письмо так аккуратно.

ЦИФРОБОЛ

Вот с каких позиций можно забить гол в ворота «Тигра»: 3—1—7—2—7—10—6; 3—4—1—3—3—4—1—2.

ЗАДАЧИ «Вася Черточкин в бассейне» и «Спорный снимок» все ребята решили правильно.

Кто они? Где они?

Сообщения Живживки, нашего лесного корреспондента

— Бодро здесь я пропою
Песню звонкую свою.

— Мне в лесу совсем
не худо,
Да и сам я просто чудо!

— Даже спящего луня
Опасайтесь, как огня!

— Дайте мух — и каждый раз
Я б, ликуя, пел для вас.

— Высоко летает стриж,
Но со мною не сравнишь.

— Часто видит клест во сне
Гирьки шишек на сосне.

— Много раз меня снимали,
Но в какой журнал отдали?

— Мойте клювики росой
Каждый день перед едой.

— Поздний час, глаза глядят
Еле-еле: спать хотят.

— Ночью спрячься и молчи,
Жадны страшные сычи!

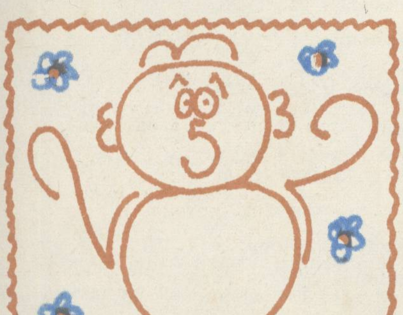
* * *

Здесь какая-нибудь птица
В каждых двух строках таится.
Пробираясь между слов,
Их увидит птицелов.

ПРИМЕЧАНИЕ ДЕДА БУКВОЕДА: я обнаружил десять птиц, не считая луня, стрижа, клеста и сыча. А вы сколько?

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

Волшебник Цифиркин

–ВОЛОСЫ –УШИ +РУКИ +НОГИ =

легко превращается в белку. Не верите? Проверьте сами это равенство.
А теперь НАРИСУЙТЕ ЗВЕРЕЙ И ПТИЦ, которых можно получить, складывая или вычитая цифры, которыми обозначены части тела Цифиркина.

Смотри в оба!

ЗОРЬКИ РЫБАЦКИЕ

В. БОРОНИН

Когда приходишь или приезжаешь на незнакомый водоем, то теряешься в догадках: где ж тут ловить, где будет клевать? Можно на одном месте просидеть час, два и ничего не поймать, а переменил позицию — только успевай таскать окуней и плотвичек.

В таких случаях я полагаюсь на... рыбу. Она подскажет, где ее можно подцепить на крючок. Надо только быть наблюдательным, смотреть в оба.

Ветка орешника

Озеро Ореховое в пойме Оки. Густые заросли орешника опоясывают почти всю круглую водную чашу.

Удобно усевшись на стволе дерева, низко склонившегося над водной гладью, закидываю удочку прямо перед собой, вправо, влево. Ни поклевки! Меняю насадку: вместо красного навозного червя нанизываю на крючок мотыля, затем опарыша. От всего отказываются язи, стаями плавающие совсем близко от поверхности воды. Что они ищут?

Примечаю: у соседнего дерева кто-то треплет одну из веток, наполовину погруженную в воду. Листья на ветке колышутся, хотя над озером стоит мертвая тишина, ни дуновения ветерка. Ясно: ветку орешника треплет рыба. Что она там нашла? Ага! Догадался.

Мне ничего не стоило набрать на берегу падалицы — недозрелых, подточенных червем, еще зеленых орехов. На крючок их!

Язь хватал необычную насадку с жадностью.

Никакая другая рыба на падалицу не брала. Только язь, и довольно крупный.

В травах

С лодки ловлю на удочку всякую мелочишку. То окунек попадется, то плотвичка, а порой и краснoперый красавец-подъязек на крючок угодит.

— Хорошо бы щуку заарканить!

Только подумал я о зубастой, как в соседних прибрежных травах ударила крупная рыбина, только хвост в воздухе мелькнул. Еще всплеск! Еще!

Так вот ты, зубастая, где разбойничаешь!

Я быстро смотал удочку, въехал в самую гущу прибрежных трав, веслом подрезал траву и в образовавшемся «окне» чистой воды поставил жерлицу. Не прошло и десяти минут, как щука схватила живца. Я ловко подсачил хищницу и завалил в лодку.

Теперь-то я знаю: где травы, там й щука. В травах держится мелкая рыбешка, сюда на кормежку приходит и щука.

Бой жереха

Жерех с такой силой ударил хвостом по стае уклеек, что те серебристым фейерверком разлетелись в стороны. Подобрав оглушенных рыбешек, хищник скрылся за песчаной косой.

Стая уклеек вновь собиралась у поверхности воды, и речной разбойник снова налетал на нее.

Наблюдая такую картину, я быстро сообразил, что надо делать. Поймал на удочку уклейку, перевел ее с одного крючка на другой, более крупный, и на длинной леске пустил наживку по течению к месту боя жереха.

Моя уклейка была схвачена мгновенно. Жерех метался из стороны в сторону, пока не угодил в подсачок.

СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор С. А. ФУРИН.

Редакционная коллегия:

О. И. ГРЕКОВА, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), **Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, В. Ф. МАТВЕЕВ** (заместитель главного редактора), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. И. ОРЛОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА** (главный художник), **Э. С. СОКОЛОВА.**

Адрес для писем: 101459. Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Макет **И. В. ПРАГЕРА.**

Технический редактор
В. В. ВАНТРУСОВ.

Сдано в набор 28/IV 1972 г. А 00935.
Подписано к печати 2/VI 1972 г.
Формат бумаги 84×60¹/₈.
Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л.
Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1374.
Заказ № 2935.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.